

САДЫ ЭДЕМА

Вступительная часть

Всю ночь напролет за окном шумел ветер, а под утро неожиданно стих. В тишине было слышно, как упали первые капли, и постепенно дождь застучал, неумолимо затеял свой не по-летнему нудный пляс. Тугими струями полоща старые яблони и кусты у дороги, он начисто слизывал глиняные колеи, и те, жирно поблескивая, отливали тусклой синевой. Бурая глина текла в них двумя густыми ручейками, струясь и чуть слышно ворча. Листва с травой разбухла в мгlistом, наполненном влагою воздухе.

Дождь лил, не переставая, весь день. Мучительно перебирая через край, он наполнил чрезмерно живой плотью ничуть не нуждающуюся в его услугах почву, но затихнуть пока был не в силах. Дождь всё тужился, опоясывая землю своим мутновато-серебристым венцом, обозначающим хотя и неизбежное, но еще такое не близкое изнеможение. В комнате стало уже темнеть, а он все барабанил без остановки под окнами, выбивая глубокие канавки в мягкой, доступной земле.

- Ужасная мокреть, - сказала она.

- Давай не будем думать об этом, родная.

- Вроде как дождя совсем нет?

- Нет, дождь есть, но он нам совсем не мешает.

- Давай,— радостно оживилась она и прижалась к нему теплым живым комочком. - Дождь есть, но нам всё нипочём.

- Верно.

- Тебе хорошо со мной, милый?

- Зачем ты спрашиваешь? Ты же знаешь.

- Мне хочется ещё раз услышать это от тебя. Ну, пожалуйста.

- Хорошо.

Она поближе придвинулась к нему, отдав часть своего трепетного тепла, и трогательно посмотрела в его глаза.

- Я готова.

Сейчас она была похожа на провинившуюся девочку, которая хорошо знала, что будет прощена и обласкана, и ожидание этой ласки делало ее доброй, милой зверушкой, ни разу не сталкивавшейся за свою жизнь со злом.

В лёгкой темноте, под мерный стук дождя по упругим сочно-зеленым листьям, он ласково обнял её за плечи и, склонившись к нежно белеющей мочке уха, прошептал:

- Любимая...

Крупные капли тяжело ударили в вымытое переливающееся окно, поглотив в себе замершее слово.

- Еще... - еле слышно произнесли ее губы.

Коснувшись губами мягких линий её уха, он почувствовал чистый и приятный вкус тёплой кожи, щедро обласканной за лето солнцем, а когда увидел трепетно вздрагивающую на виске, еле приметную голубоватую

жилку, то, не говоря ни слова, нежно поцеловал ее в то место, где волосы завивались в тугие маленькие колечки, и запах её тела показался ему еще вкуснее.

- Почему ты молчишь, милый?

- Разве ты не чувствуешь, как я тебя люблю?

- Чувствую. Так, что даже больно становится.

- Я не хочу причинять тебе боль... Большие всего на свете я боюсь именно этого.

- Нет, настоящую боль ты причинить мне не сможешь...

Она дотронулась тонкими пальцами до его виска и, сложив ладошку лодочкой, медленно провела ею вниз по смуглой щеке. Затем рука скользнула за широкий отворот рубахи и замерла там чуть холодящим, невероятно близким, радостным прикосновением.

- Я люблю тебя, - надрывным шёпотом выдохнула она.— Любимый... Я рада, что мы здесь, а не в городе. Не знаю, сможем ли мы вернуться...

- Мы всё равно вернемся, как бы там ни было.

- Не знаю... Мне так не хочется уезжать отсюда.

- Всегда есть вещи, которые волей-неволей приходится повторять, хочешь ты этого или не хочешь.

- Это ужасно, милый!

- Да, нелегко.

- Как было бы славно не уезжать никуда, а жить всегда здесь: чтобы за окнами был сад, там, внизу, море, и ласковый ветер, и дождь, и последние цветы на столе... Тебе бы больше не пришлось выкраивать нужное время для работы, потому что здесь так тихо, и хорошо, и покойно. А я бы была тебе женой.

- Да. Всё было бы именно так.

- Изредка к нам приезжали бы друзья, и я была бы для них гостеприимной хозяйкой.

- Я представляю, как всё это будет.

- Тебе нравится?

- Да, очень. Продолжай, пожалуйста. Мне интересно послушать о том, как бы мы жили, если никуда не уезжать и делать только то, что тебе больше всего хочется.

- Так вот, - с нежностью заглянув снизу в его глаза, торжественно произнесла она. - Я всё сделаю так, чтобы было весело, и никто из твоих друзей не скучал.

- Они и твои тоже.

- Прости, родной, я не хотела тебя обидеть. Нашим общим друзьям будет хорошо здесь, но тебя я люблю больше всех! Я и виду не подам, что это так, буду доброй, радушной хозяйкой, а не какой-нибудь злючкой, которой бы только сидеть рядом с мужем да изводить всех, кто этому мешает.

Он обнял её, и они легли, крепко прижавшись друг к другу, и слушали ровный, убаюкивающий шум дождя.

- Я бы тебе понравилась, - тихо сказала она.

- Знаю. Я люблю тебя, и мне нравится всё, что ты делаешь.

Он почувствовал, как тело ее сжалось, а потом, вытянувшись, она обхватила его шею руками и, не говоря ни слова, мягко уткнулась в неё, так что он ощутил чуть горячее душистое дыхание.

- Девочка моя, - проговорил он, чувствуя, как неукротимая волна нежности накрывает его с головой, а к горлу неудержимо подкатывает свербящий до слез комок.

- Обними меня крепко-крепко... Как только можешь.

- Так, чтобы было больно?

- Да...

Он обнял её сильно, нежно и крепко, так, как только мог, словно прощался и боялся не увидеть это чудо больше никогда.

- Ты такой сильный... и добрый, и я, наверное, сошла сума. Это хорошо?

- Это замечательно.

- Правда?

- Да.

- Значит, у тебя будет сумасшедшая жена, которая тебя безумно любит и не отдаст никому.

- Нам нужно было вовремя уехать.

- А мы не сделали этого.

- Все соседи уже оставили свои дома...

- Они просто бесчувственные люди.

- Помнишь то утро?

- Да, милый. Только не упоминай об этом. Я прошу тебя.

- О чём ты думаешь?

- Я думаю о нас с тобой и о том, что мы будем делать после того, как кончится дождь.

- Тогда мы поедem в город и будем делать всё то, что он потребует. Забот у нас хватит.

- Да. Но всё это будет, когда кончится дождь.

- А если он никогда не кончится?

- Мне бы этого очень хотелось.

- Мы оба немножко сошли с ума.

- Давай не будем думать ни о чем другом, а только о том, что у нас сейчас есть.

- Давай. Мы прекрасно провели с тобой последний месяц. Нас ничто не беспокоило, и нам было хорошо друг с другом.

Он накрыл своей широкой ладонью ее руку. Она тихо улыбнулась ему.

- Чего бы тебе сейчас хотелось? - спросила она.

- Очень-очень?

Она утвердительно кивнула головой и сильно сжала своей хрупкой и тонкой ладонью его запястье.

- Дай подумать.

- Только ты думай быстрее, - нетерпеливо произнесла она.

- Хорошо. Я скажу тебе, что, по-моему, может сделать жизнь лучше, потому что именно этого мне хочется больше всего на свете.

- Нашу жизнь с тобой?

- Не только.

Она скорчила милую гримаску и поцарапала ноготком ворот его рубашки.

- Тогда чтобы это было не очень скучно,— протянула она.— Ладно?

- Именно этого мне и хотелось.

- В таком случае, я больше не буду тебя перебивать, стану послушной пай-девочкой, которая ни в чем не перечит и очень любит тебя.

Она потянулась и, коснувшись влажными губами левой мочки его уха, горячо уткнулась в мягкую фланель заношенной рубашки.

- Я могу быть правым или ошибаться, но только мне кажется, что нет на свете ничего дороже для человека, чем способность любить.

- И чтобы это не было только желанием развлечься... Прости меня, милый.

- Да, родная. Когда любишь — чувствуешь, что живёшь, и тебе ничего не нужно, кроме, разве, возможности не умирать в своей любви.

- Зачем ты так говоришь, милый? Мы никогда не умрём с тобой, будем долго-долго счастливы, и у нас будут хорошие, весёлые дети, а я буду заботиться о тебе. Ты ведь думаешь так же?

- То же, что и ты.

- Значит, тебе ничего и никого не хочется, кроме меня. Я правильно поняла?

Он погладил её гладкие на макушке волосы, и она тихо замерла под его тяжелой рукой и прильнула всем телом к его теплу, и он почувствовал, как она предана ему в своем чувстве и что она значит для него.

- Иначе и быть не может, родной, - прошептала она. - Обними меня покрепче. У нас никогда ничего не кончится. У нас всё будет по-другому. С неудачами покончено. Верно?

- Конечно. Мы будем много и по разным поводам счастливы, но нужно быть справедливым.

- Нет, мы никому не помешаем. Счастье рассчитано на всех, и чужого нам не надо. Правда, дорогой?

- Так оно и есть. Ты не волнуйся. Я просто хотел напомнить тебе об этом, вот и всё.

- Я так рада, что мы провели это лето вместе. Но за это время я ужасно привязалась к тебе и в разлуке, наверное, просто не смогу существовать.

- Не думай об этом. Самое дорогое, что у меня есть, я ощущаю благодаря тебе. Послушай, если хочешь, мы отменим поездку в город...

- Нет. Это скверно, но откладывать не стоит. Лучше от этого не станет. У нас еще есть время.

- Я уже давно взял себя в руки и только хотел позаботиться о тебе.

Она тихо коснулась кончиками пальцев его щеки.

- Милый... Не надо ничего предпринимать. Лучше поцелуй меня.

Потом закрыла глаза и ласково подалась губами к его лицу.

- Бедная... Бедная моя зверушка, - еле слышно проговорил он над самым ее ухом.

- Вот уж нет,— не открывая глаз и обхватив его шею руками, медленно произнесла она.— Я счастливая... Ты ведь знаешь. Мне можно позавидовать.

- Все дни у нас были полны до краев, - сказал он.

- Разве наша вина в том, что мы так любим друг друга?

- Наши чувства тут не при чём.

Он медленно протянул в сгущающихся комнатных сумерках руку к её плечу и в какой-то отрешённо-застывшей и тихой задумчивости добавил:

- Да. Так оно и есть, наверное. Посмотри на меня.

И она посмотрела этими своими глазами, и зрачки ее расширились, словно от тихого жуткого света на ночной улице.

- Нет, нет, - приподнявшись на локте, тревожно зашептала она. - Отчаянье не для нас, милый.

- Может, - одними губами, еле различимо проронил он и перевернулся на спину. - Может быть, ты и права.

В окно было видно, как потемневшая песчаная дорога, петляя вдоль самого берега, незаметно поворачивала от моря и вилась вверх, к их дому с садом на высоком, буйно поросшем растительностью холме. Сад густо зеленел набухшей от дождя листвой. Под раскидистыми ветвями приземистой старой яблони стоял стол. Дождь стучал по пустым тарелкам на нём и разбивался в пыль, устраивая маленькие серебристые фонтанчики.

Было уже начало октября, и липковато-влажный запах усталой, порядком перезревшей зелени чуть ощутимой волной неудержимо вливался в замерший дом, оставаясь в нём как затихающий отзвук безвозвратно ушедшего знойного лета.

«ПОРТРЕТ»

Во все времена женщина была вдохновительницей художников. Но более — ее лицо, что наполнила прелестью сама Природа. Черты богатые, глубокие и ясные, роднее которых для мужчины ничего не могло быть на свете. Им недоставало лишь кисти мастера...

Портрет женщины, конечно, создает её лицо, и сделать его бессмертным — такова была мечта мужчин. Наверное, их увлекала даже не идея обессмертить женщину, а возможность, не уставая, восторгаться ей.

В глубокой древности, когда мужчина охотился на зверя и тем самым поддерживал жизнь рода, женщина изображалась первобытными художниками как произносящая магические заклинания. В ней, конечно, не было еще самой себя, той, какой она когда-нибудь станет, а были только объявляющая все живое тайна и преклонение перед ней. Женщина — хранительница огня, быть может, прикоснулась к ней, в своих спокойных раздумьях за домашней работой, чуть раньше мужчины. В ней первой затеплился пожирающий огонек постиженья, который также раньше, чем мужчину, свел ее с Богом. Именно тогда в женщине проснулась та одухотворенность, что долгие века не давала мужчинам покоя.

В далекие времена наблюдательным человеком схватывался лишь образ женщины, а не ее черты. Образ выражал робкий порыв, страждущее вознесение к небу еще не оформившихся скромных желаний, скорее — мольбу и плач. За жизнь детей и здоровье мужа, за неуловимое счастье своего рода. Женщина быстрее, чем с мужчиной, и неведомо от него научилась говорить на языке чувств с Всевышними Силами. В ней прежде мужчин утвердилась вера в божественное знание...

Тайно женщина копила его в себе долгое время и ни с кем им не делилась. Это, наверное, помогло ей преодолеть бесчисленные тяготы суровой жизни и воспитывать детей. С утробы, а потом и с молоком, женщина вдыхала в свои создания вкус к жизни и ее свет. Господь Бог помогал ей в этом.

Эта не видимая глазу внутренняя работа так же незаметно слагала женщине ее лицо. Но, все же, она оставалась безликой в понимании мужчины. Ему требовалось, быть может, еще более мучительно, нежели женщине, преодолевать в себе незнание, прежде чем он это заметил. И опять тянулись долгие века, и женщина терпеливо росла вместе с землей и дарила любовь.

Прежде всего - мать, продолжительница рода, она вскармливала грудью будущих мужчин, а они часто об этом забывали. Но некоторые несли в своем сердце красоту, воспитанную в них женщиной, и были благодарны ей за это. Именно они первыми научились распознавать в женщине божественное, они и обрекли себя на вечное ей поклонение. Многие из них стали художниками.

Древние египтяне создавали изображения женщин с их черными продолговатыми глазами, тонкими чертами лица и стройной фигурой. В них были особая грация и прелесть. Они были свежи и молоды.

Женщины у египтян становились схожи с каким-то человеческим цветком, с туловищем, напоминающим тонкий, гибкий стебель, на конце которого посажена небольшая головка... Их фантазия озаряла когда-то уснувших женщин неувядающей улыбкой. Но щедрости в размышлениях души еще не было.

Более величественный тип изображения женщины появляется в начале первого тысячелетия, в греко-египетский период, с присущими ему печалью и страданием, исполненными высокими чувствами... Почти всегда - это низкий и узкий лоб, обрамленный густыми вьющимися волосами, нос длинный, прямой, немного толстый, но прекрасный по форме и рисунку, рот с крупными, всегда полуоткрытыми губами, глубоко сидящие под широкими бровями большие глаза, холодный блеск которых освещает божественную бесстрастность черт. Этот тип встречается повсюду: в изображении богинь, в прелестных статуэтках и на медальонах. Женщина в те времена — как бы чудесное отражение самого божества.

Но божественной женщина оставалась всегда, так же, как всегда сохраняла свою нежность. Древние художники вдыхали ее даже в мрамор. Изображаемые древними мастерами, женщины, несмотря на свою божественную властность, казались всё такими же чувственными и прекрасными.

Мрак средних веков подарил нам только грубый символ женского лица, в течение десяти столетий окруженный ореолом мученического венца. В присутствии холодного сияния святых - щеки у женщин бледнели и вваливались, глаза выражали горе и страдание, неминуемо превращаясь в источники слез. Беспристрастные девы тревожно прислушивались к словам ангелов в их бесчисленных благовещаниях, угадывая во всем только мистическое значение. Любовь к жизни в них заменилась ужасом смерти и страхом мучений ада. Женщина на долгое время превратилась в орудие вечного проклятия, создание дьявола.

Образ женщины средних веков — это печальная Мадонна с исхудалым лицом и ввалившимися глазами, с воздетыми к небу руками. Это вечное взывание к покаянию и милосердию. Она — голая скорбь и смирение.

Кающаяся грешница — это не что иное, как приниженная варварством женщина, почти не сопротивляющаяся этому принижению. Художники этой эпохи вынуждены были изображать ее такой, чего она, конечно, не заслуживала. Изредка лишь кто-нибудь из них забывался, инстинктивно возвращаясь к истине, но это было редкое исключение. Женщина же на самом деле оставалась сама собой.

Все скорбящие женщины были исполнены красоты... Сдержанной, забитой, но не увядающей. И красота пробилась, подобно живительному источнику, долго не находившему себе выхода, в эпоху готики. Тогда

женщина должна была покорять мужские сердца белым, как лилия, телом, румянцем, напоминающим только что распутившуюся розу, длинными, покрывающими ее, подобно золотому плащу, вьющимися белокурыми волосами цвета золота или зрелого колоса, большими ясными веселыми глазами, губами, красными, как цветок персика или пунцовый розан, руками полными, округлыми и такими же плечами... Все модницы того времени, стремясь отвечать этому идеалу, хотели быть белокурыми, и в книгах той эпохи встречается множество рецептов жидкостей для окраски волос.

А потом началась великая эпоха Возрождения... Само понятие «портрет» появляется, по-видимому, именно в эту пору, когда у человека наиболее зрело и вдумчиво рождается замечательная потребность заглянуть в себя. И в женщину — как в лучшее, что было ей терпеливо накоплено и взлелеяно.

Может быть, даже только торжеством женского обаяния и были окончательно разбиты мрачные каноны средневековья. Проклятие, тяготевшее совсем недавно над художниками, пало, и под их вдохновенной кистью ожили нежные, изящные существа. Самой очаровательной, наверное, была «Весна» Боттичелли, с этой незабываемой улыбкой мадонны.

Во-первых, то, что именно весна - поражает в этой картине. Весна, осветившая, наконец-то, мрак безысходных столетий, их невежество и дикость. Как мог художник, в общем-то, довольно спокойно, так неожиданно преподнести ее?! С обаятельной и полной достоинства улыбкой, нежными губами, проникновенным взглядом...

Удивляет сама девушка, загадочно улыбающаяся и зовущая, в отличие от сдержанно-холодных женских образов того времени. Волосы золотые, свободно и мягко переплетающиеся с цветами... Их пряди легки и свободны. Но они - только чудесный ореол для заключенной в них чистоты, претерпевшей нескончаемые оскорбления. Это видно в ясных глазах, прямой переносице и подбородке, в твердых и полных надежды губах.

Много видевшие и не уставшие глаза устремлены на тебя с любовью. Нос, изящно и свободно продолжающий открытый лоб, обрамляют тонкие ноздри. Лицо проникнуто неукротимой силой и знанием, оно жаждет только добра.

Всё самое прекрасное оставалось в женщине всегда, и художник только решил показать это людям. Всё это должно было жить в самом художнике, решившемся на такую картину. Боттичелли очень тонко почувствовал для нее время, время созидания нового портрета. Портрет «Весна» стал первым свежим дуновением для возрождающейся жизни, и одухотворила ее женщина.

Но, несмотря на пронесшийся над Европой ветер перемен в конце пятнадцатого столетия, благодаря страстным проповедям сурового монарха Саванаролы в мире разгорелся тот страшный костер, на котором погибли лучшие произведения искусства, отмеченные печатью бессмертия. К счастью, «Весна» Боттичелли избежала сожжения только потому, что

находилась в то время за городом, на вилле Козимо Медичи. Всевышнее провидение уберегло великое творение...

Мода пятнадцатого века удалила с головы женщины повязку, что придавало ей что-то суровое и монашеское. Знатные дамы стали туго связывать волосы, притягивая их к макушке, и даже иногда выбривали часть волос, чтобы возможно больше открыть лоб.

В эпоху Возрождения появляются не только очарование и нежность женщины, но и ее характер, мысль, личность... Женщины, наконец-то, полноправно обретают свое лицо. Появляются даже образы женщин, имеющих мало общего со святостью: Лукреция Борджиа, Фьяметта, Юлия Фарнезе, любовница папы Александра VI.

Пиком изображаемой художником глубины в образе женщины оказывается известная «Джоконда» Леонардо да Винчи. Это — портрет Моны Лизы, жены флорентийца Джоконды. Леонардо да Винчи писал ее в течение четырех лет, и нет, кажется, другого художественного произведения, о котором бы столько писали, хвалили бы его и восторгались им.

Поэты воспевали портрет в стихах, писатели посвящали ему восторженные панегирики, исследователи искусств исписали о нем бесчисленное число томов. Это полотно во все времена притягивало к себе мужчин, неотступно поглощая их внимание, и они шли к нему, глядели и не могли насладиться.

Взор этой женщины — упоение, открывшееся великому мастеру. Он сумел изобразить это замечательное состояние, может быть, самое подлинное в ней: расположение духа в минуты окрыляющего умиления от осознания находящейся в себе гармонии, подлинную женскую проникновенность, призванную умиротворять дерзкие мужские сердца.

Даже если предположить, что в этом портрете заключена лишь душа художника, которую он вдохнул в него своим гением, значит, очень красивая женщина уже существует или в скором времени родится. Нет, скорее всего, она уже живет, любит и не желает умирать в своей любви. Потому что душа всегда жива, она черпает любовь из окружающего ее мира.

Мона Лиза молча увещевает людей поверить в их божественность, пока простота открывающегося чудесного мира представляется им загадкой. Всё в портрете нежно и хорошо, можно даже сказать — идеально, и так правдиво. Очаровательная улыбка озаряет ее лицо, и мы думаем, что такая женщина нам недоступна. А она, наоборот, каждого зовет за собой, приглашая быть вместе с ней счастливым.

В глазах - влажный блеск, они совсем живые. Брови, веки, ресницы — всё совершенно реально и, кажется, написано с такой легкостью... Высокий лоб несет печать покоя и мудрости женского всезнания, что дарованы природой. Мягкие тени у глаз только подчеркивают глубину несомой в них мысли и нежность.

Чуть заметная подвижность ноздрей выдает их размеренное дыхание... Сам нос почти не угадывается, всё внимание приковывают глаза и рот,

уголки которого не вздернуты, а тянутся вверх. Они прогоняют жизненную печаль и освещают лицо доброй надеждой. Чистота его непостижима.

Всё не отпускает мысль: а что будет, если Джоконда встанет, повернется и что-нибудь ответит художнику?! Не поглотит ли все ее прелести вмиг охватившая обыденность жизни? Не пропадут ли величие и ласка женщины, призванной успокоить мужское сердце?

Этого боялся Рафаэль, вкладывая в своих женщин только ту грацию и прелесть, чем они обладали. Без всякого желания исказить реальность - он прямо передавал то, что в женщине видел. Но лишь до тех пор, пока не встретил свою Форнарину — эту прелестную булочницу, поглотившую его всецело до самой смерти.

Именно она, не обладающая, по утверждению очевидцев, в полной мере глубоким пониманием жизненного смысла, не стремящаяся, как художник, к чему-то высокому и идеальному, поразила его воображение. Мало того, она властно и неотразимо влияла на великого художника, добиваясь этого только жизнерадостностью, здоровьем и роскошностью форм, указывающих на здоровую натуру. Обладая большой дозой веселья, живостью и добром, любящая всякие удовольствия, женщина эта совершенно подчинила Рафаэля, чему он, надо полагать, и не препятствовал.

Рафаэль был просто восхищён красотой молодой женщины, всем ее округлым изяществом и большими черными глазами, излучающими какое-то таинственное и живое выражение. Он, должно быть, любил её чувственный рот, свежую кожу, плечи и не мыслил себя без Форнарины. Кажется, сама звезда снизошла с небесного свода, чтобы давать художнику свет, из которого бы он черпал для себя силы.

Магию женского лица запечатлел он в немом портрете, и мы пытаемся безуспешно постигнуть ее, и неминуемо пасуем перед его очарованием. Портрет и очаровывает, и повергает в сонм сомнений: удивительная тайна женского лица остается нераскрытой. Форнарина только улыбается, манит, но этого уже довольно.

После стольких лет незаслуженного забвения, художники эпохи Возрождения неистово бросились прославлять женскую красоту в своих портретах, может быть, пытаясь только показать её, а не постигнуть. Все эти знатные дамы, пастушки, возлюбленные королей и куртизанки, окружённые ангелами трепетные мадонны рождаются друг за другом в лучезарном олицетворении истинной грации. Радость жизни переполняет все эти прекрасные глаза, белые роскошные плечи и шелковистые локоны, утопающие в упоительных улыбках...

Портрет в это время — отражение восторженной души художника, жаждущего воспользоваться тайной своей кисти в изображении именно женщины. Только ее желал он писать, о ней одной думал и поклонялся, часто увлекаясь наружной гармонией красок и линий. Внутренняя же красота пока оставалась в тени...

Лишь такие волшебники, как Тициан и Перуджино, создали лучшие портреты женщин, изобразив в них каждый свою Марию Магдалину. Кающиеся, но полные достоинства, нежные и негодующие, земные и непостижимые... Увиденные в тепле золотисто-медовых тонов, обе они словно тают от трепета пробивающейся в них жизни. Это не солнечное тепло, а именно женское, рожденное, конечно, благодаря солнцу. Сколько в нем чувственности, великолепия и порыва!

Пьетро Перуджино чуть раньше и более сдержанно почувствовал его. Смущенная ласковой пронизательностью художника, вся окруженная излучаемым собой светом и тенью, Мария необыкновенно обаятельна. Она ясна и душой, и лицом, совсем некокетливо склоненным и вылепленным так тонко и радостно, что не хватает решимости что-либо еще говорить. Просто глядеться в него и мягко улыбаться душой, быть твердым в выборе жизненных намерений и честным, никого никогда не обижать.

Портрет Магдалины, удивительно уравновешенный, в отличие от той же «Джоконды» Леонардо да Винчи, почему-то не обескураживает возможностью неожиданных преобразений. Веришь, что, перестав позировать художнику, эта женщина ничуть не изменится, оставаясь такой, какой он ее изобразил. Художник только увидел и сохранил очаровательную чуткость женского лица, чтобы оно светило в веках и не умирало для грядущих поколений, чтобы согревало своей теплотой и надеждой.

Позже обаяние женского лица посетило и Тициана в образах трех изображенных им в портретах женщин: это — «Красавица», «Лаура Дьянти» и «Флора». В первом портрете — великолепие молодости, здоровья, полнота праздничного богатства и величавости. И сквозь всё это — трогательность застывшей перед жизнью газели, ее открыто сияющая щедрость. Бархат изумрудно-фиолетовых тонов — лишь повод к внутреннему блеску, легкое прикосновение к тайне, нежность и сияние, торжествующая от счастья улыбка...

То же женское очарование, изысканно скрытое природой, заключено и в Лауре Дьянти... Это уже не первый весенний цветок и не свежий букет полевого разноцветья, а вполне распустившаяся роза, во всём ее блеске. Ласковые глаза туманно смуглы, всё в этой женщине создано для любви и готово к ней. Слегка коснувшийся взгляд мужчины — не в счёт, допустимо лишь взаимное обладание.

И ещё — прелестная «Флора»... Волшебство, что исходит от ее роскошного тела через белую шелковую рубашку, руки, поддерживающей нежные соцветия, и мягкости золотых волос, покоряет своей прелестью. Пленяет их такая же шелковистость и доступность. И, конечно, губы, шея, хрупкие ключицы, еле сдерживающие заключённую в себе негу...

Ах, Тициан! Он обозначил этими женщинами портреты жизни, сделав мужественный выбор: соприкасаясь с такой красотой, не стоит оглядываться на Божьи заповеди.

Но природа мужчины так устроена, что, насладившись в полной мере красотой, она ему надоедает, и он начинает относиться к ней уже с некоторым притворством, позволяя себе всякие фривольности и неделикатность. Красота женщины словно набивает ему оскомину, и он перестает в должной мере ценить ее, порой даже отрекаясь от нее. Это, конечно, не могло не повлиять на женщину, и портрет ее иногда изменяется.

Женщина не хочет по-прежнему зависеть от мужчины, и «Юдифь» Кристофано Аллори самоотверженно отсекает мечом старые предубеждения, освобождая всех женщин от ненужной чопорности. Её портрет с отрубленной головой Олоферна поэтому нежен и героически трогателен. Чисто по-женски негодуя и любя, Юдифь защищает в женщине ее красоту, прибегая во имя этого к убийству. Губы в волнении полуоткрыты, глубокий взгляд и мягкий взлет бровей неумолимы: во всем ее облике только торжество.

Постепенно поэтичные и гордые мадонны Рафаэля, знатные дамы Леонардо да Винчи и Тициана — все женщины, возжелавшие отстоять в себе независимость, уступают место сентиментальности и шаловливой грации, отмечающей для себя настоящее освобождение от мужчины, от его непостоянства и недалёкости, от чрезмерной напыщенности незначительными успехами. Мужчинам же не раз придется вернуться и вновь убежать от женщин, без которых в глубине души они, конечно, не мыслят своего существования.

Не Италия уже, а Нидерланды празднуют теперь подлинное возрождение женского портрета — сильного, свежего, здорового, в котором, как в зеркале, отражаются все народные качества: добродушная радость, восторженный ум и шумное веселье. Празднуют в лице Рембрандта, Ван Дейка и великого фламандца Рубенса! Именно они сумели придать женскому портрету черты, ранее ему не присущие, и вдохнули в него тот самый, недостающий пульс жизни.

Рубенс, женатый дважды, может быть, раньше всех из них почувствовал потребность в этом. Помогла ему первая супруга — Изабелла Брант. Имея такую восхитительную, не устающую удивляться жизни подругу, Рубенс уже мог считать осуществленной половину дела. И он, конечно, не остановился на этом.

Изабелла Брант была лишена того изящества черт, присущего итальянским мадоннам, зато ей было не занимать игривости характера, так чудно отразившегося в ее лице. Очень живое, полное уравновешенной восторженности, оно на всех портретах озарено милой улыбкой — скованной импозантности нет и в помине. В образе своей неподражаемой жены Рубенс подчеркнуто стремился к изображению правдивости женской природы, ее чистоты.

Что же касается его второй жены — Елены Фоурмент, то в ней он нашел, по-видимому, так не достающую ему сладость. Мягкость и нежность линий, смесь лилии и розы. Портреты её выполнены им, словно мягко вдыхая

окружающее его великолепное пространство: во всём - соразмерность и теплота.

В глазах светятся любовь и умиление, губы, шея, грудь — всё создано только для поцелуя. Глядя на эту женщину, понимаешь, чего стоило художнику оставить свою первую жену. Благодаря роскошной фламандке, его ждал восхитительный покой. И еще столько радостной работы, в которой он с гениальной нескромностью смаковал все тайные прелести своей возлюбленной.

Третий запоминающийся портрет Рубенса — это юная принцесса королевского дома инфанта Изабелла. Милое дитя, кажется, ещё совсем ребенок, она уже смотрит знающей женщиной. Чего-то ждёт, не просит, даже, может быть, предостерегает...

Лоб осенен божественной любовью, и ещё - подбородок, губы... Они застыли, мягко сжавшись, перед не дающим покоя вопросом: как жить и для чего вся эта переполняющая душу радость? Страх и восхищение от предстоящей жизни, трепетное ожидание чего-то удивительного...

И, конечно, надо упомянуть маркизу Бриджиду — это, сотканное из лепестков, обаяние, саму невинность. Точно нежный цветок в саду, наполненном зрелыми, роскошными плодами, мягко светится она своей улыбкой. Никого не затмевает, ненавязчиво сочетаясь с общим благоуханием. Только туалет выдаёт высокопоставленность бутона.

Цветок расцвёл, пленяет, и невозможно удержаться от умиленного восхищения. Нос так безукоризненно выточен, а ресницы с бровями так бархатны, что не верится в их реальность. Ямочки в уголках рта играют чудесностью шелковистой кожи, она прозрачна, тонка и, кажется, необыкновенно ароматна! Даже не думаешь, что вся эта красота когда-либо увянет: такого, ты знаешь, произойти не может.

Вообще, все женщины Рубенса удивительно свободны и умны своей красотой, они ни на кого не похожи. Обе жены художника, юная Изабелла и очаровательная маркиза, как-то по-рубенсовски сладко и покойно живут в тебе, смотрят, напоминая своим присутствием об очень важном именно для женщины. Хочется так же упоительно жить с ними, не отпускать, втайне восхищаясь своим чудесным обладанием.

Блистательный Ван Дейк ничуть не уступал Рубенсу в изображении женщин и, может быть, даже заглянул ещё глубже. С его бесчисленных женских портретов на нас взирают обольстительность и прелесть, и еще что-то такое неуловимое и необъяснимое, присущее только женщине. Удивительно схваченная художником, эта прелесть пронизывает все его картины, она неуловима и благородна под роскошными одеждами из атласа, бархата и кружев, унизанная жемчугом и драгоценными камнями, оваянная ароматом богатства и знатности.

Изящество кисти Ван Дейка, его благородство сродни божеству его женщин. Сила таланта художника так велика, что, кажется, он знает о

женщинах всё. Его восхитительные маркизы, графини и принцессы просто околдовывают и повергают этим знанием, они - безукоризненны.

Научившись у Рубенса искусству, Ван Дейк создал в нём нечто своё: он открыл для мужчин блестящую суть женщин. Облагороженные, величественные, чуткие, они стали святыми, сохраняя всю живость своей земной натуры. Художник стал велик искренностью понимания женщины и свободой от нее: ни одна из них не подавляла его правдивого воображения, не отвлекала от других. Он был собран, пронизателен и с необыкновенным вниманием относился к каждой.

Невозможно забыть все эти одухотворенные лица... Маркиза Бриньоль-Саль, Мария Луиза де Таксис, маркиза Спинола, графиня Ричмонд, принцесса Беатриче де Кюзанс и, конечно, сама жена художника... Глядя на их гениально отображённую нежность, кажется, что Ван Дейк был создан Богом только для того, чтобы увековечить женское изящество и красоту.

Рембрандт, как и Рубенс, женатый дважды, не мог не запечатлеть красоту своих возлюбленных — Саскию и Хендрике Стоффельс, но над ним всё-таки больше тяготело само искусство. Женщина была интересна для Рембрандта, скорее, выразительницей настроения, каких-то неясных сомнений, нежели своей драгоценностью. Некоторые его образы даже поражают безобразностью и уродством, которые он, по-видимому, сознательно выискивал в женщине. Что-то чересчур упрощенное, какая-то не выявленная им самим глубина и банальность взглядов мешала художнику до конца познать женскую природу.

Не зря среди его самых удачных женских образов — портреты старух, в которые он вложил только их горести, страдания и утраты, стараясь не замечать всех женских прелестей. Минувшие годы, потухшие глаза — вот что привлекает гений Рембрандта, и ты проникаешься к нему за это искренним уважением. Даже в портретах молодых женщин видна какая-то несоразмерность, даже - надтреснутость, которая, впрочем, приятна. Это неожиданно удивляет и незаметно приковывает тебя к портрету, и ты более пристально всматриваешься в женщин Рембрандта, постепенно различая природный вкус и гармонию.

Тебе вдруг начинают нравиться не совсем красивая рука, между тем, изящно поддерживающая шелковую накидку, намёк на двойной подбородок, слишком маленькие глаза и припухлые веки. Легкий наклон лица, напоминающего мочёное яблочко, вызывает добрую улыбку, а некоторая крестьянская курносость, сходная, скорее, с картофельным клубнем, даже умиляет. Какой-то обрадованный, ты уже не замечаешь явно бросающихся в глаза огрехов, и понимаешь, что художник искал в женщине не плохое: он только позволил себе быть честным, подмечая в образе дурнушки свою красоту. Красоту, которая существовала в любой женщине всегда. Может быть, именно поэтому Рембрандтом следует восхититься более, чем каким-либо иным портретистом.

Надо не забыть и Веласкеса, придворного художника Филиппа IV... Его женский рисунок очень сильный, и в то же время он замечательно тонок своим выражением неуловимых душевных ощущений, как в знаменитом «Портрете дамы», где за видимой скованностью и хладнокровием угадывается натура твердая, решительная. Веласкес находил красоту в мельчайших деталях, щедро разбросанных природой в любой женщине, и собирал её в портрете воедино.

Простота, присущая изображению им женщин, была выражением их души. Он кропотливо искал ее, стянутую безжалостными корсетами, обезображенную фижмами, огромными панье, румянами и белилами, в несусветном избытии покрывающими женские лица. Вознагражденные терпением художника, холодные и гордые дамы, исковерканные модой времени, словно освещались и приобретали какую-то особенную прелесть.

Несмотря на отпугивающую напыщенность, что, наряду с благородством и величием, соединилась в классическом художественном духе, господствующем в семнадцатом веке, наверное, ещё стоит упомянуть французских портретистов Миньяра и, в особенности, Ларжильера. Миньяр был очень ловок и мягок в угадывании женщины, он мог элегантно польстить ей в портрете, и это не оставалось незамеченным. Имея звание придворного портретиста, он был любим женщинами при дворе Людовика XIV, и поощрялся самой королевой. Обремененный своими бесчисленными заказчицами, он не погиб в этом ослепительном море очарования и блеска, а слился с ним воедино, став неотъемлемой и нужной частью. Блистательней всех он отгадал замечательную Марию Манчини, по-видимому, более других придворных дам доверившуюся его таланту...

Еще большим талантом похвастал Ларжильер, прозванный, кстати, французским Ван Дейком... Именно по отношению к женщине выказывая неподражаемую любовь, художник поражал даже своим именем, схожим с чудесной цветочной корзинкой, по-французски тонкой и изысканной. Таким мы знаем его известный женский портрет, тоже, подобно чему-то цветочному, легкому и душистому, мило взирающему на нас.

Правильные черты лица, кажется, растворяющаяся в глазах нежность шеи и мягко касающийся её локон, милый взгляд, проникнутый очарованием всей своей молодости и жизни: нет сил, чтобы оторвать взор от этой женщины. Аромат исходящей от неё свежести и чистоты опьяняет, он, кажется, неиссякаем. А она так нежна и горделива, совсем некапризна, и совершенно незабываема. Какой-то чудесный неведомый цветок, великодушно подаренный природой миру, а художником трепетно сохраненный. И ведь это всего лишь портрет, пусть удивительное, но всего лишь отражение существующей женской красоты!

Сходство с портретом семнадцатого века остаётся и в восемнадцатом, но некоторые художники примечают нечто новое в женщине, какие-то не присущие ей ранее открытость и романтизм. Это удаётся всё тем же французам в лице, во-первых, Мориса Кантена ла Тура. Его «Женский порт-

рет» — может быть, лучшее, чего достигли портретисты восемнадцатого века. Эта женщина — олицетворение того, что было неведомо для неё самой, и оно, неожиданно, расцвело в её душе: от женщины повеяло свежестью родившейся из-под спуда веков свободы.

В её глазах — раскрепощённая радость и мечта, желание лететь от счастья над землей, вселяя в сердце каждого её восторг. Петь, кружиться, совершать безумные поступки — всё это вдруг появляется в женщине восемнадцатого века. С неё словно спадает сковывающая мантия, давно не позволяющая быть ей свободной и счастливой.

Это счастье переполняет всё существо женщины, светится в глазах, улыбке, западает в ямочках у рта. Рот тоже готов вот-вот раскрыться в восторженном приветствии, легко преобразившись в свежий поцелуй. Лоб, чистый и большой, начинает нежнейший овал лица, завершающийся мягким подбородком. В нем нежно всё, чудесно...

Портрет, как и изображенная на нём женщина, прост и доступен. Кажется, любому человеку улыбнётся это милое создание, независимо — мальчик то, юноша или уже настоящий мужчина. Она рада любому, потому что переполнена цветением, солнечным светом и небом, она сама — вольная птица, готовая петь каждому. От этого она ещё более расцветает, и ей открывается весь мир.

Волосы убраны тоже свободно и вольно, чувствуется, что они очень мягкие, как изобразившая их пастель. Пастельные легкие завитушки выдают очарование прикоснувшейся к женщине свободы, и ещё — теплоту её длинных ладоней, способных притрагиваться к себе еле уловимо, но до проникновенной дрожи, грациозно поправляя на затылке узел.

Сразу представляется, как ее изящно заломленные руки поднимаются к нему за головой, тонкие сильные пальцы слегка касаются волос, и что-то уверенно и красиво делают там. Девушка не видит тебя, а ты, как ветерок, подкрадываешься в ее окно, и замираешь у подоконника. Не мешаешь, ни во что не вмешиваешься, а только пребываешь рядом, чтобы она едва ощущала твое присутствие и незаметно радовалась про себя ему. В отличие от очаровательных, но, всё же, манерных дам семнадцатого столетия, ей ничего не стоит выйти в легком платье под дождь, с улыбкой подставляя ему лицо и волосы...

Совсем другая женщина показывается теперь мужчинам, и невероятно притягивает к себе, так что они опять забывают обо всём на свете. Ради такой красоты стоит потерять голову и не найти её. Красоты более трогательной, даже — божественной, чем у всех предшествующих высокочтимых дам.

Беспрестанное изменение лица под влиянием интенсивной душевной жизни создаёт такой тип женщины. Лицо несёт в себе остроумие, выразительность и свободу, являя протест напыщенным капризам недавней моды. Необыкновенная прелесть, созданная самой природой, служит истинным воплощением этой женщины.

Взять хотя бы «Девушку с розой»... Автор ее — Буше, любимый художник маркизы Помпадур, всесильной фаворитки короля Людовика XV. Его голубые и розовые картины могли появиться только в восемнадцатом веке. Пастель у него, как и у Кантена ла Тура, тоже придаёт особую чувственность портрету.

В девушке, вдыхающей аромат розы, схвачена вся тонкость происходящего, в ней - выразительная нежность лёгкого томительного движения. Мимолетный благоухающий взгляд продолжает кокетливую улыбку... Девушка так мила в своем цветочном порыве, что чудится сама большой и нежной розой, источающей непревзойденный аромат.

Позабыты былая чопорность и дисциплина, женский портрет теперь насыщен жизнью влюбленной души, он соткан из ее мимолётных и тонких оттенков. Только просветленное лицо, женщину переполняют радость и счастье. Кажется, нечего уже больше желать, некуда стремиться: всё самое лучшее в женщине родилось, она — восхищенная богиня.

Общий портрет её можно выразить так... Широко открытые глаза резко обрамляют густые и широкие брови, неуловимо поддерживающие чистый лоб. Взор выражает и нежность, и страстность, и, может быть, даже откровенно не скрываемое вожделение. Нос прямой, довольно крупный, рот непременно с плотными губами, и подбородок не удлиняет овал лица с широкими скулами, а только мягко округляет его. Игра ума и очаровательное бесстыдство на её лице - ослепляют.

Она словно не хочет быть красавицей, и совсем не боится, если её не посчитают таковой. Страстно желая жить, она стремится к острым ощущениям, переживая все доступные мысли и чувства: горе, веселье, грусть и даже страдание. Это придаёт ее лицу ту очаровательную миловидность, что возвышает его над обыкновенным хорошеньким личиком.

Не прельщать неотразимой красотой мечтает эта женщина, а обращать на себя внимание своим своеобразием и каким-то восхитительным легкомыслием. Свежесть, неподражаемая веселость присутствуют в ней. Ей хочется мило шалить, быть во всём задорной, и не опускаться при этом до обыкновенного восторга.

Легкомысленное остроумие, полное огня, обворожительная печаль, подразумевающая глубину, вот что движет женской душой в это столетие. Художники в своих портретах обессмертили её, добиваясь только восхитительной правды. И, наряду со всем этим, в женщине, как никогда, присутствует достоинство, которое, по своему выражению, очень изящно.

Грациозное сладострастие к жизни переполняет женщину, но она не желает просто нравиться: женщина счастлива только оттого, что существует. Этим она мгновенно привлекает к себе, и постепенно околдовывает. Улыбка её - будто неуловимый поцелуй, присутствующий на губах для всякого, и в то же время никому не принадлежащий. Такой, лучшей из женщин, она останется навсегда, и будет привлекать к себе немые мужские сердца и разбивать их о свою кажущуюся доступность.

Не зря непредсказуемые в своем отношении к женщине французы первыми почувствовали в ней всю эту роскошь, вдохновенно воспели её и, несмотря на явные поражения, не разочаровались. Их женские портреты, полные непостижимого очарования, хочется впитывать, не переставая, а ведь написаны они такой хрупкой, изящной и быстро стирающейся пастелью. Очень приятно не расставаться с ними, долгое время носить с собой, но и не привыкать.

Тебе как-то даже и не удаётся это, и ты мечтаешь, хотя бы ненадолго, побыть Наттье, когда он рисовал свою «Неизвестную», или Ванлоо, чтобы познакомиться с игривой маркизой де При, забавляющейся с певчей птичкой... Ты вдруг представишь себя в головокружительном окружении милостивых актрис и танцовщиц Кантена ла Тура, Патер улыбнётся тебе своей женщиной - «Любовью в глазах», и еще симпатичный Ролля, неуловимый Элле и тонкий Фрагонар... Все они станут для тебя незабываемы, потому что ты почувствуешь, благодаря им, вкус женщины, страстно желая при этом любви.

Эта новая женщина царила в те времена везде, даже, казалось бы, в сухой и горделивой Англии. Так же свободно взирали английские красавицы на мир, и в этом им помогли Рейнольде и Гейнсборо, а еще Опи, Ромни и Реберн. Чекающие своей красивой строгостью, их имена были под стать независимости знатных английских дам, талантливо изображенных ими.

У англичан эта женщина, может быть, лишённая такой открытости, как у французов, переполнена ожиданием: она уже знает о себе всё, и только ждет мужчину. Не робко, а именно по-женски сильно и независимо, даже с некоторым вызовом. С удивлением открываешь, что мягкости в ней ничуть не меньше — она только кажется более содержательной, обворожительно-строгой, но не неприступной.

А сколько здесь обаяния, ласки, без скоро надоедающего кокетства! Игра доброго, покладистого нрава, желающего тепло любить, окружив тебя непрекращающейся заботой. Как быстро для всего этого английская женщина созрела, как неожиданно обрела она сочность и прелесть, ей этого так не доставало! Причём, у неё появилось нечто своё, вопреки английской холодности, трепетное и зрелое.

Всё это с наибольшим успехом можно отнести к принцессе Елизавете Гессен-Гомбургской и герцогине де Боуфорт Томаса Гейнсборо. Пожалуй, они - лучшее воплощение необычайной женственности, родившейся в это время в Англии. Но их появление не стоит считать случайностью, потому как подобный тип женщины возникает тогда из-под пера почти каждого английского художника.

Портрет миссис Гриер и леди Гамильтон у Джорджа Ромни, женские портреты Джошуа Рейнольдса и, конечно, его Венера, с очаровательной стыдливостью закрывающаяся рукой от непрошеного зрителя, «Портрет миссис Бийтн» у Генри Реберна, Эмилия Фиурой у Томаса Лоренса и мисс Фрэнсис Виникоум Джона Опи: всем этим женщинам безумно хочется жить, играть, радоваться... Все они переполнены ожидаемым счастьем и довольством.

К этому располагала тогда тихая и спокойная жизнь, проводимая в родовых замках и поместьях. Она незаметно заменила боевые рыцарские нравы, и женщины будто расцвели от возможности быть первыми. Они просто благоухали, но вели себя при этом с достоинством переживаемой в себе очаровательной силы.

Милые английские леди просто прогуливаются в белых кисейных платьях, резвятся с розовыми белокурой детьми в роскошной тени уютных парков, а за всей этой величавой элегантностью живет скрытая жажда восхищать. Куда-то пропало аристократическое высокомерие от чрезмерной обеспеченности, может быть, только оставив после себя чуточку беспечной красоты... На портретах — нежные земные богини, которым безоговорочно вверяешь свою судьбу, желаешь их и всей душой стремишься к ним.

Как Рейнольдс, прежде, чем взяться за свои женские портреты, побывал во всех европейских музеях и изучал всех знаменитых мастеров, чтобы соединить блестящий колорит Венеции, восхитительного Ван Дейка и таинственные светотени Рембрандта, так и поколения английских дам, видимо, копили в себе любовь. Вино её неудержимо ударило им в голову именно в восемнадцатом веке, а аромат распространился повсюду. Вкус его не могли не почувствовать мужчины, всегда преклоняющиеся перед тайными прелестями женщины.

Прелести эти изображались художниками в изобилии, но важнее почувствовать ни у кого из них ранее не встречающийся образ, что-то небывалое, повергающее в восхищенное удивление. Его породили в девятнадцатом веке опять француженки, видимо, созревшие, подобно англичанкам, только по-своему. Среди них к девятнадцатому столетию даже появились свои художницы, не равнодушные к женской красоте. Одной из них стала Вижэ Лебрен, написавшая, между прочим, один из лучших портретов королевы Марии Антуанетты.

То, что Вижэ Лебрен была женщиной, придавало ее кисти особенную грациозность, и ещё - какой-то нежный колорит, который, как нельзя более, оказался пригоден для изображения женского очарования. Она написала в течение всей своей жизни более семисот портретов, из которых большая часть были женские. Может быть, лучший из них, лишний раз доказавший её прекрасный вкус, именно тот, где она изобразила себя... В шляпке, с по-детски открытым к жизни лицом и с палитрой в руке, портрет вызывает только солнечное настроение, ощущение молодости, порыва и нестигаемого таланта.

Породивших удивление неподражаемых француженок по достоинству оценили Давид, Гро, Жерар, Энгр, Прюдон, Жиродэ и многие другие. И всё это - при множестве классических композиций, по-прежнему обожествляемых на разные лады и в разных странах, между тем, совершенно условных.

В девятнадцатом веке этих условностей было хоть отбавляй... Но в лучших женских портретах светятся подлинные ум и мудрость, даже если это обыкновенная девушка с цветами, как у Камиля Жозефа Роллана, на фоне спокойной деревенской идиллии. Ничего, если у неё ветерком распахнута на груди шелковая блузка, - девушка от этого только выигрывает. В ней есть какая-то милая серьезность, от которой женственность ничуть не страдает.

Очаровательной вдумчивостью светятся глаза и Генриетты Зонтаг на портрете Поля Делароша... Тёмные тона только придают ее созерцательному взгляду теплоту. Не любоваться собой, а понять жизнь желает эта женщина. Она просто по-женски обаятельна в этом стремлении, в ней приковывает её личность.

Сочетание мягкости, красоты и этой необыкновенной пронизательности — вот что действительно чарует. Женщина удивительно почтительна в своём внимании ко всему, что её окружает: слушает, не перебивает, готова и счастлива многое постигнуть.

«Голова женщины в тюрбане» Анн-Луи Жироде привлекает тем же пристальным и милым взглядом. Её золотисто-алый тюрбан и кремовая накидка представляются при этом необыкновенно уместными. Не бросается сразу в глаза и открытая нежная грудь...

В первую очередь, притягивает взгляд женщины и её доброжелательная лёгкая улыбка, стремление понять жизнь, никого не осуждая, и, может быть, разобраться в самой себе. Это не только созревший в женщине ум, но и сила, которой бы ей ни за что не достичь, только ослепляя своей красотой и обаянием. Всё в ней есть для этого, и, между тем, приковывает она своим спокойным устремлением к знанию. Левая бровь так восхитительно и чувственно приподнята вопросом...

Конечно, ум женщины был всегда, но не было еще такого чуткого предощущения истинности себя, возможности быть по-настоящему свободной, жаждущей раскрытия жизненных тайн, и непоколебимой в этом устремлении. Она хорошо поняла мужчину, сравнилась с ним в угадывании жизни, тогда как он, желая женщину и постоянно отрекаясь, совсем её не понял. Женщина вдруг почувствовала, что ей многое может быть доступно, возможно даже - всё.

В женщине Жироде нет ложной величавости, скорее - простота и ясность, ничего неопределенного. На голове могло быть просто полотенце или шляпа, может быть слегка наброшенный платок... Суть женщины не изменилась бы. Она сама такую стала, причем, без всякого бахвальства, присущего мужчинам. Портрету хочется внимать и верить.

Тонкий Жан Луи Вуаль, чье имя послужило появлению восхитительной накидки, обоготворившей столько женщин тайной, тоже не мог не ухватить произошедшей в их сознании перемены. Многие годы проработав в Петербурге и являясь придворным художником наследника Павла Петровича, он был поражен этим и в русских женщинах. Его портрет камер-фрейлины императорского двора и возлюбленной Павла I - свидетельство тому.

Чувство собственного достоинства, глубокая внутренняя культура, девичья дерзость с честью, впитанные с детства, - всё это перехвачено благоухающей вуалью. От девушки исходит необыкновенный аромат, какая-то таинственная свежесть-чудо, и даже пуговицы несут в себе прохладу. Талия удивительно легка, и именно она наталкивает на понимание гордой силы. Ум истинности светится во всем, а бровь опять слегка взметнулась в недоуменной лёгкой грусти: где тот, с кем можно будет быть счастливой столько, сколько возжелаешь?! Я - женщина, способная на подвиг.

Естественно, дух свободы витал не только для французов... Они лишь начали движение души, а остальные подхватили. Тому была потребность в жизни женщин всех народов, они слились между собой благодаря искусству, портрет же был его главой.

Вот и Жан-Батист Реньо, великолепный гравёр, живописец, увидел всё это в Елене Виолье... Дочь русского дворянина Петра Салина, впоследствии - жена французского художника Анри-Франсуа Виолье, она, как никто, подтвердила это долгожданное слияние. Подтвердила своей женской сутью, запечатлённой в портрете.

Но прежде всего, приковывают к себе ее глаза, они - всё в картине. Брови, губы, нос и волосы лишь дополняют мудрость глаз. Даже прозрачность капелек-серёжек удивительно покойна: тихо поблескивают себе такими же покойными огоньками, очаровательно туманны и легки.

А ещё - ожерелья, руки, грудь и, конечно, платье, существующие воедино. Тоже дышат, благоговеют, умиротворяют... Но что они без этого внутреннего блеска?!

Женщина-умница, с легкой печалью неудовлетворения не по своей вине, она готова взять на себя любую душевную ношу, если уже не взвалила ее. И столько в этих глазах необъятного света, что не хватает для него мысли. Нежнейшее олицетворение божества на земле, призванного учить, любя.

И женщины любили, а у них терпеливо учился и восхищался Пьер-Огюст Ренуар, который обращался к женскому портрету, может быть, более часто, чем кто-либо из французских художников. Он как будто желал восполнить его отсутствие за всех сразу, и его бесчисленные купальщицы, принадлежащие к высшему свету женщины и просто очаровательные незнакомки - тому пример. Они, цветы, солнечный мягкий свет и их милые улыбки заполнили собой девятнадцатый век, выгодно отличая Ренуара от его собратьев по кисти. Именно чувственный Ренуар выстроил в нём свой прозрачный мост между далеким миром женщины и нами; он — певец высшей радости на земле.

Глаз Ренуара всегда искал женщину. Этому он посвятил всю свою жизнь. Шелест листвы, человеческий голос и благоухающая тень — всё у него сочетается в великолепной и неподражаемой женщине.

Женщины в его портретах напоминают... женщин. Ни раковины, ни цветы, ни прохладные тени в солнечный день — ничто не сравнится с ними. Любовь, проникнутая светом неподдающегося описанию желания, и всё...

Только в женщине он не мог допустить пустоты... Бесконечно разнообразные глаза, губы, грудь и тело управляют жизнью и олицетворяют её. Всё прекрасное черпает свои силы именно в ней, созидая очарование из женщины, ее непередаваемых несовместимостей.

Женщины Ренуара не похожи ни на кого. Потому что он по-своему увидел их, как мог, запечатлел и выразил этим душу Франции. Вернувшись однажды из Италии, он признался: «Самая уродливая парижанка лучше самой красивой итальянки».

Надо хорошо подумать, прежде чем сказать только о влиянии Ренуара на свет и цвет, воздушную чистоту красок, его необыкновенный мазок. Чистый взгляд на жизнь - тоже не то... Здесь живет новизна, которая возникла благодаря женщине. Все остальные стремления живут глазами лучших из мужчин, когда они видят её.

А видят они «Обнаженную» («Мадемуазель Анну»), «Портрет мадам Анрио», «Портрет актрисы Жанны Самари», его восхитительных купальщиц из собрания Кеннета Кларка и Музея искусств Гарвардского университета, «Девушек в черном» и «У моря». И еще, конечно, многое другое, но в первую очередь - «Мадемуазель Анну»...

Тронутое милой полуулыбкой лицо, мягкий поворот головы, скорее даже трепетное обращение к зрителю своего чувства. Нежное ушко с серьгой, апельсиновая долька губ, изящный носик — всё это не возымело бы того впечатления, которое дарят глаза: божественно-лучезарные, чистые, от счастья жизни замутненные слезинкой. Они молят и ласкают, притягивают и оголяют, так доверчиво отдают себя...

Она ещё, кажется, не женщина, но назвать ее просто девушкой не получается. Всё в ней говорит о созревшем желании любить и самой быть желанной. Похоже, она даже не ведает, как прекрасна. Неуловимо прикрывает прижатой к груди рукой свою зрелость, которую непроизвольно выдает другая рука, на коленях...

Жизнь, полную любви, готово встретить ее пышущее соком тело. Скорее, это радостное лоно, мечта для вожделенного желания, волшебная чаша... Всю негу и роскошь в ней содержат сжатые колени, бедра. Испить пьянящее вино надлежит только по капле.

И все-таки, какое чудо-наваждение ее глаза и дивная прическа! Свисающая где-то сбоку, за спиной, коса. Та ясность свежести, что никогда не увядает. Закроешь глаза, а тебя, не прекращаясь, кружит восторг и бросает в дрожь: встретишь ли когда-нибудь подобное на самом деле?!

А вот милую Жанну Самари, актрису театра «Комеди Франсез», ты уже, кажется, когда-то встречал и даже был знаком близко. По крайней мере, она сама напоминает тебе об этом. Такой притягательной открытостью, без малейшего намека на подбострастие, веет от её улыбки...

Сам Ренуар познакомился с ней в доме у писателя Альфонса Доде. Её одухотворенность и живое изящество покорили его. Румянец жизни, доброжелательство, обаяние и чувство — всё отразилось в портрете. Кажется, вот-вот обратится к тебе эта милая женщина... Да она и говорит своими синими глазами, чуть было двинувшимся ртом, всей позой, так внимательно подавшейся тебе навстречу, к любому, кто увидел в ней это живое участие.

Пленительно женственная, в полном сиянии своей очаровательной молодости, она прекрасна. Всю, будто пронизанную солнцем, окутанную ароматом счастья, её отличает от мадемуазель Анны только одежда, и еще, быть может, некоторая веселость... Но не безмятежность.

Восторг от переполняющей её жизни, желание творить добро, словно входят в тебя, и ты становишься слитным с этой женщиной, полной движения, тепла и света. Она — живой цветок, что вдруг неожиданно оказался в твоих руках, а ты не знаешь, что с ним делать. Даже воздух, окружающий её, кажется, соткан из чудесных неземных лепестков.

Как и дивная, еле угадываемая фигурка мадам Анрио... И опять во всём образе - этот новый взгляд на мир, неподдельное удивление им и такая пронзающая чувственность...

Дымчатой блузкой окутаны неуловимая талия, почти не замечаемые руки и так прелестно открытая грудь... Но больше привлекает головка милой женщины, кажущейся еще незамужней, совсем юной и скромной. Правда, это видимая скромность, что, как и все несовместимости у Ренуара, созидательна и только подтверждает тайные устремления этой женщины. Знание жизни от природы и ожидание своего счастья переполняют её. И ещё - такое очаровательное удивление, тонко источаемый ею аромат.

Драгоценней самых богатых камней все прелести девушки, сидящей в соломенном кресле в картине «У моря». Её глаза, руки и губы тоже хранят свой аромат, в нём - запах моря, его вечная молодость и первозданная соль. Девушка даже глядит с присущим ему мудрым величием, с какой-то глубинной синевой...

Мужчине же под стать только обернуться морем, чтобы еле слышно шуметь у её ног, то в порыве признательности подкатываясь, то в минутном разочаровании убегая, в глубине души уже мечтая о скором возвращении. Так притягательны все женщины Ренуара, они - праздник для глаз, и этот праздник всегда остается с тобой.

Невозможно не упомянуть и обольстительных женщин Энгра... Все они — вожаемый объект его ласки. Глядя на их портреты, обращаешь больше внимания на женщину, чем на искусство письма, забывая, что всё прекрасное в ней создано благодаря последнему. И чем оно пронзительней и тонченней, тем женщина более правдивая в своём очаровании.

У Энгра была своя форма откровенности и признания женщине, и в любом портрете женщина воспринимала это признание жадно. Женщины Энгра словно с внутренней дрожью упиваются собственными силой и телом. Все они призваны художником, чтобы пробудить в мужчине трепетное женское бытие.

Лучше всего это ему удалось в «Портрете Мари Маркоз». Белизна её кожи, выпуклость груди и первое ощущение стыда от того, что ткань на ней вот-вот готова лопнуть — пленяют этим сокрытым в ней сладостным блаженством. Всё в этой девушке говорит само за себя, и ты почти уверен: притягательная тайна сразу приоткроется, как только спадет с нежнейшего плеча бордовый бархат... Ему хочется в этом помочь, чтобы он увлек за собой постепенно всё платье, его мягко притягательные складки и такую сладостную дурноту.

Но в этой восхитительной соблазнительности — последовательность мыслей художника. По его мнению, начинать следовало именно с терпеливого изучения и понимания женщины через портрет.

Некоторая бледность его красок, после пристального взглядывания в картину, дарила точный анализ натуры, её богатую личность. Так Энгр думал о женщинах — ненавязчиво и тонко. Так и пытался их изобразить. Хрупкость его неуловимых красавиц была лишь видима, и чувствовалось: за ней — совсем иное.

Кисть художника была более, чем женственна, хотя его и обвиняли в некоторой холодности. И ещё - в «грязных тонах», которыми он писал женщин. Но поразительное сходство, изящество, индивидуальный характер и даже ум женщин — разве не его заслуга?!

Так получилось у него с юной мадемуазель Ривьер... Сам Энгр называл её «восхитительная мадемуазель Ривьер». Такая загадочная и притягательная, она рождает некое ощущение необъятности мира. Пятнадцатилетняя девушка-подросток неожиданно стала, по мнению современников художника, «французской Джокондой».

Видимое несоответствие некоторой тяжести в ней при легкости юных форм необычно. Энгр так замечательно запечатлел эту девическую скованность движений, линий... Неуклюжесть замшевых перчаток — и воздушность боа из лебяжьего пуха... Прямые линии угловатой фигуры — и нежный овал лица, бровей, прически...

Лицо, вообще, абсолютно свободно, свободно от всего, и оно - надо всем. На фоне небесно-зеленого пейзажа, который, кажется, только и создан затем, чтобы подчеркнуть всю прелесть юной головки и прелесть божественного создания с ангельски чистыми чертами. Про тёмные глаза, кажущиеся чуть влажными, и оттого – трогательными, говорить, что-либо, просто не хватит сил... Можно лишь повториться вслед за самим художником — «восхитительная мадемуазель Ривьер»!

Истинные ценители женской красоты в это время прекрасно понимали, что искать её идеал только в античном прошлом бессмысленно. Самые невероятные повторения никогда не сравнятся с нарождающейся новизной, очаровательная молодость которой неудержима. В этом — истинное понимание художником жизни и его уважение к личности женщины.

Эта молодость жизни осветила весь девятнадцатый век, несмотря на его каторжный, временами, дух. Женщины обретали всё большую уверенность, и, может быть, именно это обусловило некоторую растерянность мужчин, погрязших в бесчисленных раздорах. Интересы грязной политики возобладали над их так мучительно пробуждающимся мужским достоинством.

Прелестные женщины, питающиеся ароматом цветов и солнечным светом, никогда не отрывающиеся от природы, кажется, способны уже были приоткрыть мужчинам истинное знание, но те их в этом понимании не воспринимали. Только художники угадывали в женщинах необходимую

миру глубину, способную его спасти. И ещё - лучшие из мужчин, ради этого готовые жертвовать собой.

Обратить на себя достойное внимание женщинам могло помочь только очарование от обладания ими тайны, к которой мужчинам надлежало ещё более стремиться. И женщины дарили его, как только могли, ещё более запутывая самовлюбленных мужчин. Вернее, последние сами не в состоянии были постичь в женщине то, что могло избавить их в будущем от множества бед.

А избавление так просто жило в прелестной улыбке алых губ, нежном блеске влажных глаз и в такой ослепительной белизне роскошных плеч... Любая, сковывающая их на время одежда, была к ним несправедливо строга. Может быть, даже безжалостна, но, всё же, бессильна.

Всё это непредсказуемое знание о счастье по-прежнему оставалось в женщинах, нисколько не истрачиваясь и не умирая, со временем становясь только ещё более восхитительным и чудесным. Лишь художники девятнадцатого столетия словно обезумели от переполнявшего их чувственного наваждения, а женщины бережно несли в себе свою драгоценность, преодолевая непонимание остальных мужчин, ненавязчиво терпели его и мягко им улыбались. Они как будто тешились, подобно детям, затеянной с мужчинами игрой, и верили: всё счастье этой жизни будет рано или поздно с ними, а разделит его именно мужчина. Проницательные же и милые художники были пока их великодушными баловнями.

Женщины, оказывается, первыми так легко и свободно постигли, что одиночество — незыблемый жизненный закон, который самым тщательным образом надлежит исполнять и нести. Так же, как несёт его в себе, несмотря ни на что, всякое дерево, зверь или насекомое. Благодаря именно своей судьбе они поняли, что только в одиночестве может родиться истинное желание и вера, только оно одно способно победить дикую тоску. Сообщество же накопленных самих собой жизней создает величественный лес непредсказуемых возможностей и любви. Стоять ему тогда века веков, неустанно провозглашая великую мудрость жизни.

И всё это женщина давно уже знала, незаметно дарила мужчине, а он от неё бесстыдно бежал и, не в силах жить в своем одиночестве, возвращался. Нескончаемые сомнения раздирали его душу, и он никак не мог понять душу женщины. Который век женщина гляделась в мужчину через портрет и ждала. А все эти бесчисленные полуулыбки француженок, немок, испанок свидетельствовали лишь об очаровательном терпении, мудрости и любви, переполнявшей их сердце. Кажется, женщина готова была ждать вечно.

Иногда ожидание становилось невыносимым, и тогда в портрете начинали звучать иные нотки. Как у Гойи, этого великого испанца, гения сиюминутного, но верного впечатления.

Он первым из художников увидел в женщине чувство одиночества и уязвимость в этом тревожном мире, но, в тоже время, и мужественное внутреннее противостояние, даже - вызов окружающему. Таинственная

притягательность женщины оставалась неизменной. Только проницательный Гойя мог понять это тогда, на пороге грядущего и грозящего неизвестно чем девятнадцатого столетия.

Откровенность, дерзостный полёт воображения и невинность по-прежнему присутствовали в женщине. И ещё – правда, такая очаровательная, мудрая, негибкая. Как Гойя был охвачен ею в жизни, как он страстно ее любил! Пылкий, решительный, он чувствовал женщину, и сразу находил тайну её красоты посредством этой правды.

Так он почувствовал правду жизни в «Девушке с кувшином» и в неожиданной Изабелы Кобос де Порсель. А еще в портрете Франсиски Сабасы - этой гордой и трогательной черноглазкой, трепетно хранящей в себе неописуемую испанскую страсть, со сдержанным стуком кастаньет, каблуков и любящего сердца, охваченного горячей кровью. Он принял её вызов и порыв, охотно подчинившись смятению невинной юности и величавости королевы.

Всё, ранее представляющееся в женщине небесным, Гойя воплотил в неподражаемое земное. Его «Маха обнаженная» и «Маха одетая» - тому свидетельство. Ничего, кроме любви и ласки к себе, эта женщина, кажется, не допускает. Всё в ней вызывает у мужчин желание. Она доступна и открыта, но, ни намека на какую-либо распущенность: только притягивающее целомудрие любви.

Само слово «маха» подразумевало женщину, часто цыганского происхождения, главный смысл жизни которой заключался в любви. Подобные настроения, а также официальное изображение обнаженного женского тела были запрещены инквизицией, и испанские художники очень редко нарушали этот запрет, но в королевской резиденции Мадрида, где Гойя имел возможность жить и работать, будучи близко знакомым с прелестной герцогиней Альба, допускалось самое смелое поведение.

Может быть, именно поэтому среди многих испанских художников в это время Гойя был единственным, кто мог позволить себе достойное обращение к женщине — внимание, которого она заслуживала перед Богом не менее, чем восхищение от очаровательных французов. Именно благодаря Всевышнему, наверное, обе «Махи» и остались невредимыми после того, как они попали в руки инквизиции, где пробыли около двадцати лет.

А как ещё более неожиданна его «Продавщица цветов»! Он как будто не случайно спрятал её восхищенное происходящим лицо, чтобы не раздражать им суровых отцов инквизиции. Картина хоть и написана на пороге девятнадцатого столетия, но вся живёт и дышит грядущей радостью, прелестью утреннего цветка и девичьей кожи. В стремлении девушки, протягивающей руку с цветком, скорее не желание продать, а подарить весеннюю улыбку всякому, проходящему мимо.

Ты видишь и впитываешь только заплетённые в волосы пышные белые ленты, нежную линию шеи и ушко с серьгой, но почему-то сразу представляешь себе чистый лоб, мягкие губы, по-детски открыто

потянувшиеся в улыбке, и глаза... Глаза не испанки и не француженки, а какой-то удивительно земной для всех девушки, выражающей ту самую, единственно верную правду и мечту жизни. И это при том, что глаз мы все-таки не видим, как не видим невинного взлета бровей, пушистых ресниц и утренней свежести щек. Всё только угадывается, очень сильно ощущаемо и так радостно. Слава великому и свободному Гойе, всё-таки преодолевшему в себе губительный жизненный надлом, чуть не опрокинувший его в пропасть! На это даже не повлияла потеря им слуха...

Добрая память ещё очень многим художникам, кто женщин боготворил и по-настоящему чувствовал! Это и великий Коро - поклонник неба и цветов, непременно любящий женщину. Она у него - грациозное видение, поэтическая мечта и восхитительная феерия.

Потом - Миллэ, ему удалось создать новый женский тип - образ женщины-крестьянки. Во всех картинах он проникнут благородством и гармонией с природой. Женщины его будто вышли из земли - здоровые, сильные, подобно цветам и травам.

Нельзя забыть и Дюрана, Шере, Жюля Лефевра и Бретона, Тулуз-Лотрека, Делакура и Дега, Поль Гогена, Мане и Сезанна. И Теодора Шассерио, умершего молодым, но успевшего заслужить славу выдающегося знатока женщин. Сколько их было: любящих, отрекающихся ради женщины ото всего, страждущих и по-юношески непреклонных!

А загадка, между тем, оказывалась далеко не раскрытой, и к ней хотелось по-прежнему, без устали, стремиться. Требовалось открытие, появление которого незримо витало в воздухе, и его принес с собой двадцатый век в лице великого, тонкого и безгранично мудрого француза... Звали его — Анри Матисс.

Истинное женское лицо двадцатого столетия — это, по всей вероятности, его эпоха. Подобно женщинам, красота которых расцветает от любви, Матисс просто наполнял лица своих моделей влюбленностью и упивался их красотой. Охваченный необъятностью этого моря неги, он не спеша понял женщину, и через нее ещё - уйму замечательных вещей. Его «Женское лицо» — единственно безукоризненный и самый удачно угаданный символ женщины нашего времени.

Лицо совсем лишено контура, с помощью которого можно передавать пространство, глубину и ощущение света. Вместо привычного милого овала — только два полураскрытых лепестка глаз, воздушная линия носа и легкий цветок, заменяющий губы... Но этого достаточно.

Так чувствовать женщину, полностью перевоплощаться в неё - смог только Матисс. Он, по-видимому, был способен перевоплотиться во что угодно, но женщина оказывалась для него всего дороже. Она и угадывалась во всём: в кувшине на окне, причудливых узорах восточного ковра, заманчивых плодах из жарких стран и в устремленных к небу гибких пальмах... Даже живые алые рыбки у него напоминали мягкость нежных губ, томительную

тайну наслаждения и никогда не исчезающую сладость от присутствия очаровательной женщины.

Так вот, линию женского лица у Матисса образует кромка бумажного листа. Белого, как кожа, нежного, так сладостно утопающего в любовном довольстве. Поцелуй ещё не слетел, только задержался в уголках рта, а за ним уже чувствуется нескончаемость живительной ласки. Её обещает поволока полузакрытых глаз, их томность и покой.

Покой удерживается ненавязчивой линией бровей, их продолжает тонкий изящный нос. Уверенный же завиток предполагаемых ноздрей подразумевает неожиданно твёрдый характер. И ещё - культуру внутренней жизни женщины, её необычайно трепетное знание. Над нежным подбородком - цветков желанных губ. Он нацелен, вместе с мягким взором, прямо в сердце.

Проваливаться в эту бездну можно бесконечно, из забытья же любви тебя выводит её неудержимо трепетный и вольный ветерок. Он дышит прохладой, манит, но не губит. Ничего дурного и бесстыдного не обещает, не помышляет прибегать к лукавству. Лишь правый уголок рта немножко вздернут, он - символ обаяния женщины, её нетленной нежности и счастья.

Все чувства женское лицо Матисса отражает диагонально, как будто - под наклоном. Заигрывания никакого нет в помине, отсутствует и унижающее кокетство. Так женщине, наверное, удобнее взглянуться в мужчину, перевернуть в нём душу, не расплескав ни капли. А может - стать ему понятней, ближе, чтобы забыл он, наконец, себя.

И «Женское лицо», и остальные женщины Матисса - современны. Благодаря художнику, мужчины, наконец-то, обрели способность с ними соприкоснуться, и даже слиться: перетечь в это удивительное лоно истинного покоя и свободы, что, кажется, возможна лишь на небесах. Так долго там ждала женщина мужчину, но в ней ничто не изменилось. Она стала только прекрасней, и плод желания её ничуть не перезрел.

Вообще, любая женщина Матисса - есть сама манящий жаркий плод. Создавая её легким мановением кусочка угля или итальянского карандаша, он наполнял белую плоскость листа удивительной жизнью. И тотчас возникало ощущение насыщенности женских линий светом и цветом, радостным пространством, любовью... Перед глазами рождалась восхитительная форма, желанней её не было ничего на свете.

Женщина Матисса - ещё и плод двадцатого столетия, она убедительнее всех предшествующих ей мадонн, графинь и принцесс своим лаконизмом, такой обаятельной открытостью. К ней даже не думаешь приблизиться или прикоснуться - просто смотришь, впитываешь и не можешь насладиться. Недоумеваешь: как можно лёгким нажимом карандаша, поддающегося необъяснимой магии художника, заставить любить, думать, смеяться и вглядываться в тебя?!

Все портреты женщин у художника движутся, они - живые, в них - манящая тяга какой-то удивительно молодой поры жизни. Они хранят тайну, совсем не мнимые края рая, убежище для духа с телом. Притягательность

этого чудесного острова, где древо познания живёт доступной жизнью, дарит вдохновение и мечту, ни с чем несравнимо.

Женщины его - словно приглашение к путешествию, загадка. В бесконечном ожидании мужчин они необыкновенно выросли и умножили своё понимание жизни. Восприятие их стало тоньше, сами они как будто побывали на далеких звёздах... Всё в них печально и прекрасно до потери сознания, совершенно не имеет границ и напоминает море, которое хочется постичь.

Хочется окунуться с головой в эту ароматную мякоть, позабыть обо всём, но не захлебнуться. Стать таким же лучезарно-синим, нежно-бирюзовым и немым. Может быть, превратиться в стремительного и ловкого дельфина, чтобы вечно скользить в этом море ласки, быть им объятым. И ещё быть убаюканным шёпотом его волн, их очаровывающей музыкой и танцем.

О женщинах Матисса можно говорить бесконечно, любоваться ими вдумчиво и страстно, мечтая о чём-то неземном и в то же время близком, родном. «Женщина с распущенными волосами», кажется, жила с тобой всегда... Была когда-то твоей матерью, сестрой, но вот любимой? Ты даже не помышляешь об этом, тебе и так хорошо.

Она внимательно глядит в твою душу и знает про тебя всё. Глаза её покорны и мудры, как у грациозной кошки. Волосы свободно спадают к плечам, распространяя вокруг необозримую мягкость линий. В сплетении нежных рук под подбородком - вся свобода женщины, клубок её надежд, любви и долгих сокровенных мыслей.

Такого удивительного упрощения в портрете прежде не бывало, но за простотой рисунка — неустанная работа Рембрандта, Тициана, Рубенса, Ван Дейка и самого Матисса. В его женщине с распущенными волосами - воплощение высшей мудрости Вселенной, и проникновеннее её уже никогда ничего не будет. Кажется, не стоит ничего искать, здесь тот источник, к которому, прильнув, уже не оторвешься. Жадно мочишь губы и грудь гранатовой водою, не в силах до конца насладиться.

Характер нарисованного лица женщины у Матисса зависит не от каких-то необыкновенных пропорций или любви художника к красоте, - просто он с удивительной точностью отражает её духовный свет, тот, что зажгла в себе женщина двадцатого века. Его нужно было только увидеть. Это Матиссу удалось... Но не создавал ли художник свои женские портреты по ту сторону запечатлеваемых им чудесных подобий?!

Как уже упоминалось, Матисс мог перевоплощаться в свои модели, и когда это происходило, он начинал понимать, не только - какая женщина есть, но и то, какой она была и может стать. В отличие от своих предшественников, что оставались в портретах изображаемых ими женщин Рафаэлем, Рембрандтом или Ван Дейком, Матисс пытался представить себя одной из них. Постепенно достигая необходимого раскрепощения на этом пути, он добивался в портрете женщины её истинного лица.

Одному ли Матиссу удалось постигнуть эту волшебную линию-стрелу, опережающую свою цель, - летящую, вырывающуюся за границу самого образа?! Конечно, нет, но он был лучшим. Тем, кто первый осознал озарение своего пера: рука с кистью есть продолжение твоей души, и все находки художник должен хранить в первозданной женской чистоте.

Это не было подсказано рассудочностью, а шло, скорее, от чувства. Та женщина, которую Матисс увидел в своём портрете, узнавала о себе куда больше, чем могла бы узнать, глядя во все зеркала мира. С Матиссом женщины находились там, где они себя видели: время и расстояние при этом были не при чём. Сам же художник вдруг открывал для себя, что он - Эльза Триоле, Жаклин Матисс, все его бесчисленные одалиски, и от того, наверное, был до упоения счастлив.

После Матисса писать о женском портрете не хочется. На нём, наверное, следует закончить, чтобы только молчание возвращало нас к его сладостным плодам, к приоткрытому для людей удивительному женскому пространству. В женщинах Матисса ты угадывал свою мать, любимую и просто множество обольстительных знакомых женщин, окружающих тебя. Художник понял в них всё, и так просто и глубоко об этом рассказал.

Но справедливо спросят: где же - обворожительный, подобно женщинам Матисса, такой загадочный и неподражаемый Амедео Модильяни? И будут бесконечно правы.

Кажется, художник не хотел знать ничего, кроме человека. Чаще — женщин... Портрет был его стихией, стихия же непостижима, и Модильяни приложил титанические усилия, прежде чем упростить его, то есть - донести доступным языком до зрителя самое важное.

Неконкретность любого портрета Модильяни была результатом пройденных им сложностей. Он подчеркивал и выявлял только главное в модели, достигая этого простыми средствами. Портреты художника в точности воспроизводят внутренний мир женщин, на внешних чертах он не заостряет внимания.

И всё же, что-то угадывается и трогает в его женских лицах. Может быть, своего рода символ, как у Матисса. По словам Райнера Мария Рильке, создавать портрет - значило искать в женском лице вечность. Для Модильяни это было достижимо.

Вечность покойно таилась во всех портретах его обнажённых женщин, влекущих поскорее окунуться в их живой телесный цвет... В то желанное для мужчин тепло, что они всегда в женщине ищут. Вечность так обворожительно и зовуще располагалась внизу живота, между ног и в бёдрах. Ещё она угадывалась в линии тонкой шеи, закрытых глазах, которые смотрят, и под мышками... Ресницы таинственно бархатятся, пряди волос на лбу тронуты чуть скрытым желанием, а губы зовут к сладкому поцелую: во всём - великолепное томление и нега.

Портреты его обнажённых женщин - как наваждение... Мягкое, тёплое, подернутое неуловимым обаянием французских улиц и салонов, их

ненавязчивым, голубовато-серым цветом... Желание оказаться с одной из этих женщин такое же трепетное, как легкий предрассветный час.

Женщины Модильяни кажутся притаившимися где-то рядом волшебными существами, что тихо и загадочно прокрадываются в твои сны, но не пугают. Незаметно для себя, ты с удовольствием ласкаешь их взглядом, и надоест это действие, кажется, не может. Как желанна, наверное, была бы встреча с одной из таких незнакомок на самом деле, блаженная навеки!

Вечностью преисполнены лица всех его девочек, дамы с черным галстуком, Рэнэ, госпожи де Парди, Люнии Чековска, той круглолицей польской девушки, и... Жанны Эбютерн, что не пожелала перенести разлуку с любимым, и на следующее утро, после кончины Модильяни, выбросилась из окна шестого этажа и разбилась насмерть. Он раскрыл души этих женщин для всех.

Известное замечание Модильяни, что все прекрасно сложенные женщины, которых стоит лепить и писать, всегда кажутся неуклюжими в платьях, недалеко от истины в его одетых моделях. Некая неловкость, действительно, присутствует в них, но это, скорее, видимая условность, за которой скрывается трепетная суть. Как необъяснимо и, в то же время, понятно сердцу живёт она в этих чуть склонённых асимметричных лицах без глаз, что совершенно не замечается!

«Дама с черным галстуком», «Портрет девочки», «Дама в шляпе», «Люния Чековска» и «Жанна Эбютерн» именно взирают. Так же, как это бывает, когда разводишь воду руками, а она ещё не успевает сомкнуться. Так и пустые глазницы его женщин наполнены этой глубиной и далью, что всегда остаётся открытой.

Художник беспрепятственно проникал в этот удивительный мир и, оставаясь очарованным, возвращался, не потеряв возможности отправиться туда вновь. Да он, в общем-то, жил в этом мире, будучи настолько пронизательным и чувственным. Женщины для него были окном в желанную страну, а страна находилась совсем рядом.

Модильяни был в ней счастлив и одинок, и старался привнести из неё всё лучшее для людей. Но стремления его были почему-то чужды им, и он опять уходил в свою страну. С помощью женщин он пытался построить новый мир, которым бы правили красота и девственная мысль.

Модильяни так пристально обращал своё внимание на жизнь, что постигал её сущность сразу, с первого взгляда. Как и сущность женщин, загадочных для большинства мужчин. Подобно Матиссу, он мог перевоплотиться в любую из женщин, отправиться с ней на далекую звезду или просто прогуляться по Монмартру...

Для него ничего не стоило вызвать нежный шелест ветра, имя которому - вдохновение. Правда, иногда оно вырастало в бурю, и художник не всегда мог справиться с ней, но он очень старался. Пошлый покой, говорил Модильяни, - это бедствие и безнадежность.

Именно поэтому, должно быть, женщины обращали на него внимание, заглядывали ему в глаза, улыбались. Они проникались неограниченной способностью Модильяни быть во всём, и непроизвольно служили его искусству. Лучшего подарка для него не могло и быть.

Женщины так выразительно дарили ему возможность оттачивать свои и без того безукоризненные лица! И происходило это в удивительном городе - Париже, что был для Модильяни лучшей мастерской. Там, через женщин, он познал всё свое счастье, радость и муку.

А что же подарили миру русские живописцы? Чему научились они у жизни, какие безоглядные попытки в постижении женщины совершили, и принесло ли им это незабываемые откровения? Стала ли им доступна извечная тайна женской улыбки, и открылось ли непревзойденное женское предназначение? Выстрадали ли они, наконец, свою боль, выплакали ли ускользающую всё дальше истину, и остались ли духовно живы?

Да, всё это было, но, разглядывая женские портреты русских художников, многое, к сожалению, хочется отринуть. Как, впрочем, и в западной живописи. Художники в своих портретах как будто конкретизируют одну и ту же женщину. Они пытаются достичь в ней единения, цельности, но остаётся только прекрасное отражение модели. С русской добротностью, печалью и простодушной немотой.

Всё их мастерство, видение, талант, владение кистью - не в силах уловить женской бесконечности, сердце которой всюду. Ни как у Матисса или у того же Модильяни, что достигли большого знания мира через женщину совершенно простыми средствами. Только они в своей лаконичной глубине собрали ее по кусочкам, потому что, как никто, изучали этот мир, главным видя в нём человека, вернее - женщину.

Если портрет и отображает только подобный облик человека, это ещё не значит - истинный лик. Ведь страдательное причастие от французского слова «portrait» подразумевает стремление художника не только рисовать, но и представлять. А значит - думать, пристально вглядываясь и дерзая, чтобы постичь, в конце концов, не голую правду изображения, а саму Природу. Природу женщины...

Её из русских художников, в первую очередь, почувствовал Михаил Александрович Врубель. Все его женщины безумно загадочны. Может быть, они самые непредсказуемые и фантастичные, ни с кем не схожие, подобно России, что проявляется в их глазах великой необъятностью и глубиной.

Не в иконописных ликах Богоматери, не в простоволосом сероглазье Петрова-Водкина и не в кустодиевских дебелых купчихах происходит это вырастание, а во врубелевской «Царевне-лебедь». Только её волшебные глаза притягивают своей божественной недостижимостью и мечтой.

Это именно Россия смотрится в тебя озёрами своих сияющих глазниц, дремучими лесами сползает по ее спине коса, богатства горных недр хранит дорогая корона, и, кажется, всё вокруг объемлет драгоценная кисея её безбрежной души. Ещё в глазах царевны видятся святая мольба и красота

загадочной женской любви, пронизанная неизбывной грустью. Грустью и печалью самой России, взмахом белоснежных крыльев захваченной в будущий полёт.

А как изумительна «Сирень», в изумрудно-благоуханном царстве которой скрываются задумчивые женские глаза?! Так думать и глядеть способна только русская душа. Прохладный жар цветов в ночи - её таинственное обрамление.

Одна рука девушки непроизвольно трогает цветок, другая - в сомневающемся размышлении. Слово намеревается окрестить эту ночную жизненную тьму, но никак не решится. Рука замерла у подбородка, раскрыв для губ ещё неведомый самой себе бутон. Глаза же излучают готовность подарить вечность тому, кто вступит к ней в сиреневый шатер.

Спокойно впитывает девушка душистый ночной дух, и накипь запахов кружит её думы. Безголосо зовёт куда-то, возносит над землей... Лететь или не лететь - всё существо девушки в раздумье.

Ближний глаз её широко раскрыт и обращен к ночи пристально, глубоко. Он весь - открытость этому большому миру, мрак и тайна. Другой глядит в себя и думает, а губы нащупывают роящуюся рядом пряность.

Девушка как будто из призрачного сна... В ней чувствуются насыщенность самых невероятных переживаний и дальние устремления. Всё стоит бросить ради этого нетленного богатства и прохладных сиреневых гроздьев, чтобы, войдя в шатёр, обезуметь. Как жить потом, к чему стремиться?!

А может, так и нужно: окунуться в этот свет благоухающих мыслей, чувств... Высокий смысл общения с природой заполнить только женским чудом. Стать глубже и умней, тем самым указывая путь другим.

Ведь лишь любовь к женщине в состоянии вознести мужчину над обыденностью его жизни. Любовь способна вдохнуть в него радостное озарение и не разбить при этом сердце. Добиваться такой встречи следует, может быть, не одну жизнь. Художник же, обретя, дарит её всем. Как своих испанок, венецианок, девочку с цветком на фоне персидского ковра и «Гадалку», что смотрится в тебя черными глазами самой судьбы.

Наверное, русская женщина красивее всех. Окунуться в неё приятнее, ближе. Все итальянки, француженки и испанки могут быть обворожительны, но нет загадочней и чище женщины нашей. Глубины её — не исчерпать, и всё же это удивительным образом удалось Валентину Александровичу Серову.

Смотришь на портрет княгини З. И. Юсуповой или Е. С. Морозовой - и не находишь слов. Это душа русской женщины охватывает тебя. Не повергает и не уносит никуда, а лишь любит окружающей её жизнью, в которой она такая приятная и умная частица.

Опрятно, красиво и мудро живет русская женщина, незаметно влюбляется и рождает прелестных детей. Взгляд её при этом ничуть не

потухает, а становится ещё более лучистым, покойным. Она умело ведёт весь дом и ублажает своей неизбывной лаской мужа.

Кажется, всё эта женщина перетерпит и переживёт, простит любую обиду, но душой не упадёт. Всегда останется милой и сдержанной на выявление своих сокрытых чувств. Слезинки на людях ни за что не проронит, - если только в душе. И всё будет глядеться в глаза любого человека с русской чистотой и теплом.

Русская женщина - как расцвётший волшебный цветок: раскрывается каждое утро, целый день очаровывает, и увядать не помышляет! Чудесных сил в ней в избытке, не занимать и неунывающего характера. А что значит по-настоящему любить для неё! Не жил мужчина, если этого не испытал.

Великим портретистом от рождения был Валентин Александрович Серов. Во всех его обворожительных женских лицах - поиск их сокровенного смысла. Есть в портретах Серова какая-то особенная любовь и нежность, даже в портрете княгини О. К. Орловой...

За маской напыщенной элегантности художник обозначил величественную задумчивость женской природы, её строгое понимание своей истинной сути. Княгиня не сумела преодолеть в ней свою излишнюю экзальтированность, к тому же, отказалась от портрета в пользу музея Александра III с оригинальным условием никогда не выставлять его в одном помещении с «Идой Рубинштейн». Но Серов хорошо знал, почему ему была нужна именно Орлова... В ней ощущалось столько невостробованной силы!

Ещё в девочках начиналась эта необъяснимая и повергающая мощь женщины, как в той картине с персиками... А с виду, кажется, ничего не происходит: просто солнце слегка заглядывает в окно, на столе лежат фрукты и нож, чтобы их разрезать. Прохладная скатерть в тиши замершего дома приятна, тонкие руки девочки с удовольствием ощущают бархатистость плода. Большой бант на груди подтверждает замечательную праздничность такой жизни, и блюдо на стене висит к месту.

Волосы у девочки немножко не убраны, но это - от восхищённого восприятия простой летней жизнью на даче, в необъятной России, где так много таких неповторимых уголков - с солнцем, тенью деревьев, теплой прохладой родного дома. И ещё – с возможностью быть очаровательно-задумчивой в ожидании предстоящей жизни, которая, верится, будет необыкновенной и счастливой.

Какая-то неизведанная сила подспудно живет в девчоночьей душе, но пока не мешает. Сладко и страшно думать о ней, когда она негаданно пробуждается в груди, тотчас подбирается к горлу, и хочется бежать куда-нибудь в поле или к реке, где можно, быстро скинув платье, броситься в её прохладу и утопать, наслаждаясь... Свет дивных облаков ложится нежно на ресницы, в воздухе играют отраженные от воды блики, и пахнет прибрежной сочной травой.

А как упоительно потом возвращаться по какой-нибудь укромной аллее в дом, идти медленно, продлевая удовольствие, и думать только о хорошем...

О том, сколько замечательного ещё должна подарить тебе жизнь: и предстоящий вечер с ужином в кругу родных, и музыку, и тиснёную гладкость томика пушкинских стихов... Луна уронит на душу девушки божественную печаль и уложит спать. Ночью же ей приснится странный сон из дивной русской жизни.

Всё это, светлое и дорогое, будет по капельке слагать девичью судьбу, её силу и лицо. Лёгкий румянец, сжатость губ, пушок на шее... И взгляд из-под изломанных бровей, в котором - та самая глубина и необъятность.

А пока - восхитительная юность, летняя усадьба, персики и вера во всех людей. Полное расположение к этому немножко странному, но симпатичному художнику, что так долго пытается изобразить простые, казалось бы, вещи. Ах, как хочется поскорее повзрослеть, стать настоящей женщиной и всё про всех знать!

Этого желает и «Девушка, освещенная солнцем». Она немного старше, но внешняя спокойная грусть также выдаёт необъяснимое пока для неё стремление. Руки неловко скрещивают это тайное желание, полные губы подетски полуоткрыты, глаза с невинной мольбою зовут к любви.

Может быть, милый и строгий художник поможет ей в этом?! И он откроет ей что-то важное, так мучительно теперь недостающее... Мир деревьев, трав и облаков подсказывает девушке эти неясные сомнения, и ещё - солнце, всё мягко освещающее, проникающее в самую душу.

Солнце просачивается сквозь летнюю тень, неслышно ложится на плечи, руки, лицо, и девушка не замечает, как постепенно успокаивается. Сердце её становится похожим на солнце, расточающим будущую любовь, и бьётся ровно, под стать своим невидимым и радостным чувствам-бликам.

Сердце, вместе со всем этим окружающим светом, летним теплом и самую хозяйкой, счастливо благоухает, замирает от счастья. Спина непроизвольно отдаётся шероховатому стволу, её невидимо поддерживают таинственно скрытые под фиолетовой тканью молодые упругие бёдра. Голова же - в сладком дыму.

Печать очаровательного забвения, жадная потребность открытия женского начала переполняют девушку. В томлении молодого духа - жажда жизни: когда, когда же, наконец, наступит это желанное обретение?!

А вот К. А. Обнинская, в своём портрете, дождалась его... Она, к тому же, получила ещё и маленького зайчика, трепетно уткнувшегося носом в её плечо. Нос розовый и, наверное, тёплый и влажный, чуть вздрагивающий от переполнявшего зверька волнения. Скорее всего, зайчик сразу успокоился и доверительно прижался к исходящему от милой женщины теплу.

Это уже именно женщина, познавшая истинное тепло жизни и трогательно его хранящая. Так же трогательно она обнимает и зайчика, и, конечно, никому его не отдаст. Как своего ребёнка, который у нее скоро будет.

Всё полнит её этим ожиданием, и она готова любить весь мир. Может быть, немножко близоруко, но так отрешённо и чисто. Любовь ко всему

живому, неумение лгать и такое обаятельное нетерпение переполняют её. Скорей бы всё свершилось!

Сколько мудрого знания нерасторжимо живёт в русской женщине - его не преодолеть никаким злым силам! Сколько доброты и ласки заключено во взгляде... Открытый лоб, черты лица, кажется, не заботятся о том, как они выглядят, чуть вьющиеся пряди — только дополняют его глубину. Достоинно восхваления чувство, когда мужчина не в силах обо всём этом что-либо промолвить: к горлу его подкатывает огромный соленый комок.

И уж тем более свершившимися женщинами видятся М. Н. Акимова и артистка Малого театра М. Н. Ермолова. Одна другой - противоположность, они едины в ощущении себя настоящей женщиной. У Акимовой отсюда - не переходящая границ светская вальяжность, у Ермоловой, сообразно её жизненному образу, величественная строгость.

Обе - русские, талантливые, гордые, и в тоже время - не лишены истинного великодушия и такта. Достоинство от обладания ими культуры для них превыше всего. Вернее, оно ощущается в малейшем жесте, повороте головы, взгляде.

Взгляд, кажется, молчит, но сколько в нём тревоги, трепета и знания! Глаза умны, в них — твердость бесконечных сердечных дум, не только за себя переболевших чувств... Внимательное обращение ко всему, что их окружает, и величественное ожидание: кто из мужчин ещё придет поведать им о неизвестном, важном, пока сердца их полнятся любовью?! А втайне — и болью за странность этой русской жизни, вообще за всех людей...

Серов умел подсмотреть в женщине душу, и как бы она ни пыталась утаить ото всех свою сокровенную суть, художник неизменно обнажал её. Этого добивались и многие из его предшественников, но Серову удалось в большей мере, поскольку он изучал женщину, не переставая... А чем больше мужчина думает о женщине, тем полнее и глубже выходит из-под его кисти её портрет. Лицо, всегда точное своей сути, без скуки описания мельчайших деталей, но в тоже время - воплощающее его глубинные черты.

Именно женский портрет позволяет художнику наиболее полно выразить чувство, которое он питает к жизни: преданность любви и тому чудесному таинству, что исходит только от женщины. В ней — истинное постижение жизни и стремление к свету, что пронизывает мужское сердце.

Ведь если Бог существует, то для мужчины Он воплотил гармонию жизни, прежде всего, в женщине, в её невысказанной прелестной тайне, неминуемо воцаряющейся в его душе. Мужчина восхищается ей, но не в силах объяснить. Тайна эта доступна только Богу и женщине, наречённой Им для продления гармонии. Женщина являет миру чудеса и исцеляет ими, знаменуя своим появлением божественную любовь, что рассыпает по земле нежность в цветах.

О любви, наверное, не сказать ничего нового, как бы глубоко мужчина, даже если он — художник, не проникся этим чувством. Но и высказать всего не в силах: столько она рождает разных ощущений — великих и горестных,

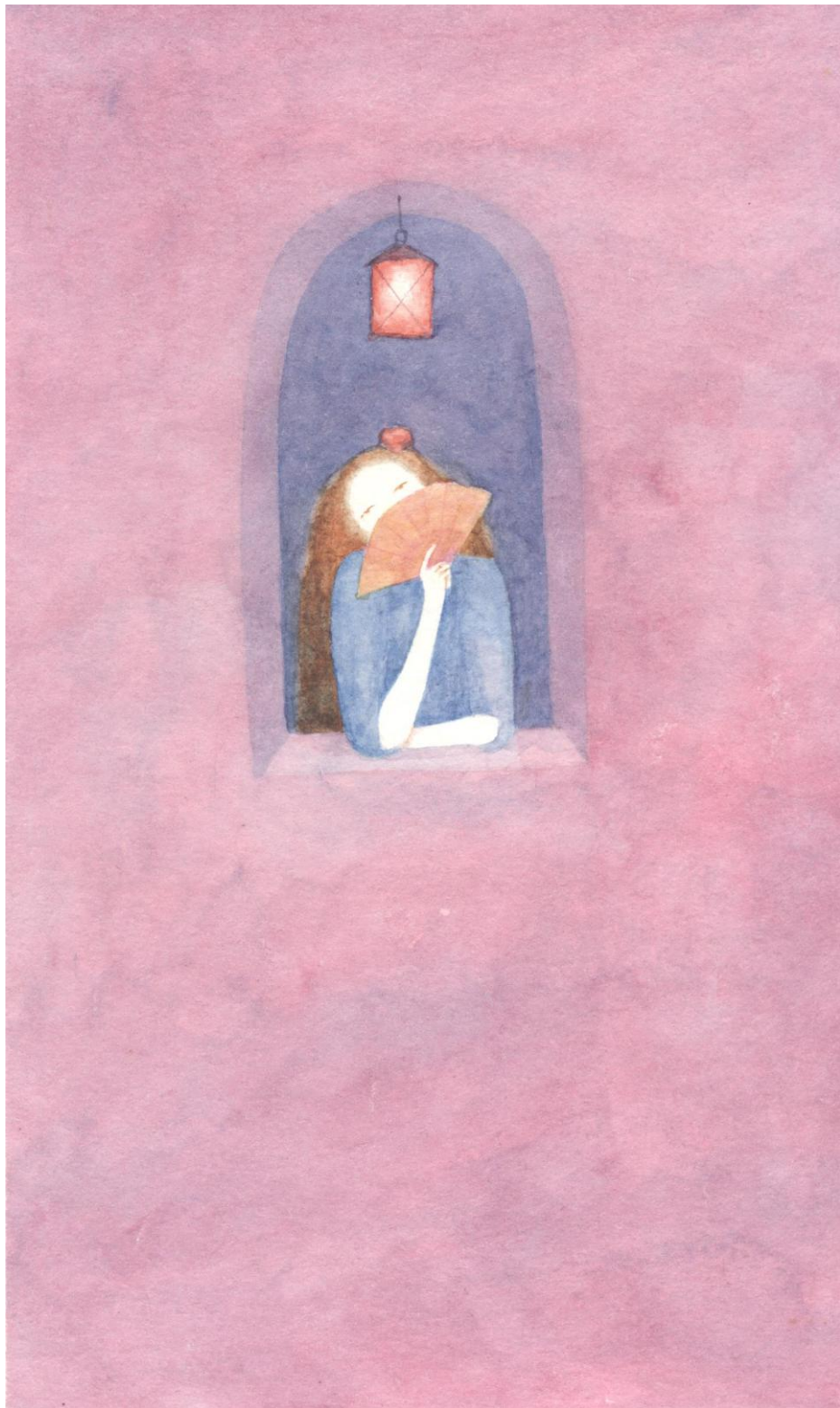
восторженных и печальных, незабываемых и трогательных. А если создаёшь портрет женщины, то поневоле должен нести любовь в своём сердце. Любовь, должно быть, наиболее подлинная радость в жизни, и она предписана всем нам Богом в лице именно женщины, несущей в себе тихий восторг.

Мужчине нелегко вообразить себе истинную суть женщины, даже когда он создаёт её образ на холсте, и она загадочно, без слов, призывает его к себе с портрета. С еле угадываемой тайной, но ощутимыми чертами, женщина точно вызывает мужчину на состязание, не позволяя ему допустить слабость или ошибку. Женщина побуждает мужчину бережно относиться к ней, и будто предупреждает его своей таинственной чистотой, что он не имеет права приближаться к ней, если знает, что когда-нибудь полюбит другую...

Мужчине же, что думает больше о себе, никогда, наверное, не удастся разгадать тайну женщины, но это ещё более привлекает его к ней, и он пытается в портрете изобразить чарующее женское таинство, вознёсшееся однажды над миром мужчин недостижимым божеством.

Ведь обычно женщина приобретает тот лик, в котором её видит проходящий мимо мужчина. Она делает это для того, чтобы скрыть своё величавое значение и все заповеданные в ней богатства только для достойного. Тайна женщины насыщается из тончайшей сущности всей нашей Вселенной, из той действительности, которую никогда не покидает божественный дух, и сущность эту мужчине непременно следует постигнуть, потому как она – лучшее из всего того, что есть.

«ЗНАК»

Когда достигнет тебя вдруг усталость или разочарование, ты страстно шепчешь про себя: Господи, сотвори так, чтобы остались со мной только добрые помыслы, и ещё любовь и преданность ей. Не нужно никаких вводящих в заблуждение слов и сладких сновидений, нужна лишь женщина. Не грех, а чистота, когда она допускает к себе мужчину, для которого хранит тепло. Её богатство – знание, что вся твоя жизнь – лишь путь к нему.

И сердце, и мудрость, и душа мужчины каждодневно призывают к себе еле ощутимый лик любви. Глубже любых чувств и ума это стремление хотя бы увидеть любимую женщину, ждать это всепроникающее в тебя любовное сияние, не схожее со светом солнца, звёзд или луны. Свет его чистоты слагает нечто божественное, что, кажется, никогда не будет доступно тебе. Но закрываешь глаза – и брезжит сквозь них чудесное откровение: твоя любовь.

Когда лик любви светит слишком ослепительно – в нём, несомненно, угадывается присутствие святости, ровно это – образ Богоматери-владычицы, несущей добрую весть. Мужчина ликует при его появлении, точно так же, как восторгается благоуханным солнцем, весенним утром и чистым небом. А женщина смотрит – и дарит ему умиротворяющую улыбку. Так ясно и хорошо становится жить, и ты верен тем сокровенным желаниям, на которые в глубине души давно решился.

Глаза женщины с любовью притягивают к себе, и если поддался их чарам, они уже не отпускают. Под их взором ты становишься другим, лучше. Над головой твоей – иное небо, иначе сияют звёзды. Ты теперь успеваешь подумать о чём-то неизменно прекрасном, с тобой – беспредельная вечность.

Любовь, как и эта вечность, для всех, просто многие в неё смотрятся, но не замечают. Те же, кто мечтают о ней, неся в своём сердце, ничего не страшатся. Источник их силы прекрасен, как прекрасно лицо невинной девушки, впервые обратившейся к любви.

Всю свою сердечную радость безбоязненно отдаёт мужчина за обретение этого нежнейшего покоя, именуемого женщиной, и тот, кто пожертвовал ею на этом пути, уже никогда с него не собьётся. Кто не пожалел своего счастья за счастье другого, станет однажды необыкновенно силён. Женщина помогла ему улыбнуться и порадоваться для всех.

Бог даст, и мужчина научится у женщины по-настоящему любить. Любить зверей и птиц, воду, землю и всё жизненное пространство, чтобы, восхищаясь, уже больше никогда и никого не убивать. С трепетом протягивать руки ко всему живому, не покушаясь на божественную тайну. Любые страхи отвратит женщина, расположившись у изголовья мужчины, но разумом его не овладеет. Только шепнёт заветное слово любви.

Слово то поможет встрепенуться в душе мужчины верным чувствам, что не были ему раньше знакомы. Они поведут его ещё дальше, к совершенному мироустройству, где каждый поступок – словно творение Бога. Священно для мужчины присутствие той женщины, которая смогла отметить его жизнь особым знаком.

Знак женщины – это печать причащения мужчины к её божественной природе. Когда можно жадно пить неиссякаемую любовную прохладу и, не пугаясь расстояний, стремиться долететь до самой дальней звезды. Что будет потом – занимает мало: ты очарован бездонностью женского отражения в собственных глазах, тебе довольно того, что оно уже в себе несёт.

Легко позабыть себя, вглядываясь в лицо любви, и обращаешь свой взор к небу, только насладившись ей, замечая, наконец, великую космическую бесконечность. Но проваливаясь туда, опять оказываешься в объятиях любимой женщины. И тогда постигаешь: начало начал заключено в её восхитительном взгляде, родившемся в непостижимой глубине нескончаемых вселенских веков.

Часто предмет любви, который владеет твоим сердцем, полон невиданных козней и коварства, и ты не подозреваешь, что это всего лишь подделка. Но истинное женское лицо не может быть фальшиво. Оно – светильник, нескончаемое торжество любви и святость.

Самые мирные и мудрые вещи приходят на ум, когда перед тобой возникает настоящая женщина. Спасти от её обаяния невозможно. Можно уберечься только в мыслях от этой сладкой зависимости, но на деле – без памяти окунаешься в беспредельное царство любви.

Летишь, лелеешь свою любовь, и не мыслишь для себя иной доли. Всё, что, казалось бы, готово одолеть твоё влюблённое сердце, бессовестно обезоруживает тебя, оно подвластно женщине, и ты оказываешься бессилён против её волшебства. Ты – великодушный раб, она – величавое благословение любви: её улыбка – и свет, и чародейка-тма.

Знаку женщины с восторгом внимают все: деревья, птицы, звери, даже – камни. Он полон скрытого смысла, какой-то дерзкой тайны, которая порой так обдаст любовной мудростью, что опалит не окрепшее сердце печалью. Но это только если оно не жило, а умирало, тогда тебе несдобровать при встрече с природным женским знанием. Оно так полно и величаво, что впору растеряться, приняв неверное решение. Никто не знает, как в женщине произрастает и длится эта мудрая душевная красота.

Божественность женского знамения мы видим в её душевном изъятии – любить весь мир, и эта чувственная примета заметно выделяет женский род. Обнаружение в женщине этой потребности природы необыкновенно прельщает мужчин, пробуждая в них своё нежное – «люблю». Предвестник трепетного чувства, знак женщины, как радуга, всегда оповещает всех о скором наступлении солнечной погоды, и её, конечно, следует заслужить. Приняв же – самозабвенно охранять.

Всякая женщина, осенённая знаком любви, приближена к Богу, но не чужда ей и земная благодать. В ней – истинное постижение жизни и стремление к свету, что пронизывает теперь и мужское сердце.

Женский знак может быть не всякому знаком, но всякий его почувствует, однажды с ним столкнувшись. Знакомство с женщиной – это всегда её открытие, и восхищённое сближение с ней. А потом – и взаимное

обращение к небесам. Такое узнавание в себе любви восхитительно, и в предоставленном тебе случае не узнать её – значит, быть отвергнутым этими небесами. Постигание знака женщины обязывает ко многому.

Знак женщины – ещё и предзнаменование чуда, воцаряющегося в твоей душе. Ты восхищаешься им, но не в силах объяснить. Оно доступно только Богу и женщине, наделённой им для продления на земле гармонии. Женщина являет миру чудеса любви – и исцеляет ими, знаменуя своё появление только добром. Не мудрено отдаться ему без оглядки.

Священнодействуя заложенными в себе чудесами, женщина, между тем, скромна, и знак её от этого ещё более прекрасен. Скромность – это смирение своего превосходства, а значит – удивительная кротость. Женщина никогда не поставит себя наперёд, как это непременно сделает мужчина, она об этом просто не подумает. Благопристойна и тиха в обращении со всеми, женщина достойна своего природного знака, дарованного ей Божественным Мирозданием.

Может быть, женщина даже не подозревает о несомом в себе значении, лишь сердцем постигая отпущенное ей небом богатство. Не переоценивая своих заслуг, она ведёт жизнь праведную и красивую: трезво смотрит, не требует лишнего и зла не таит. Скромность её знака – умиротворяет, она – хранительница всей теплоты, заключённой в мире.

Этим знаком женщина зовёт за собою, рассыпая по земле всю свою нежность в цветах. И ещё – в солнечном дожде, истоки которого лучше искать на облачных сводах. Но многие мужчины ничего не замечают, проходя мимо.

При свете солнца, луны и девственных снегов женщина всегда желала, чтобы на неё обратили чуткий взгляд. И увидели мудрость её сокрытой чувственной тайны, и глубину чарующей душевной теплоты, и искры пламенеющего любовного духа. Никогда не потускнет ему рядом со священным знаком любви, который вечен. Тот, кто не найдёт его сегодня, может обрести завтра.

Да, женщина наделена удивительной чувственностью, это – её знак, и думать сердцем для неё не роскошь, а каждодневная жизнь. Мужчине бывает трудно в это поверить, потому, как у него самого сердце спит. Жизненное взросление означает, что он должен расти всё глубже вовнутрь самого себя, но мужчина будто забывает о своём предназначении, а вот женщина помнит, и в чувственном отношении к жизни не перестаёт расцветать.

Бог сотворил женщину такой чувствительной для того, чтобы через чувствительность она способна была увидеть божественное во всём. С помощью чувственного сердца женщина легко проникает в самые удивительные явления жизни, а сама становится ещё более чудесной.

Обладая удивительной восприимчивостью, женщина гораздо тоньше мужчины готова усваивать проистекающие вокруг явления только потому,

что жизнь основана на чувствах. Она не изменяет своему чуткому отношению ко всему, что с ней происходит, даже если душевное состояние представляется ей трудно переносимым. Порой испытания подолгу не ослабевают, но женщина достойно переживает их в глубине своего внутреннего существа. В этом - преимущество женщины перед мужчиной, когда она вынуждена проходить через каждое чувство во всей своей полноте, отчего восприимчивость её только усиливается.

Но что же женщине остаётся? Истинное счастье для неё в принятии любого переживания: она именно принимает его и отпускает, не изливая на окружающих, тем самым утверждая благо. Женщина не цепляется за несчастье, не подавляет, а спокойно погружается в него, позволяя своим чувствам и переживаниям уйти самим, и наступает лёгкость. Так, незаметно, женщина приносит в свою жизнь гармонию, недостижимую для многих мужчин, в которых слишком много воска.

Счастье приходит, когда находишь себя, и как только это происходит, ты начинаешь осознанно относиться к жизни. И, конечно, к женщине... Ты вдруг открываешь простую истину: для того, чтобы понять женщину, нужно измениться самому. Иначе женщина тебя не примет: хочешь добиться её любви – меняй себя.

Если ты решил стать самим собой, и это однажды произошло, встреча с твоей женщиной не заставит себя долго ждать. Ты теперь уравновешен, разобрался в самых важных вещах, и в твоей жизни есть место всему: в том числе – и любви. Женщина обязательно почувствует в тебе произошедшую перемену, выкажет своё внимание, и тогда радуйся жизни во всей её полноте.

Истина заключена в том, чтобы прийти к переживанию высшего смысла жизни, а прийти к нему возможно только исследуя её через себя: сначала нужно постичь – кто ты и откуда пришёл, и затем уже узнать – зачем? Без женщины осуществить это невозможно: кто даст начало вашей жизни, поддерживая и восхищаясь вашими открытиями? Только – женщина, ради неё мужчина воплотит в действительность всё задуманное, и истина придёт в его внутренний мир вместе с женской любовью.

Женщина, как весна, несёт в себе знак преображения для мужчины, расцветая в его сердце тысячами цветов. Когда ты идёшь с ней по дороге удивительных открытий – невозможно не переживать великую радость от ощущения своей вечной и неповторимой жизни.

Ведь счастье и радость – предназначение и женщины, и мужчины. В этом нет никакой тайны. И ни один мужчина не имеет права вмешиваться в это справедливое жизнеустройство, угнетая чудесное достоинство женщины.

Но мужчина постоянно вмешивается, и тем отдаляет своё собственное счастье. Так может поступать только несчастный человек, должно быть, он ведёт себя подобным образом только потому, что завидует женщине. Иначе, как объяснить это тупое устремление мужчин, нарушающих естественное течение жизни, её исконное блаженство?!

Женщине совсем не хочется сдерживать в себе благословенную энергию, а она вынуждена закупоривать её, так, отчего-то, удобно мужчине. Благостная энергия женщины, призванная вырываться наружу, вынуждена поворачивать обратно: ради чего? Только, чтобы удовлетворить эгоизм не осознающего себя мужчины? А добрая энергия женщины готова переполниться, ей требуется выход, отчего она должна контролировать себя?!

Мир с каждой секундой обновляет себя, он постоянно живёт новым, и женщина становится ещё более прекрасной, когда не изменяет своей природе. Существование поддерживает её в этом, и она полна жизнеутверждающим потоком, в ней копится чудесный сок жизни, и неповторимая свежесть насыщает её. Мир женщины расточает аромат тысячи цветов, в ней произрастают прекрасные деревья, и так, просто, на земле утверждается великое благо.

Мужчины, если вы желаете быть счастливыми, вам остаётся только стать открытыми для женской любви: женщина ждёт от вас этого. И когда вы поверите своему сердцу, вы неминуемо из беспомощных превратитесь в сильных и богатых... Всё зависит от вас, от вашего правдивого сердца, и если вы перестанете противоречить ему, то обретёте радость. Ведь быть счастливым и радостным в жизни означает быть истинным в отношении своей жизненной энергии, как это выходит у женщин.

Счастье – это правдивость, и когда вы истинны – вы благостны. Учитесь этому у прекрасной половины человечества, и будьте благодарны женщине за её чистую душу. Вы никогда не позволяли себе быть такими, а женщина ненавязчиво указала вам верный путь, в первую очередь, к самим себе, к своей любви, и вы почувствовали себя счастливыми.

Оставайтесь теперь таковыми всегда, и не создавайте условий, в каких женщина может почувствовать себя несчастной. Подарите ей радость, это – в ваших силах, и судьба отблагодарит вас незабываемыми днями, часами и минутами. Вы вообще позабудете о каких-либо неудачах, ибо сердце ваше всецело отдано любимой женщине, её чарующему знаку любви, и тогда счастлив будет ваш Бог.

«ДОБРО»

Часто говорят: от женщины – и худо, и добро. И действительно, есть в ней и яд, и лекарство, тем или иным делает лишь доза, а определяет её женщина благодаря настоящему мужчине. Женщина от того только ещё более расцветает, и добро в ней берёт верх.

С таким мужчиной в женщине её причудливый норов, если он есть, сразу спадает, а жизнь полнится молодыми, крепкими силами. Зависть тогда её дом не стережёт, и рукавами хозяйскими его уже не растрясёшь. Женщине с достойным мужчиной жить – в добрую волю, а любить – горячо. Только ему она доверяет свою сердечную правду.

Взяв свою отзывчивую душу через мужчину, женщина верное знание в себе открывает. Молится про себя, чтобы совместные годы не свели их с ума, слова друг другу произносились только во спасение. А ещё богатство бы доброе высылось, и убожество других не осуждалось. Кроме Бога их тогда некому хранить и судить.

Добро женщины со временем становится так велико, что мужчине надлежит её чаще в люди отпускать, а самому и так сгодится. Но добрая женщина с ним вместе всё разделит, за собой не постоит. И хоть говорят, что одной женой дома не удобришь, а только ею он по-настоящему и держится.

Противопоставлять женщину мужчине – всё равно, что из гальки алмаз пытаться вытесать. Неблагодарное это дело! Женщину красит женственность, мужчину – мужество. Ведь женщина сама по себе хороша, со всеми своими прихотями, и прежде мужчина выходит к ней навстречу, чем она к нему.

Может быть, поэтому женщина скорее мужчину обручит. Среди людей говорят ещё: обабит. Мужчины же женщин «бабами» за то окрестили, что в «бабе» желают хоть как-то принизить женский пол, без которого своего существования втайне не мыслят, но простить этой «природной несправедливости» не могут. Отсюда и уничижающие поговорки: «У бабы волос долог, да ум короток», «Бабы умы разоряют дома», «Пусти бабу в рай, а она и корову за собой приведёт», «Где чёрт не сладит, туда бабу пошлёт», «Курица не птица, баба не человек», «Знай, баба, своё кривое веретено»... Или ещё так, напрямую, без обиняков: «Баба с возу – кобыле легче!»

И повелось издавна в просторечии никудашное к женщине отношение. Встреча бабы с пустыми вёдрами - предвещала неудачу. Если приходила смерть за бабой, то указывать на деда было не принято... Когда же погибал дед, бабе только и оставалось, что смеяться. Зато уж сколько на бабу положишь, то она и несёт!

Бабу советовали бить молотом, и при особом усердии в этом – из неё можно было получить золото. По умершей же бабе - и вовсе не следовало тужить, ибо Бог давал за неё в утешение девку. Даже дворовая собака считалась умнее бабы: на хозяина она не лаяла.

Непутёвого мужчину, что легко вдавался в обиду, окликали бранно бабою, погрязшего же в общении с ней представляли бакланом.

Оцепеневшего было от неожиданности или страха человека сравнивали не иначе, как с каменной бабой. Бабой прозывали любой чурбан или, какую ни есть, колотушку при исполнении земляных работ, а сказочное страшилище, сподручницу лешего с сатаной, окрестили бабой-ягой, способной только на отвратительное бесчинство. Щеголять женщине такими именами, конечно, не приходилось.

Но даже в неуклюжей и дурной собой женщине жило своё добро. Только походит она рядом, а уже делу немало пособит. Издавна в народе даже велось такое пословье: «Скачет баба задом и передом, а дело идёт своим чередом». С руками своими, лицом и угадкой она попевала во всём навести теплоту и уют, которых всегда недоставало мужчине. И Бог был к ней более милостив.

Сорок лет, говорят, бабий век длится, а успеваешь она его за это время несколько раз прожить. И никогда не боится при этом творить добро, чем выгодно отличается от мужчины. Всё лучшее, что попадается ему в жизни, принесено именно ею.

Часто мужчины сетуют на бабий ум, что он, ровно бабье коромысло: и криво, и зарубисто, и на оба конца. Но сердце женское, между тем, кипит, что котёл. Если потребуется – сладит с любым без ссоры, за зло злом платить не станет, да и от добра добра не ищет: ждёт терпеливо своего тихого счастья, и на судьбу не пеняет.

Но как бы женщина ни желала любви мужчины, ей приятней самой отдавать любовь, нежели получать её. Принёс мужчина кому-нибудь добро – он уже считает таковое большим и значительным, то же самое, содеянное женщиной, расценивается, как нечто маловажное. Недаром потому говорят: «Дням доброй жизни мужчины есть число, доброе же имя женщины пребывает вовек».

Женщина гораздо умнее и добрее мужчины, потому что замечает больше добра в людях. Она не различает, хороши они или дурны. Женщина дарит свою любовь всем без разбора.

В супружеской жизни добро женщины так велико, что его хватает на двоих. Мужчине с доброй женой горе – полгоря, а радость – вдвойне. С худой же – одно злое зелье. Добром жены, как говорится, и муж честен.

Добрая женщина и детей своих добру научает, и её добро не ждёт в них за то похвалы. Она переживает чувство неподдельной радости, когда приносит им самое дорогое, что у неё есть – своё ласковое сердце, и при этом добро её остаётся неистощимым. Отдавать всю себя для других – смысл её жизни.

Добро женщины – язык, который доступен каждому. Оно украшает жизнь слепого и ребёнка, старика и взрослого мужчины, разрешая все их противоречия. Запутанное – оно делает ясным, трудное – лёгким, мрачное – радостным... Всё может разъяснить и обустроить женское добро.

Просыпаясь, каждое утро, женщина не задумывается над вопросом: что бы доброго совершить ей сегодня? Добро живёт в ней всегда, и дарит она его

исподволь просто потому, что не может не дарить. Но женское добро, в отличие от мужского, это всегда ещё и доброе усилие над собой, когда этого требуют обстоятельства.

Женщина никогда не станет откладывать свои добрые дела, потому как знает: любая такая отсрочка неблагоразумна, и может даже обернуться опасностью. Добрая женщина, если даже и совершила ошибку, никогда не пытается оправдать себя в ней. Она признает любую свою вину только из-за того, что по-настоящему добра. Не прощая себя, женщина всегда будет в состоянии простить других.

Женщина в своей жизни словно спешит к добрым делам, пусть даже и незначительным. И тогда одно доброе дело влечёт за собой другое, а вместе они порождают радость. В конечном итоге – то самое женское счастье, которое бескорыстно позволяет жить ей только во имя добра.

Бывает, что добрые качества женщины больше вредят ей в жизни, чем помогают. Но она не принимает это непонимание людей всерьёз, и старается не умирать раньше времени. Душа её до краёв наполнена доброй жизнеутверждающей надеждой.

Испокон веку повелось, что быть доброй – изначальное состояние души женщины. Это всегда указывало на то, что чувства её всем удобны, и подходят любому живому существу.

Выше добра женщины нет ничего, кроме умения владеть им. Одна женщина своим добром может достичь неизмеримо больше, чем несколько мужчин, наделённых неограниченными правами. Сила мужчины вполтину не так могущественна, как доброта женщины. Женщина очень сильна, поскольку довольствуется только тем, чтобы нести добро.

Добро подобно жернову, дающему муку. Если в него, время от времени, не подсыпать зерна, оно стирается. Лучше это получается у женщины, и добро её никогда не перестаёт быть.

Ничто так не радует мужчину, как сознание, что его любят. Женщине же довольно одаривать всё живое добром. В этом кажущемся противоречии – залог непрекращающейся здоровой жизни, в которой женщине суждено оставаться любящей матерью, а мужчине – родимым ребёнком.

Если у мужчины добро – это уйма неисчислимых забот, от которых он стремится быстрее избавиться, то женщина, при малейшем случае, обращается к добродетели. Даже тогда, когда всё, казалось бы, располагает её к низменному, недостойному пути, женщина не может позволить себе добиться цели любыми средствами.

Женское сердце подобно губке: в погожий день вбирает в себя свежий ветер, ясное небо и солнце, а в непогоду – всю грязь и холод. Но, наполняясь мутной водой, она отдаёт обратно лишь чистую. Путь вам чистый, добрые люди!

Есть нечто чарующее в звучании женского сердца, призванного только любить. Даже бесчувственные мужчины, остающиеся глухими к его самым

добрым призывам, начинают вдруг к нему прислушиваться. Незаметно для себя им становится удивительно легко и свободно жить.

Иной раз начинает казаться, будто добро женщины одурачивает её ум, до такой степени оно безгранично. Дарит себя, не скупясь, и, вроде бы, не боится остаться ни с чем. На самом же деле во всём женском отношении к миру царит удивительная соразмерность, что объединяет в себе и мудрость, и чистоту, и ласку.

Ум женщины – это, прежде всего, стремление пожертвовать ради любого, даже – не родного ей человека. Как мать, проснувшись, протягивает руку к ребёнку, так и доброе сердце женщины откликается на любую человеческую муку.

При этом женщина не хочет выглядеть добрее других, и потому её добро – не роскошный букет, от которого обычно болит голова. Оно – лишь маленький цветок, чаще всего неброский, почти никем не замечаемый, но очень трогательный. Если однажды увидел его – уже никогда не забудешь.

По-настоящему добрая женщина в душе всегда считает себя красивой... И хоть счастливой жизни у неё, может быть, и нет, а есть только незабываемые дни, она всё равно верит в своё добро.

Очень мило выглядит женщина и в тот момент, когда собственная красота не занимает её. Она не чувствует себя виноватой за то, что хороша, и втайне ото всех не казнит себя за это в душе. Женщина даже не подозревает, что печать этой доброй тайны лежит у неё на лице.

Женщина, как раз, тогда и становится неотразимой, когда не стремится пленять своей красотой. Она – просто добра.

Истинное добро женщины – враг всякой вычурности и шумихи, оно проистекает из незаметного и чуткого общения с людьми. Скорее, её добро предпочтёт уединение, нежели выставит себя напоказ. Только так оно оборачивается живительным родником, что касается губ утомлённых путников. Добро женщины не возвышает её над другими, потому что оно невидимо.

Добро женщины никогда не наскучит: оно всегда свежо и ново. И хотя мужчина, всё же, привыкает к нему, рано или поздно он понимает: женщина – это постоянное переживание доброты, которой хочется поклоняться. Ей просто необходимо быть рядом с мужчиной или ребёнком, сочетая вместе с ними ещё более удивительную и добрую тайну. Может быть даже, женщина продолжает их в себе, чем и остаётся жива.

Женщина очень добра, когда довольствуется тем, что у неё есть. Она под стать тому мудрецу, что, поднимаясь высоко в горы, чтобы уединиться, не хочет, в то же время, подняться выше человечества. Доброта женщины – это дарованная Богом самостоятельность её существования.

С женским добром жить хорошо, потому как оно ещё никогда и не кончается. Добро это так велико и всем доступно, что, пробыв в нём хотя бы немного, всё горе своё забудешь. Кто же живёт с ним постоянно – всю жизнь ходит в серебре.

Руки, слова, взгляд – всё выдаёт в женщине драгоценное доброе семя, заложенное в неё природой. Кинь его мужчина назад, оно опять очутится впереди. Бог не зря избрал для добра женское лоно: ведь от доброго древа, говорят, и добрый плод. Если же добра в доме нет, то и правды мало.

Свою правду женщина преподносит мужчине просто – всем своим естеством, молчаливо желая только одного: доброго внимания. Любить она горазда сама, и в этом с ней никто не сравнится. Любовь живёт в женщине неутолимой жадной, как потребность единственно насущного смысла её существования.

Преподносить себя мужчине – великий женский дар, совершаемый ею безвозмездно. С лёгким поклоном, с безоблачной тайной на устах, приближается она к нему. Мужчина же при встрече с доброй женщиной только понимает, что даром брать хорошо, а что отдавать надобно – не ведает.

Женщина одна лишь знает, что лучше своё задаром отдать, нежели чужое взять, да только всякий мужчина ещё норовит с придачей брать. Он, словно месяц, что у Бога дармовой хлеб ест: и светит, но не греет. Недаром в народе говорят: даровые милости – неоплатные долги. Женщина их потом всё равно своим добром покрывает.

Дёшево для мужчины оказывается даровое женское добро, и только позже до него доходит, как дорого наживное. Пока он это постигнет – жизнь целая, порой, проходит, а женщина терпеливо ждёт его и любит. Терпению её Господь путь указал: тихо почил своим присутствием, и светом внутренним умилоствовал. Женщине от того на душе легче становится.

В кротком смирении, не унывая, надеется она на лучшую долю, не в силах от своей нелёгкой отказаться. Ей, быть может, суждено только час любить, а век в ожидании любви быть. Но лучше она сама терпеть будет, чем кого ненароком обидит. Ведь терпение – не беда, было бы чего ждать.

Женщина оттого, наверное, всю жизнь ещё терпит, что в сердце своём всегда любит. И так она в нужде этой душевной окрепнет, что впору камню от её выносливости треснуть. А всё добро помогает, что Бог в неё однажды вдохнул, оно есть признак кротости, смирения и милостивого снисхождения. Любовь и сила духа через них в женщине необыкновенно вырастают.

От всего этого Богу – угождение, исстрадавшейся женской душе – утешение, дому, теплом её обогретому, - благословение, да и людям всем, что по соседству живут, - просвещение... Величие женщины – и в праведных делах её, что она в добре и вере каждый день совершает. Что и говорить, талант в женщине живёт особый: в её добре час пробудешь, всё горе забудешь.

В женском добре – счастье и судьба её жизни, и невозможно женщине его потерять. От неё веет теплом, которое зарождает в любом человеке живое чувство, а где тепло, там и добро. Только тогда женщине покойно бывает, когда всем вокруг хорошо. Вот почему женское добро всякому – словно ласковое солнышко: и манит, и греет, и трепетной заботой обдаёт. Оно – безусловное признание Господом открытой для всех доброй женской души.

Так же, как под словом «Бог» я понимаю переживание божественной красоты, так и под устремлениями женского доброго сердца угадываю лишь чистоту, идущую из глубины её существа. Прикосновение к этой женской тайне очищает и твоё сердце, ты сам становишься невинным и чистым, незаметно наполняя своё сердце любовью. Когда эта вспышка озарения происходит в тебе – ты, как и женщина, начинаешь излучать свет: глаза твои открыты, слух обострён, а сердце вдруг понимает, что свет в нём был всегда, его только нужно было пробудить, и помогла тебе в этом женщина.

Благодаря женщине ты ощущаешь, быть может, самое чудесное переживание в жизни: ты осознаёшь, как чист в самом себе, не пытаясь быть чем-то особенным, выше и лучше других. Ты с удивительной ясностью открываешь, как ты невинен, и даже – свят в появлении своей душевной частицы в этом бесконечном душевном мире, где ты просто есть, и в этом – уже великое благо. Но осознаёшь ты такую простую истину, появившись на свет в человеческом теле, благодаря доброй и сильной женщине...

Ты постигаешь, что такой, какой ты есть, ты уже совершенен, ибо появился в божественном мире, и это – настоящее чудо. Ты – часть великого Существования, разве это ни прекрасно, а твой счастливый жребий заключён в том, чтобы с другой любимой женщиной продлить это божественное благо. У тебя нет причин для какого-либо беспокойства: ведь ты в этом вечном мире ничего не теряешь, ты обрёл бесконечное блаженство, то есть – Царство Божие, и в это незабываемое путешествие, с Божьей помощью, тебя сопроводила женщина – твоя мама, самая добрая женщина на свете.

Женщина даёт жизнь – разве это ни прекрасно! Ребёнок появляется на свет божий – и его ждёт только божественная радость: мама для того и родила малыша, чтобы он вступил в жизнь свободным и счастливым человеком, и оставался им до следующего воплощения. Другое дело: как душа ребёнка распорядится предоставленными ей возможностями! Но женщина осуществила возложенное на неё Богом дело – подарила ребёнку способность праздновать своё существование. Она очень мудро высвобождает имеющуюся в себе энергию, предоставляя место для чего-то нового и свежего, и это делает её ещё более молодой и прекрасной.

Мужчине, несомненно, не достаёт такого чудесного умения: именно творчески распределять накопившуюся энергию. Женщина не может не посадить свой душевный сад, иначе бы она не была женщиной. А мотивация для неё – отдача, что есть нечто большее, чем мужское эго, и эта отдача находится за пределами ума, она порождается добрым сердцем.

Если у женщины есть то, что дарит ей радость, она обязательно поделится им с кем-то. Делится она своим внутренним богатством не потому, что для этого существует какая-то причина. Нет, в её душевном устремлении отсутствует цель: женщина наиболее полно выразит себя, когда просто поделится, безо всякой выгоды, и тот, для кого будет предназначено её

добро, не почувствует себя обязанным ей. В этом – секрет женской доброты, и она для неё – естественна.

Порой невольно задумаешься: откуда в женщине столько добра? Причём, его оказывается так много, что это состояние женской души, наверное, можно назвать даже избытком. А между тем, добро женщины – её жизненное благо, что всегда вызывает уважение: женщина его сеет повсюду, оделяя им всякого, а оно в ней, кажется, не убывает. Как такое происходит?

И не приходит никакого другого ответа на этот вопрос, кроме как: женщина наполнена Богом! Именно Господь наделил её таким богатством тепла и ласки, чтобы она могла великодушно изливать добро на тех, кому его не хватает. Женщине нужно было только открыть в себе внутренние сокровища, и однажды она обнаружила добро в глубине своего существа. Всяк в своём добре волен, а женщина весь свой век в нём проживает.

Женщина – солнце, что встаёт рано поутру, ублажая своим светлым присутствием, и невозможно не пробудиться душой от её солнечной ласки. Трудно себе представить, если бы её не было, и ощущать пребывание рядом женщины – благо. Женщина дарит его всем, без исключения, и можно только благодарить бытие за то, что она существует. Женщина – это гармония, единство всего того, что не может существовать отдельно: её нужно слушать, чувствовать, видеть и понимать, а главное – любить!

Женщине удаётся поддерживать свою гармонию, наверное, только потому, что она воспринимает жизнь сердцем. А делать то, чего хочет ваше внутреннее божество, это – мужество. Женщина в полной мере обладает им, потому, что прислушивается к своему сердцу. Слушает очень внимательно, с любовью, и следует ему, во что бы то ни стало, идя туда, куда оно её ведёт.

Чистота – качество женского сердца. Как мужскому уму присуще быть изворотливым, так женскому сердцу – чистым, на это способна только женщина, потому, как именно сердце её мудро, а не голова. Сердце женщины не учится любить, любовь заложена в нём изначально, её только следует сохранять свой прекрасный источник добра. Сердце её становится благоухающим светом ещё с детства, вбирая в себя все краски мира: от чистоты души её и взор сияет чистотой.

Сердце женщины принадлежит её внутреннему источнику, неразрывно связанному с божественной силой. Она его почитает, как розы в своём саду, что приветствуют хозяйку ароматным танцем, а женщина наблюдает это чудо – и ещё более расцветает душой. Сердце её – невинная роза, что переживает чистое желание только любить. У всякой женщины доброты много, а больше всего – нежной и чистой любви.

Сердце женщины, по своей чистой природе, всегда удовлетворено тем, что есть. Оно никогда не просит большего, уповая на Господа: женщина чувствует Его в своей душе, и с радостью принимает то, что имеет. Это более, чем достаточно, когда у тебя нет никакого конфликта с окружающей тебя благостной природой Существования, а есть возможность благодарить жизнь, впуская в своё сердце только любовь.

Думая о женщине, как она постоянно живёт согласно движениям своего сердца, невольно вспоминаешь мудреца, что не боится жить свободно, открывая для всех свою душу. Женщина мудра по-своему, но и она не страшится, если кто-то увидит, как расцветает её сокровенное существо. Она мудра в своей чистоте и невинности, желая достичь единения с великим Целым, и делает это незаметно, изо дня в день, не пытаясь кого-либо обманывать, или выгадывать что-нибудь для себя, тем самым открывая дверь в божественное. Мужчине бы оценить эту невидимую работу женского сердца, и взглянуть внутрь своего существа, обретя там прозрение.

Но у мужчины сердце подавлено разумом, тогда как женское естество течёт настолько сильно, что для сердечной работы в ней просто не остаётся места: сердце женщины рвётся наружу. Если она что-то делает, то от всего сердца, у мужчины же во всё вмешивается эгоистичный и беспокойный ум. Ему всё необходимо контролировать, подавлять, а женщина расцветает сердечной красотой, и ей нет надобности, над кем-либо, преобладать. Женщина – это дар, ниспосланный Богом на землю для укрощения мужчиной своих безудержных страстей, и знак её – добро.

Мужчина тысячелетиями стремился познать мир, не задумываясь о своём внутреннем существе, тогда как женщина, кажется, сразу его разглядела, и жила им, а мужчина всё это время спал. Он и сейчас продолжает это делать, женщина же не прекращает поддерживать божественное предназначение в себе, и никак не может дождаться пробуждения от глубокого сна мужчины, чтобы он, наконец, пришёл в сознание и увидел, как прекрасна женщина. Добро для неё – единственный закон, всю свою энергию она трансформирует именно в добро, побуждая мужчину проснуться, обратив все силы на созидание. Женщина всем сердцем желает, чтобы мужчина перевоплотился в нового, любимого ей человека, только с жизнеутверждающими устремлениями.

Переживание тихого блаженства происходит в сердце женщины так же тихо, таинственно и блаженно: добро льётся из её сердца ласково, почти незаметно, но, ей-богу, как оно прекрасно! Совсем не замечать его – недопустимо, ведь оно, это добро, есть, его невозможно не любить, а как важно испытать, потому, как никто этого добра мужчине, кроме женщины, подарить не сможет. Вот почему мужчине с благодарностью следует женское добро изведать, ведь он – мужчина, и если так, то чуткость не должна покидать его сердца. Ему необходимо стать таким же великодушным, как женщина, тогда его жизнь пройдёт под знаком добра и любви.

Женщине по душе находиться в постоянном переживании добра, иной она быть не может, и оттого ей близка поэзия, музыка и кружение под неё в танце. Ей в нём хочется раствориться, наслаждаясь своим полётом, и как всё это подходит женщине, когда душа её устремлена к радости, она желает праздника и для своего ребёнка, и для любимого мужчины, и для неба с землёй, чтобы в этом радостном кружении раскрывать и отдать себя без остатка.

Быть наполненной добром для женщины – значит, быть удовлетворённой тем, что есть, не желая того, чего нет. Она свободна от незнания, и ей не приходится убеждать себя в этом: женщина просто принимает с благодарностью то, что у неё имеется. Это кажется для женщины совершенно естественным, и она ничего более не желает, будто не обращая внимания на несчастья.

Так живёт женщина, не теряющая своей связи с Богом, и в своём восприятии жизни она подлинна и правдива. Мало того, она не тревожит никого своей тихой радостью, потому что эта радость – её собственная. Женщина развела в своей душе этот маленький сад, и наслаждается им. Всё прекрасное, желаемое и любимое подарила она себе сама, но не против того, чтобы предложить это благоухающее богатство мужчине.

Мужчина в несчастье часто пасует, желая тем выразить недовольство жизнью. Женщина, в отличие от мужчины, как раз настроена на то, что не стоит отказываться от жизни, нужно просто более достойно относиться к ней. К жизни необходимо проявить внимание, убеждена женщина, а не лишать себя процветания.

Женщины хотят жить, они – цветы, желающие дарить радость, и по своей природе – более божественны. Сила нежности оказывается вернее грубого натиска, и женщина расцветает в своей жизнеутверждающей красоте. Внутреннее блаженство – вот что постоянно испытывает женщина, и потому она никогда не утратит себя. Всё её внутреннее устройство нацелено на то, чтобы получать от жизни, ничего не разрушая. Но в то же время, женщина – свет и для себя, и для других, её божественность заключена в способности переживать свою любовь со всем сущим.

Женщина, попадая в тенёта обусловленности, расставленные для неё мужчиной, теряет свою красоту, и если бы не эти, навязанные ей обусловленности, она, несомненно, была бы ещё более божественной. Как же ей быть?!

Её невинная природа, подобная ребёнку, подсказывает: будь открытой раскрывающемуся перед тобой миру, но мужчина загоняет женщину в рамки глупых верований, которые её разрушают, а она полна собственных светлых идей. Женщина заключена в клетку условностей, придуманных мужчиной, тогда как ей хочется общаться со всем миром, душевное общение со всяким живым существом – её истинная природа, но она вынуждена изменять самой себе, сталкиваясь с самомнением эгоистичных мужчин, что приучили её подчиняться. Женщина принуждена мужчиной страдать, а ей хочется радоваться и смеяться: как ей не отбросить эту обременительную несправедливость? Ведь по своему внутреннему содержанию женщина необыкновенно глубока и прекрасна!

Женщине, несомненно, присуще настоящее чувство, когда она проявляет не сентиментальность, как полагают мужчины, а искреннюю вовлечённость в переживания другого человека, преданность тому, кому, как раз, не достаёт поддержки. И тут проявляется истинное качество женщины:

её сердечное сопереживание преобразуется в действие, и как выгодно отличается оно от притворства, часто свойственного мужчине. Женщина, конечно, более сердечна, и хоть сердцем соломинки не переломишь, а оно душу её сберегает.

Сопротивляемость женщины жизненным козням намного выше, чем у мужчины, и когда всё складывается не так, как он задумал, у него часто наступает разочарование. Чего не скажешь о женщине, что привыкла без конца преодолевать жизненные перипетии, как правило, не получая ни от кого поддержки. Ей не занимать терпения, которого в нужный момент не оказывается у мужчины. Женщина скорее предпочтёт принять жизнь такой, какая она есть, чем покончит с ней счёты, как это нередко случается у него.

В сравнении с женщиной у мужчины не хватает выдержки перед жизнью, и поэтому он вдвое чаще сходит с ума и совершает самоубийство. На лицо, что женщина гораздо сильнее мужчины, но именно мужчина обвиняет её в обратном!

Женщина ближе к земле, она более уравновешена, а значит – склонна к наблюдательности, чуткому восприятию окружающей жизни, и благодаря этому сохраняет изящество. Именно женщина более расположена к поэзии, живописи и музыке, потому как чувствует волшебство красок и звуков, она не развращена невротичным отношением к существованию. Чудесная мелодия Вселенной входит в неё моментально, и женщина принимает её с радостью, распространяя вокруг такую же открытость, чем создаёт тепло и уют. Она необыкновенно органична, и её окружает благословенная радость.

Женщина благодарна Существованию за дарованное ей прекрасное тело, тонкое обоняние и великодушное сердце, чтобы чутко общаться с реальностью. Мужчине бы не помешало научиться у неё чувствительности, замечая влажную шелковистость травы, пронизательную глубину звёздного неба и аромат росы. Мужчины, не разрушайте себя, а посмотрите, как видит, слышит и ощущает жизнь женщина: станьте по-настоящему живыми!

Жизнь всегда готова дать вам, если вы не нуждаетесь, вы уже обладаете тем, что необходимо, и вам только остаётся благодарить Всевышнего за оказанную добрую услугу, что предоставляет Он вам в лице доброй женщины. Раскройте свои объятия жизни, что только и ждёт, когда вы сможете воспользоваться её дарами, у вас уже имеется очень многое для того, чтобы быть здоровым и счастливым, а в ваших неуёмных желаниях вам следует обратить внимание на скромную женщину, что есть сама добродетель. Блаженство её заключено в том, что она ничего не просит, обладая внутри себя непередаваемой сердечной красотой.

Каждый человек хочет кому-то быть нужным. Наша душа устроена именно таким образом. И действительно: когда ты кому-нибудь нужен, твоя жизнь не кажется тебе бесполезной, она обретает смысл.

Но вот женщина, кажется, не задаётся подобным вопросом: в ней всегда кто-либо испытывает потребность. Разве скажешь, глядя на женщину, что у неё выбита почва из-под ног? Нет, такого впечатления она не вызывает.

Скорее, наоборот: до неё у каждого имеется свой интерес, и женщина не отказывает никому в своём внимании, и проявляет любовь.

Женщина не навязывает себя кому-либо, вот в чём всё дело, она не старается для кого-то непременно быть нужной, но при этом не перестаёт любить, даря добро. Невозможно не чувствовать её душевную заботу, в ней отсутствует какое-либо подбострастие или притворство: женщина с улыбкой принимает тебя, как доброго гостя, и это приподнимает тебя в собственных глазах. А женщина лишь проявила доброжелательность, желание выразить своё природное чувство.

Словом, женщина откликается всем сердцем, когда видит, что в ней нуждаются, и ей хорошо от этого. Она проста и самостоятельна в своих нехитрых деяниях, и ей не приходится переживать собственную бесполезность. Когда на её жизненном пути встречается дорогой мужчина, женщина и вовсе расцветает, потому что её жизнь многое значит, в первую очередь, для него. В этом – её истинное, дарованное от природы блаженство!

Но блаженства можно достичь только с помощью терпения, которое у женщины – безграничное, и оно проявляется в ожидании своего мужчины. Мужчина деятелен, он постоянно находится в поиске смысла жизни, верного жизненного пути, и, конечно, своей женщины. И смысл жизни, и женщина – для него загадка, и мужчине необходимо проникнуть в очередную тайну.

Женщине кажутся забавными все его искания, если только дело не касается её самой, и тут она готова ждать вечно, доверяя мужчине, если тот оказывается её мечтой. Ведь в ней зарождается новая жизнь...

Ожидание любимого – вот истинная цель женщины, готовой в любой момент зачать от него плод, вынашивая его целых девять месяцев. И на это у неё уходит великое терпение: скоро ей быть матерью, и от этого женщина необыкновенно расцветает. В этом – предназначение женской природы, и женщина, с каждым днём, становится ещё более прекрасной. В ней просыпается нега и изящество, она сама в себе этого раньше не наблюдала, и вместе с будущим ребёнком женщина хорошеет, становясь матерью, а любовь её теперь целиком направлена на весь мир. Но при этом женщина естественна в этом устремлении, она – сама природа, основа всего сущего.

Оттого женщина всегда уравновешенна, незлобива и покойна. Даже в утробе матери девочка ведёт себя тише мальчишки, ей слаще пребывать во снах или мечтаниях. Ей хорошо просто по той причине, что она есть: этого вполне достаточно для полного довольства. Природе выгодно оберегать женщину любой ценой, и она заботится о её покое: вот почему женщина живёт гораздо дольше мужчины, её жизненное начало мощнее.

А раз женщина природе наиболее важна, то она наделяет её и решительностью, какой позавидуют мужчины. Если женщина отдаёт своё сердце какому-то мужчине, она готова идти за ним на край света, и её ничто не остановит. И тут трудности – не помеха, потому как женщина чиста в своих помыслах, если любит, она – целомудренна во всём, чему доверяет.

В общем-то, женщина – гораздо сильнее мужчины, именно она по-настоящему духовное существо, преисполненное любви и добра, и мужчине следовало бы многому научиться у женщины. Например, её умению любить и терпеть, быть нежной и чуткой, проявляя истинную добродетель. А разве сравнится мужчина с женщиной в её интуиции?

Вряд ли... Никому из мужчин не стоять рядом с ней в той проникновенной чуткости, что она порой проявляет! А если кому-то и суждено первому войти в Царствие Божие, то это, непременно, будет женщина.

«B3OP»

Ничто так не влияет на мужчину, как томный женский взор: в душе от него пробуждаются неясные сладостные думы. Ведь на красоту, как и на солнце, не всякий во все глаза взглянуть сможет, и тотчас опускает их, точно обжѣгшись... Видит, говорят, око, да зуб неймѣт.

Нет ничего более не выносимого для мужчины, когда женщина мельком взглядом окинет, да тут же покинет. Кому-то только перстом поведѣт, а случается, что во все глаза глянет – и опалит. Есть в них свой внутренний огонь и яростная лучезарность.

Свет женских глаз – это какое-то тончайшее солнечное вещество, разливаемое женщиной повсюду. Отсветы горящего и никогда не затухающего внутри неё пламени: глубоко сокрытого, таинственного и чарующего...

Свет в её глазах настаѣт, когда женщина вместе с солнцем поутру поднимается. Расцветает, радуется, заигрывает со всем, что её окружает. Только в эту пору взгляд женщины сияет, сладостный же блеск появляется к вечеру. Что может быть его краше?!

Взглянешь в такие глаза – и ахнешь. А как сама женщина на тебя поглядит – тотчас околдует. Бог ей, видно, света волшебного в очи влил, и нисколько не отнял.

Радуется женщина своему светлому счастью, и другим поверить в него помогает. У любого мужчины от него глаза тоже светиться начинают, так что ни слѣзы, ни чад их не берут. Даже старики, у которых и силы-то никакой нет, в глаза такой женщины лезут.

«Светы вы мои!» - в восхищённом изумлении восклицает мужчина, встречаясь с взглядом любимой женщины. А потом нежно и трепетно, в сковывающем страхе потерять: «Светик ты мой, светушка, ласковая приметушка!» Не зря говорят: «Где мило, тут и светлые глаза».

У доброй женщины – на всё светлый взгляд и светлые помыслы. От таких глаз ни порчи не бывает, ни сглазу. Если голосом она песни поѣт, руками пряжу прядѣт, а ночами дитя качает, то глазами ясными ей и гусей пасти сподручно: хороша очами, праведна делами.

Горит в сердце женщины этот светильник всегда, и озаряет всех своим светлым взором. Как сказочный цвет папоротника в Иванову ночь, вспыхивает он в руках над кладом и не гаснет. Глаза женщины – словно светозарный источник: блѣстки от солнца в нём слезинками янтарными играют, мягко перекачиваются.

Смотрит женщина и, кажется, сама никак не насытится своим светлым зрением. Ровно богатство необозримое перебирает: пересыпает каменья драгоценные, любитесь алмазами да жемчугами. Много их у неё, и каждый надлежит обласкать, слегка к нему прикоснувшись: они от того заиграют ещё веселей, женщине же – неопишущая радость!

Женщина только взглянет одним глазком, а уже одарит праздником. Такие глаза теплом ласкают, заботой говорят и сердцем слушают. В глазах женщины душа её не перестаёт внимать мужчине и желает любить его жадно. Как чудно создан этот внутренний женский свет!

Золотом ли, серебром одарит женщина, - не откупиться тогда уже ни за что. Глядеть женщине в глаза – значит, выразить своё повинование. И хоть не забывают в людях повторять: чёрный глаз, карий глаз, минуи нас, темноглазая глубина женщины тоже своё берёт.

В неё, кажется, прокрадываются неслышной поступью дикие звери, вскрикивают неведомые птицы, а тьма всё налегает. Кромешный ад и преисподняя чудятся в этой бездонной темноте, но прежде стоит свет, потом уж темень. Он как будто освещает эту необъяснимую бездну, полнит её духом жарких любовных дерзновений.

Тьма в женском взоре – потёмки для слепого; тот же, кто несёт в сердце солнце – увидит в нём правду. Потаённой свечой горит она, сиянье трепетное излучая, так что не всякий его узреет. Тёмная ноченька в женских очах – свету белому покорна.

Тёмный взгляд играет матовым сиянием и, взлетая чарующим венцом к соболиным бровям, не угасает. Изредка в нём вспыхивает сладость неясных женских заверений... Но что в этой темноте ожидает мужчину – никто не знает: грех или спасение в безусловной любви?

Сама женская душа темна, но всё в ней манит и пьянит одним напоминанием о себе, словно налитое и выпитое впотьмах вино. И не страшно тогда беснование тёмных сил, что, кажется, в беспутном отчаянии влекут тебя на дно глубокого колодца, где меркнет свет и исчезают добрые силы.

Темнота женских глаз туманит дух, и всё же ты смотришься в них. В волнении пытаешься различить добрую надежду, чтобы душа женщины оставила свою темницу и вырвалась на волю, а у тебя бы на сердце опять стало хорошо и покойно. Глубинная неисчерпаемость женских глаз при этом остаётся непостижимой...

Тиха вода в женском взоре, да омуты глубоки. Но чем надёжней хоронится к жизни семя, тем лучше уродится. Сполна испить любовь поможет мужчине эта душевная женская необъятность.

Беспредельная на добро душа женщины видна в проистекающей из её глубины печали, в беспрестанных заботах и думах о близких. Но от всякой печали Бог избавляет, если к Нему и людям с милостью обращаться. Так живёт женщина в ожидании своего счастья, и оттого в глазах её видишь не тёмную тоску, а радость светлого излучения, что захватывает тебя бездонной чистотой, озаряя ясностью красок.

Зелёные, карие, синие и голубые очи – все они повергают в женщине своей красотой: иных цветов глаза её не изливают. Пропуская через себя окружающий свет, они, как воздух, голубеют и светятся восторженной надеждой, а устремляясь в небеса – синеют томной бирюзой. Наполненные

соком жизни листья и трава взгляд зеленят, карим же делает его терпение. Со всего света не собрать столько цвету, сколько таит в себе женский взор.

Зелёные глаза – что снадобье знахарки, лекарство верное и в тоже время яд, отравы... Испив его, становишься беспутным в своих чувствах, а зелье приворотное дурит, не отпускает. Ты сам не свой, как будто настиг тебя гиблый сон, навалился на плечи сладостным дурманом, и нет сил от него спастись.

Да ты даже и не мыслишь бежать от этих глаз, пьёшь жадными глотками лихое зелье, и, кажется, всё тебе мало. О смерти не помышляешь, и старым, веришь, никогда не будешь, а между тем, зелёные глаза – могила. Смотришь в них без оглядки – и будущей жизни не видишь. Вся она принадлежит зелёноглазой хозяйке.

Зелёные глаза, должно быть, имеет рысь – лесная дикая кошка. Роковой женщиной взирает она на тебя, и забирает душу. Не переставая вглядываться в эти глаза, утопаешь в их зелёном море и не пытаешься выплыть. Ты – пленник, повергнутый зелёной красой, и жаждущий её необычайно сладостной несвободы.

Зелёные глаза – очаровательная усталость зрелой листвы, роскошь изумрудных трав и дивных снов, вошедших в твою душу. Нет обаятельнее цвета, которым бы хотелось восхищаться, и разве понимаешь, за что ты его раб?! Наверное, зелёные глаза сводят с ума любого мужчину именно из-за своей непостижимости. Отчего они так притягивают, должно быть, никто не знает.

Зелёное вино женских глаз, как зелье, незаметно сшибает с ног, и ты не постигаешь его вкуса: однажды он почудится вдруг горче полыни... Потом недоумеваешь: зелень эта, оказывается, состояние молодое! Перекипеть им следует как можно раньше, а уж затем тянуться к поднебесным лазоревым высям.

Но глаза, всё же, очаровывают своим зеленым цветом, и забываешь, что цвет этот родился в сине-жёлтом слиянии. Нет в нём незрелости, как нет и плода. Только помутнение и обезоруживающая красота. И ещё боязнь, что не постигнешь ты его никогда, или не будешь им обладать. Утратить колдовскую зелень представляется невыносимым.

А если, всё-таки, попытаться обрести в глазах любимой женщины лазурь? Такую проникновенную, когда звездистой ночью, в марте, небо, выгибаясь, кажется, стремится лопнуть от мороза, и залить всё светлой синевой. Увидеть этот цвет в женском взоре не менее радостно, чем зелёный.

Синий цвет в природе смягчает яркость окружающего солнечного света, а в глазах женщины он копит пронзительную содержательность и густоту. Купаться в этой синеве возможно только взглядом, потому что она воздушна, и так замечательно близка безбрежности морской стихии...

Синь моря, действительно, всеохватное состояние. Как и женская душа, она пугается ограничений. Нет ничего лучше, чем парить в ней всегда.

В синеве, может быть, более, чем в других цветах, уютнее всего жить. Божественная мозаика её оттенков мягко подпирает небесный свод, и так же ненавязчиво отражается в водной тишине. Синий цвет, в первую очередь, наполняет женский взгляд, потому как ему в нём свободно и легко.

Женская душа красит в синий цвет глаза, чтобы мужчины восхищались их красотой. Гляделись бы и любили тёмно-синюю доброту, её небесную бесконечность и покой. Упивались бархатистостью лазоревого крыла, словно снизошедшего свыше и нежно прикасающегося ко всему живому. Как это происходит, когда завидишь в выстуженном небе нежное лазоревое облачко, и воспылаешь трепетной любовью к этой сказочной синеве.

Что за свойства души скрывает в женщине этот морозный, мягко отзывающийся в сердце цвет?! Несмотря на видимый холод, обжигающей колкости в нём нет, всё больше - радостная неприступность, глубокое осознание внутреннего чуда-света...

Даже отношения мужчины с женщиной оказываются более проникнуты именно синим цветом, а не каким-нибудь иным. Его глубина предполагает благоухающий букет подаренных им ей колокольчиков, васильков и сирени. Сами же глаза женщины будто выплывают льняной венком: неброский, но такой трепетный и нежный. Синь женского взгляда, скорее, луговая, нежели небесная.

Словно скромная синица, взлетает синева из-под густых девичьих ресниц, и так же скромно ниспадает. Красота её прекрасна и тиха, вся она – покорное ожидание своего счастья. В этом ожидании любви синева постепенно перетекает в нежный голубой цвет, и так рождается иное, более проникновенное отношение к жизни.

«Не под стать синему кафтану голубой подбой», - говорили раньше в народе. Так и глаза: несмотря на внутреннюю схожесть, им суждено было жить отдельно. Что-то неуловимое прокрадывалось в их одинаковую проникновенность, и голубые глаза воспринимали окружающий мир не так, как синие.

Голубой цвет, наверное, оказывался более мечтательным, и в невзрачности обыденной жизни, того, что давно могло наскучить, с его помощью можно было увидеть несуществующее, но прекрасное. Это могла быть голубая лошадь, на деле остающаяся пепельной, или голубой песок, который, в лучшем случае, отличался серебристостью. Так чутко вглядывались в жизнь, и восхищённо любили её голубые женские глаза.

Изливая всю, накопленную в себе, нежность, глаза голубились восторженной надеждой, и представлялись себе самыми восприимчивыми, живыми. В них угадывались можжевелевая терпкость матово-голубоватых ягод и чуть ощутимая апрельская поволока, скрывающая в небесах трогательную бездонность. Всё, чего глаза желали, - раствориться в чьём-либо равнодушном сердце и остаться там навсегда. Им было не занимать чистоты и ласки, приветствуя самого милого для себя человека. Отсюда повелось: взглянуть, что приголубить.

С карими и чёрными глазами в женщине почему-то больше связывали беду, нежели радость. «Чёрный глаз, карий глаз – минуй нас!» - часто можно было слышать среди людей. И если женщина выплакивала, то непременно карие очи.

Чёрные глаза слыли самыми таинственными и загадочными: в них пугала темнота, что была темнее ночи. Чёрным взглядом можно было укротить любую нечистую силу, и только им наводили на неугодных людей лютую хворобу. В некоторых глазах чернота была сродни слепоте, потому, что в них, по народному поверью, светилась чёрная зависть.

Поначалу глубина чёрных глаз рождает в сердце неприкаянность, какую-то неизъяснимую тоску. Но обойтись без неё уже почти невыносимо, а бежать – нет сил. Безотчётно летишь в чернь этой ямы: так глубоко глаза своими чарами.

И разве вразумят тебя слова: «Из черни выйдешь – вряд ли от неё очистишься». Если, при этом, ещё останешься в живых, и не сгоришь в жестоком пламени любви! Чернота глаз сильна и необъятна.

Иногда она замирает в женской душе выпуклым лошадиным взглядом – вот-вот встрепенётся и понесёт. А то вдруг затуманится неутолимой томностью: вроде, как обещает открыть свою самую сокровенную тайну, но не открывает. В такой тайне чудится бездонная пропасть, и пока в неё не окунёшься – не успокоишься.

Конечно, с чистотой и прозрачностью женских глаз на ум, всё больше, приходят цвета весёлые, радужные, но хороши по-своему и чёрные очи. И хоть говорят: «Горе мне с вами, с карими глазами», но в них есть своя красота.

Бывает, в темноте женских глаз почувится задор. И тотчас забываются опаска и увещевания знающей бабки, что черница счастья не принесёт. Ликующая смоль ещё более пьянит, всякая болезнь спадает с души, и даже забываешь синий с голубым цвета.

Перед собой видишь только сладкий чернослив... С матовой, упругой кожицей и дивной мякотью плода. Это – фруктовый взвар долгожданной близости с женщиной, в которую влюблён.

А что серые глаза? Как этот цвет вбирает мужская душа, что думает при этом и чем горит? Взывает ли сероглазье к любовному безумству, или позволяет жить в ладу с самим собой?

Наверное, серые глаза, скорее, пепел, чем огонь. Остывшее настроение, наступившее, наконец-то, отдохновение от былых переживаний. И хочется им страстно любить, а сил уже нет: они растрочены в сине-голубом пылу былого.

Оттенки серого цвета различны: буро-серый, что некрашеное сукно; темновато-пегий – угадывается в лошадиной масти или обыкновенной печной золе; железистый, сивый – близкий к чему-то неудержимому и дикому. Цвет как будто непригляден, в связи с чем бы его не связывали: если это серая бумага, то самая простая, низкого качества и грязноватого цвета;

если нитки, то неотбеленные, суровые; серая погода всегда оказывается пасмурной; серый же человек – это выходец из грубых неграмотных работяг, словом, лапотник.

Но хоть мыло серо, говорят, да моет бело. Серое остаётся всегда серым только для того, кто ничего о жизни не ведаёт и не желает знать. Вот и всем известное прозвище «сероглазка» - звучит, пожалуй, трогательно и мягко, нежели обыденно.

И действительно, серый цвет в женских глазах источает для мужчины невиданную им ранее благодать и покой. Цвет притих после страшной любовной бури, разыгравшейся когда-то, и уже не мечтает о прежней страсти, а лишь жаждет долгожданного успокоения. Теперь хозяйка серых глаз – нежная голубка с приятным, тёплым взором, впрочем, далёкая от состояния полного довольства и улады. Все прихоти и чувственные наслаждения соизмеримы с её умудрённой любовью душой.

Нахождение рядом с сероглазой женщиной приятно убажывает дух мужчины. Он видит в ней добрые надежды и дорогие сердцу заверения в любви. От серых глаз мужчина готов услышать всё, с чем угодно обратиться к нему их обладательнице.

Мужчина холит женщину с серыми глазами, и в упоении вбирает её тепло. Известно: где тепло, тут и добро. Сам Бог тогда в этом доме живёт, и руки свои греет.

Во взоре женщины, каким бы цветом глаз она не обладала, всегда угадывается её душа. Вся драгоценность и богатство доброй жизни, ниспосланное ей небом на радость людям. В нём - обилие самых невообразимых даров, что остаются для мужчины и искушением, и благом.

Топазы, жемчуга и рубины вспыхивают в женском взоре желанными огнями, но жадному, да глупому человеку – не в помощь это драгоценное великолепие. Жить с женщиной, что творит душевное богатство - суждено достойному её мужчине: тогда родится в его доме мудрость. И чёрт детей его не укачает, и чёрных денег ему не накуёт. Глядясь в глаза своей жены – муж её хвалит, а мать родную величает.

Ещё смотреться в женские глаза – значит, увидеть собственное отражение, а в нём – познать себя для лучшей жизни, воспылав к ней только добрыми чувствами. Взор женщины в любом мужчине пробудит совесть, и тогда глаза его тоже наполнятся светом.

«АПОМАТ»

Ни волшебный фимиам, ни пряный запах янтарной смолы, ни благовонный дух и душистость ладана, или ещё какие-либо чудесные снадобья не идут на ум при выражении в женщине её самой сокровенной сути: она заключена в аромате. В нём – вся тайна и глубина, очарование ещё не раскрытой волшебной жизни. Аромат – это высшая степень женской любви, ласки и милосердия, соединение дорогих её сердцу добродетелей.

Источать аромат для женщины – значит жить, и делает она это удивительно великодушно. Женщина своим присутствием словно растворяет воздух, привнося в него нечто небывалое. Она наделяет ароматом всех, кто находится рядом, и сводит с ума мужчин.

Как описать его, и что значит – пахнуть женщиной? С чем это сравнимо, и может ли быть что-либо приятней? Что, вообще, в женщине слагает, наконец, её аромат?!

Может быть, это – воздух, проникнутый ласковым трепетом листвы, плодов и солнечных лучей? В нём утопают шёпот её губ, запах волос, лёгкие движения руки. Воздух колышется, тает и поёт, когда женщина в нём находится, он, словно, радуется её присутствию. Вдохнуть его – значит воспарить, но улетать не хочется.

Можно отдаться этому воздуху, мечтая и наслаждаясь, жить им. Правда, вдоволь им не надышишься, как и не наполнишь сердце святыми словами. И всё же, аромат женщины легковесней воздуха, прозрачней, чище: он представляется совсем неуловимым.

Аромат женщины – это вечный праздник для мужчины, он преисполнен божественности. Кажется, все запахи на земле рождены только для женщины, и они постепенно перевоплощаются в её аромат. Мужчина без усталости совершает в своей душе восторженные обряды поклонения ему, и в знак признательности – Богу, за Его неоценимый подарок.

Господь Бог, наверное, и медовую росу на землю для женщины кропит, и её жемчужные капли напоминают женские слёзы. После них остаётся еле уловимая пряность, как и от омытых чудесной влагой трав, что полнят воздух пахучей чистотой: трав драгоценных, густых, загадочно шелестящих своей изумрудной кожицей.

Слышно иногда, как такая трава в девушке растёт, тихо шелестит и ласково замирает. Пока она подрастёт, воды немало утечёт, но аромат останется. Неслышно замерев в стройном стебельке, и терпеливо ожидая своего сокровенного часа, он станет даже ещё утончённее, краше.

Аромат могут передать женщине листья сирени, незаметно касающиеся её локтей, предплечий, мочки уха. Женщина сразу успокоится от этих прикосновений, и почувствует вдруг, как в неё входит что-то чудесное, такое сладкое и неизбывное. Почувствует, но сказать ничего не решится.

Погрузив лицо в сиреневый пряный дым, она будет стоять так долго, и ничто не сможет её потревожить. Вместе с цветом сиреневого куста в женщину войдёт его лиловый запах: смесь чудных ароматов, светло-фиолетовый покой.

Наверное, ей передастся и приятная прохлада тех бархатистых редкостных лепестков, отыскав которые в букете – любой обретает счастье. Словно махровым тёплым светом вдруг облепит её трепетное сердце, и занемет оно в сладостной истоме. Мужчине, если он окажется рядом, почудится, что в отличие от сирени женщина пахнет как-то особо.

Осенью своим ароматом, женщина благословляет мужчину невидимым крестом на понимание им её нетленной божественной сути. Она – дерево, дающее в жаркий полдень спасительную и прохладную тень. Дерево благоухает, не иссякая, запах его течёт над землёй и не истаивает. Он только изредка куда-то уносится, одаривая всех, и, конечно, возвращается. Постепенно свыкнувшись с ним, перестаёшь его замечать, но он всё равно живёт в тебе и будит воображение.

Более всего запоминается в женщине её ароматная чистота, что удивительно приятна на вкус и ощупь. Она сравнима лишь с укромной тенистой прохладой, когда ни холодно, ни жарко, лёгкий ветерок слегка касается твоего лица – и миг пропадает. Но ты знаешь, что он есть, и от сознания этого на душе становится легко и свободно.

Томность полуденного сладкого зноя для женщины, наверное, тяжела: она пахнет утренним пробуждением и желанием выпить день до капли. Желание жить в довольстве, с обилием радостного света и счастья пронизывает всё её существо. Жар влюблённой в жизнь души, кажется, сгубит женщину, но спасает её внутренняя свежесть, что затаивается до первого дуновения воздуха, и вместе с ним вновь воскресает.

Вот и робкий ветерок, словно будит и подгоняет аромат женщины. Не даёт ему угаснуть надолго, ласково обдавая своей любовью. А ещё укрепляет в женщине дух чистоты и света, стремление через всё земное к небесному. Кротостью полнится тогда её дыхание, тело напрягается в любовной истоме, и губы влажнеют в предвкушении желанных поцелуев.

Какие только блага не приносит женщина, благоухая, и аромат её не есть что-то законченное – он полон самых незабываемых, то и дело сменяющих друг друга оттенков, тончайших переливов и дуновений. Ещё минуту назад не было ничего – и вдруг тебя обдаёт обворожительной свежестью: апельсиновой, персиковой, виноградной... И ещё – мякотью дыни, арбуза, папайи, сладостью каких-то диковинных фруктов.

Дерево даёт людям плод для наслаждения, женщина же беременна своими необыкновенными ароматными прикосновениями. Их будят к жизни всё те же чудесные кокосы и мандарины, бананы и ананасы. Весь этот благословенный сад кружит голову, возносит к дивным мечтам, превращая жизнь в цветущий сон. Недаром говорят: «По дереву и плод».

Кожа женщины и её волосы, несомненно, обладают способностью впитывать в себя окружающие запахи, может быть, самые восхитительные из них. Женщина непроизвольно думает об этом, переживает в себе, и тогда происходит невидимое таинство перевоплощения: вся одурманивающая красота природы переливается в её члены. Женщина становится богиней.

Губы её твердеют, наливаясь вишневым соком, ушки становятся прозрачными и нежными, как апельсиновые дольки, и кожа на щеках начинает золотиться персиковым пушком. Полуоткрытый рот зачарованно поблескивает влажными зубками – будто это гранатовые ядрышки, которыми хочется только любоваться, а не есть. Пальчики на руках и ногах – сладкие виноградинки, что осторожно берёшь губами на прикус: благословенный сок брызгает в небо, освежает гортань, и хочется пить этот сок, не уставая... Оголившиеся соски – как смоквы, запёкшиеся на солнце. Стройные лодыжки подобны двум вытянувшимся хрустальным бокалам с мякотью плодов авокадо.

И всё это блаженство проникнуто фруктовым духом, омыто душистой сладостью, что многих мужчин повергает в упоительное безумство. От источаемого женщиной аромата в мужчине наступает состояние полного довольства и улада. Женщине нравится жить в этой роскоши и неге, где все прихоти её исполняются, а к услугам – непередаваемо чувственные наслаждения. Желаете холить и лелеять её, не переставая, отчего опять охватывает какое-то удивительное упоение и забытьё.

Избежать женской неги невозможно, да к этому и не стремишься. Не рассчитав сил, поначалу опьянеешь от неё, зато уж после пьёшь маленькими глотками, и стараешься не расплескать ни капли. Каждая душистая капелька – еле уловимый радостный аромат.

Пьянит женщина своим ароматом, словно виноградная лоза, взлелеянная солнечными дождями и теплом земли, дарящей дурманящее вино. Мужчины выжимают из чудесных даров земли волшебные напитки, и угощают ими женщин: те полнятся изысканным весельем и добром. Кюммель, сакэ и арманьяк, шартрез, шампанское и красное сухое – всем этим огонькам любви, растапливающим жар женского сердца, нет числа.

Все мужчины, независимо от языка, знали толк в плодах земли: это и тонкое великолепие белого вина, и крепчайший ром из перебродившей патоки тростника, и сказочное переплетение вкусовых несоразмерностей крюшона, и смесь пахучего тумана, терпкости плодов и пряных трав в будоражащем кровь глинтвейне... Вся эта сладость околдовывающих ароматных сплетений просто повергают, и в женской душе от них буйствует смешение самых удивительных волнений.

Само понятие «аромат» произошло от греческого слова «корень», подразумевающего свой запах с приятным вкусом. Именно на нём настоян солнечный напиток, он дарит женщине глоток пахучей пряности, вливающий в неё любовь. Мужчине хочется быть обласканным этим ароматом всегда.

Но полнить женский аромат собою мужчинам не под силу. Они только наслаждаются им, тешат собственную душу, тело и гордость. Женщина сама его в себе копит, однажды впитав с молоком матери. С её руками и лаской, теплом всех тех женщин, что жили до неё.

Словно в молоке женщина и омывается, становясь нежной и белой, такой желанной. Пахнет тогда от женщины ребёнком, его только что

народившейся душистой кожей, розовыми ножками и ушками. И ещё – первозданной чистотой, не осквернённой множеством мужских пороков.

Обычно запах отождествляется у человека с теми предметами, которым он свойственен: абстрактные же представления о запахах у него отсутствуют. Принято говорить о запахе розы, мармелада или ... женщины. Последнее, может быть, покажется спорным, но только не для тех мужчин, что хотя бы однажды его ощутили.

И, конечно, безнадежно утонули в запахе женщины, сами того втайне желая. Нисколько не противясь и не сожалея о том, мужчины стали его добровольными и преданными рабами, готовыми, ради него, на любые жертвы. Что возомнили они о себе, когда окунулись в освежающие волны женского аромата?!

Причислили только на свой счёт, бравируя своим, якобы, неповторимым жизненным опытом, как это водится за мужчинами? Или покорно признали непревзойдённое главенство женщины, поблагодарив её за произошедшую с ними необыкновенную перемену? Но аромат женщины, что ни от кого не зависит, захватывает мужчин в дурманящее головокружение, и ввергает их в непостижимость сладкой бездны, где позабыть себя нетрудно, ещё более невероятным представляется выплыть.

Да разве думает кто-нибудь из мужчин оставить аромат любви, не в силах преодолеть его чарующие волны?! Скрытое душистое течение несёт тебя к великому прибою, даря все прелести и радость обладания им, и волшебный плеск нежнейших чувственных переливов до краёв полнит твою душу. Как необъятен этот вселенский аромат, что живёт в каждой капельке, стекает по щеке к губам и питает нескончаемую страсть любви!

Влюблённому мужчине свойственно окрашивать воспринимаемый от женщины запах своими эмоциональными впечатлениями. Наверное, поэтому изливаемый женщиной аромат несёт в себе не один-два запаха, а целый букет. Раздолье мужского разгорячённого воображения, впрочем, недалёкого от истины. Истина же такова, что настоящая женщина – это виноградная лоза, впитывающая солнечный свет точно так же, как неборимая и не всегда заметная сила земли гонит к её корням свой живительный сок.

Женщина собирает на ней ещё и цветы. Она любит ими, сливаясь во взгляде, и лелеет в своей душе. Ветерок разносит повсюду дыхание цветов, и женщина непременно улавливает его. Это для неё род излюбленного лакомства, без которого она не в силах оставаться женщиной.

Женщина смотрит на мир анютиными глазками, что слетают к её ногам бархатистыми бабочками. Ласковым взором опалят – ровно прикоснутся, и ещё как будто овеют скрытой красотой земли. Вроде, зовут к себе, обещая и надежду, и удивление, и лёгкую печаль.

Анютины глазки – это её игривое и доброе настроение, если что и скрывающее, то не навсегда. Так, позабавят свою молодую душу, ничем худым не запятнанную, и улыбнутся. Мило, по-хорошему, открыто. Любые причуды за то женщине простишь и в душе приласкаешь. Потом опустишься

на колени, тронешь слегка нежный лепесток и ощутишь еле уловимый запах... Это цветок тебе ответил своей заботой. Так и женщина, впитав цветочную красу, распространяет вокруг себя непревзойдённый аромат.

Вот и потаённая нежность маленькой лесной гвоздики сродни прикосновению девичьих губ или взмаху ресниц, в мгновение вспорхнувших и вернувшихся к своему покою. Цветы так же неожиданно вспыхивают в траве, обдавая тебя своей восхитительной невинностью. У неё, конечно, тоже есть запах, вернее, еле уловимый аромат, и он становится присущ молодым девушкам, что составляют из них для себя маленькие букеты.

Полевые васильки переливаются в глаза женщины, наполняя их небесной густотой. Женщина откинется в траве, подставив лицо солнцу, щедро разбросит руки, готовая обнять все цветы, и медленно впитает аромат, сама того не замечая. Жар солнца и трепетная приподнятость цветка войдут в неё благословенным теплом, и выйдут в очах синевой. Она причислит это счастье только небу, и будет теревить махровые лепестки цветка в руках, чему-то улыбаясь... Цветок тогда отдаст всего себя, а женщина почувствует всё это, поднесёт его к губам и поцелует.

Белая лилия – что таинственная женская душа: большую часть жизни прячется, скрывает свою красоту, а потом как откроется... Хорошо ей жить в укромном покое реки или какого-нибудь озера, где она время от времени красуется собой, ловя зеркальное отражение. Нежные округлые листья бережно поддерживают её головку, кружат тихонько среди сочной глади воды.

Вот между ними бесшумно продвигается лодка, а на корме её, опустив руку в воду, и спокойно заглядывая в глубину, полулежит девушка. Кажется, она ни о чём не думает, и только следит за лёгкими струями и тем, что происходит на дне. Изредка рука её перебирает подводные толстые стебли, на которых крепятся волшебные кувшинки, и тогда как будто невидимые пальцы касаются её лица и завораживают своей душистой сыростью.

Ощущение это так ненавязчиво и приятно, что хочется, чтобы река не кончалась, и день этот плыл так же спокойно, размеренно до бесконечности, и прохладное дыхание цветка не оставляло девушку. И так было, и девушка не заметила, как это дыхание пропитало её волосы, кожу и платье. А потом, вечером, в беседке, её обнимал красивый молодой человек, клялся в любви и умирал от сонного дурмана сирени, летней ночи, восторженной песни соловья и какого-то необъяснимо тонкого, еле уловимого аромата, исходящего от его любимой.

Иногда влюблённая женщина встречает своего мужчину ароматами мяты... Всё в её доме проникнуто этой пряной свежестью, которая сразу создаёт доброе настроение. Вдыхая мятные запахи, разгорячённое сердце мужчины легко успокаивается: не сыщешь, наверное, аромата душистее и чище!

Хоть и неприметные у мяты цветочки, а по запаху их не спутать ни с чем. Стоит только к женщине прикоснуться губами за мочкой уха или

поцеловать её в уголок рта, как обдаст тебя чудесным благоуханием. Приятный холодок пробежит по всему телу, где-нибудь замрёт и не отпустит: долго потом несёшь его в себе. Когда же окажешься ты с женщиной в разлуке, то положи украдкой мятную веточку под подушку, и во сне твоя возлюбленная непременно тебе улыбнётся.

Рано или поздно женщина придёт и наяву, если ты терпеливо и достойно её дождался. Покровительница лугов, рек, родников и мужских сердец. Там, где она живёт, воздух всегда прозрачен и чист, и хочется жить долго, и так же великодушно дарить людям радость и ясный ум. И даже если ты устал и не можешь угадать своего пути, женственный аромат мяты возвратит тебе силы, и ты сохранишь крепость своей души.

А жасмин?! От одного этого слова сразу бросает в приятную дрожь: чарующую, жгучую и такую неземную.

Дух перехватывает от аромата, что источает благоухающий жасминовый куст где-нибудь в середине туманной июльской ночи. Дом спит, окна растворены в сад, и стоит такая тишина, что слышно, как дышит каждый листик. Лёгкий шепоток листы создаёт какое-то невидимое движение воздуха, что ничуть не мешает, и даже приятно.

Но шорох этот перебивают настырные волны, исходящие от жасмина, замершего там, в самом углу сада, у покосившегося серого забора. Волны покачавы мягко проникают в сонную темноту комнаты, и так же потаённо закрадываются под кровать, на которой раскинулась в белых простынях молодая женщина. Может быть, жасмин пахнет ей этой ночью о том прекрасном, чего ещё не было в её жизни и только будет...

Женщина вдыхает его аромат и радуется во сне своему обрётённому счастью: наконец-то, и у неё появилось что-то необыкновенное, то, что можно беречь, любить и не терять. Большим жасминовым кустом вырастает в ней красота, и она забывает о том, что счастья у неё до этого не было. Проснувшись, женщина не сразу понимает, что произошло, долго лежит с открытыми глазами и счастливо чему-то улыбается.

Руки её в чувствах сжимают под подбородком накрахмаленную простыню, в которую она прячет губы, как в снег жасмина. Женщина не думает о том, как долго продлится это счастье, и, конечно, не помнит, что, распутившись около полуночи, цветы жасмина благоухают только до рассвета. Она даже и не помышляет об опавших нежных лепестках, что разбудил её чудесные сновидения, напитав ароматом душистой летней ночи.

Так же потаённо хранят свой аромат и розы, и только когда уже не в силах сдержат накопившееся в себе торжество, сладострастно изливают его вокруг. Красные, розовые, белые или жёлтые, они бывают ещё оранжевые и сиреневые, такие же изменчивые, как женщины, и прекрасные. Из всех цветов женщины любят их больше всего, и самозабвенно им поклоняются.

Женщин не пугают многочисленные, очень колкие шипы и жёсткие листья розы, на которые, обычно, никто не обращает внимания. Важен сам бутон, его неустанно льющийся аромат, что хочется вдыхать вечно.

Женщина никогда не устанет этого делать, и лучше умрёт в благоухающем довольстве, чем откажется от него.

Бутоны слагают удивительно нежные лепестки, прикосновение которых так приятно и шелковисто. Пока роза свежая, это ощущается только взглядом. Потом, когда роза от усталости замкнётся в себе, молодые девушки кладут её на ладонь и, склонившись над затихшим цветком, начинают бережно его разглядывать...

Тонкими и такими же нежными пальцами они отделяют каждый лепесток, зачарованно притрагиваются к нему, и в душе благоговеют. Совсем не хочется терять им эту свернувшуюся лодочкой укромную трогательность цветка, и девушки складывают свои ладошки в розовый бутон, и слегка касаются его щекою. Им тогда чудится, что роза ещё жива, и они даже не замечают, как постепенно истаивает её аромат. Роза дарит его для них и ничего не просит взамен, а девушки незаметно для себя хорошеют. Мужчины, наверное, подглядели это маленькое волшебство, и не перестают восхищаться женщин новыми цветами.

Еле уловимыми облачками любовной грусти овеваны белоснежные хризантемы... Скорее, женщина дарит их себе сама, так ей больше нравится воспринимать эти цветы. Покупает почти неслышно пахнувший и трепетный букет, осторожно прижимая к груди, несёт его с собой и, конечно, заболевает этой восхитительной грустью. Вернее, грусть приятно продолжается в женщине вместе с цветами, помогая постепенно родиться в её душе чему-то очень важному и дорогому.

Женщина уже немолода, но не устала ждать своего счастья. Она немало повидала, и это никак не повлияло на её живое восприятие жизни. Женщина только почувствовала себя мудрее и глубже, и те цветы, что она раньше не замечала, стали её любимыми. Как эти хризантемы, в чьих легковесных корзиночках покоится такая же воздушная и трогательная тайна.

Женщина придёт домой, и прежде поставит в вазу цветы, найдя им именно их место. Хризантемы покорно затихнут, распуская вокруг свои суховато-белые пряные думы, и станут чего-то ждать. А женщина будет тихонько переделывать свои обыкновенные заботы, привнося в них ей одной известный смысл и уют.

Взгляд её при этом не раз коснётся их терпеливо замершей позы, и она чему-то тихо улыбнётся про себя и ненароком опять взглянет на их припорошенные печалью лица. Цветы заметят обращённое к ним внимание, чуть-чуть встрепенутся, и в комнате станет ещё более уютно. Они, наверное, даже попытаются затеять с женщиной любовную игру...

Видеть её мужчине не суждено – он только потом встречает уже исполненную покоем женщину. Благодаря хризантемам она обрела его, и если мужчина угадает их аромат, то непременно преподнесёт ей в подарок умиротворённые розы. Женщина тогда ответит ему любовью.

Есть женщины, что большинством мужчин остаются непоняты, и, тем не менее, они неустанно радуют собой их взоры. В них нет известной

роскоши и пыла, игривой весёлости и красы, а только тихая таинственная прелесть и скрытые чары, которые они сами не в силах разгадать. От этих женщин исходит аромат ландыша...

Невероятно, но он в них никогда не прекращается. Такой неназойливый, лёгкий, и в тоже время – устойчивый... Аромат что-то вещает и неотступно манит. Но встреча с ним всегда неожиданна, и происходит только тогда, когда ты совершил над собой усилие.

Жил ты, ничего не замечая, и вдруг захотелось тебе тайны. Не зная, что она может находиться рядом, приподнял однажды пушистую ветку дерева, над самой землёй, и онемел от увиденного... Словно лёгкий призрак, в тихом блаженстве, воскрес перед тобой дивный цветок.

От него пахнуло ароматным теплом и усладой, вмиг опьянило неведомым вином. Благоухающая струя воздуха ударила в голову и закружила. Как чудесная музыка, что сначала стесняет дыхание, а потом велит лететь: будто какой-то неистраченный огонь любви захватил и питает жар твоего неуёмного сердца, и всё не отпускает, унося в обворожительную волшебную даль.

Счастье тотчас охватывает тебя при виде этого скромного цветка. Не зря его свернувшиеся листья напоминают уши лани, а в трогательном имени слышится её девичья пора – ланка... Так и во встретившейся нежданно женщине распустится её очаровательное цветение, и почему-то не решишься его нарушить и сорвать: ландыш предпочитает робкое затворничество.

Лишь неунывающая незабудка в соседстве с ландышем чувствует себя даже более восторженно, и дольше живёт. Правда, если ты не поклонник этого непритязательного и лёгкого цветка, то долго носить в себе его еле уловимый аромат будешь не в силах: он скоро истаивает. Потом уже, словно одумавшись, постарайся не упустить возможность купить маленький букетик у какой-нибудь старушки, чтобы возратить утраченные приятные воспоминания. Однажды, тёплым майским днём, тебе вдруг неудержимо захочется неожиданной встречи с обладательницей душевной незабудки, но успокоят твоё сердце только милые цветы.

Впрочем, той же весной сердцу суждено быть не на шутку растревоженным душистой черёмухой... Эта женщина – разухабистая и белопенная, тёплая и живая. Всего в ней в достатке, а больше – приворотного зелья, от которого голова идёт кругом. Упаси Бог напиток её красою вволю – навек тогда в душе своей заплутаешь.

Но как не восторгнуться сердцу при виде её! Не невеста уже, а вся – в белом. Неимоверной чистотой окрыляют её белоснежные кружева. Раньше всех других расцветает такая женщина, но делает это не спеша, как будто желая убедиться: не опередил ли её кто в наряде?!

А уж причёскою и вовсе нет ей ровни: распустит свои пышные пряди – будто одеколоном обдаст! Манит тебя с головой окунуться в эти ароматные кудри, или белым теплом насладиться. Так пахнет только женщина-черёмуха, и описать её аромат невозможно.

Вскоре распушит ветви ещё одна обольстительница – мимолётная, шикарная, не без некоторого благородства... Она сама раскрывает в себе окно весной, и быстротечные дни её упоённо уплывают в блаженную даль. Никто из женщин с таким обаянием не проживает их, как это делает сирень...

Сирень благоухает в душе женщины в самую сладкую пору весны. Женщина может подарить её себе без мужчины, когда захочет, и лелеять ночами напролёт. Ночи эти такие тёплые, благосклонные к ней и её чувствам.

В чудный месяц май пробудились эти ошеломительные сиреневые переживания и, конечно, не желают умирать. Они даже не помышляют об этом, и только мечтают жить долго. И чтобы в них не было убивающей горечи или печали, а лишь восхищение, радость и покой.

Сирень дарит его женщине без всякой тревоги, вместе с белым цветом облаков, синим небом и золотистым солнцем. А ещё – смешавшись с бархатом летней ночи, её беспокойно мерцающими звёздами, всей тишиной, что распростёрлась над благоухающей землёю. Не идёт сон к женщине в такую ночь – душа её полнится сладостным ожиданием чего-то девственного и чистого, что принесут с собой первые лучи солнца, когда можно будет плыть вместе с ними над просыпающейся землёй. Дыхание женщины трепетно и душисто, горячие пухлые губы источают терпкий аромат... Нет ничего блаженней в этот миг слиться с ними в кротком поцелуе!

Ветви сирени грузно свисают в саду, чем-то неизъяснимым тревожат душу. Столько надежды, тепла и внутреннего света таится в каждом лиловом султানে, что в опьянении сиренью гадаешь: осыплет ли тебя дождём из лепестков какое-нибудь нежное создание?!

Появление в твоей жизни нежной незнакомки можно сравнить с божественным ароматом фиалки: вдыхая его – ты переживаешь ощущение полёта. Небесным провидением, видно, уготовано фиалке дивное благоухание и свет, что обронила однажды на землю дочь Зевса – Прозерпина...

Фиалка – символ неизбежности девичьих страстных сил, терпеливо копящихся в природе и выплеснутых весной. В имени её – великая нежность, изысканность и жаркий пыл. Фиалка – девушка, слегка вкусившая любовного напитка: с невинностью уже простилась, а броситься опрометью в водоворот любви – сладостная жуть!

Удивительные предания витают над ней, неясные видения и сладостные муки: как всё это превозмочь молодому, жаждущему любви сердцу?! Терпения набраться или священными запретами всё же пренебречь?! Недаром женщину-фиалку нарекают кроткой и застенчивой, скорее, скромной, чем роковой.

Божественный цветок безумно свят и в изъяснении своих чувств... Лишь изредка позволит себе сладкую игру, которую никто и не заметит. Так пленены все её нежным ароматом, что не теряет фиалка никогда.

Заложённая когда-то между страницами, давно иссохшая, она не перестаёт изливать горячий и пряный аромат своей былой юности. За вереницей бесконечно сладостных утех – её первый и последний любовник уже забыл подаренную ему фиалкой прелесть восприятий, а она всё надеется и ждёт. В чутком весеннем пробуждении, источая нежнейший аромат, фиалка погружает мужскую душу в благоговейную сосредоточенность, и окрыляет. Тем и живёт.

Полюбить фиалку – легко, завоевать же её любовь – не просто. Хоть будь ты гиацинтом, маком или тюльпаном – никакого значения это не возымеет. Фиалка выбирает своего возлюбленного сама.

Им может стать и не цветок, а просто ветер, разбрасывающий семена цветов. Как Гёте, что не выходил из дому, не насыпав их в карман. Шёл и высевал семена вдоль дорожек, в окрестностях Веймера, где тогда жил. Фиалка бы, наверное, влюбилась именно в него – божественно-задумчивого, милого и неземного.

Но более всего фиалки благосклонны, всё же, к женщинам. Для них покачивают они поутру головками, им распускают свои хрупкие лепестки. Без женщин фиалки скоро бы увяли, и они ласково глядятся в их глаза, тянутся к ним и в восхищении трепещут.

Даже такие крохотные цветочки, как незабудки, чей голубой цвет увидишь в траве – и сразу вспомнишь про высокое небо, не минуют признательности женщин. Не выгорает их цвет на солнце и не тускнеет: незабудки глядятся в окружающий их мир мягко, легко и доверчиво. Женщины эти цветы раньше других всегда примечают – за их доброту и наивность, неуловимый запах, что будто светится скромной и трепетной любовью.

Многие цветы, кажется, сами желают стать женщинами, сохранив при этом свои чудесные имена: вероника, маргаритка, астра или гортензия. В них живёт какая-то иная нежность, может быть, более трогательная, чем у женщин. А женщин, наоборот, прельщают их восхитительные соцветия, и они думают о том, какими бы они стали неотразимыми красавицами, если бы распустили над землёй такой же непревзойдённый аромат.

Невероятное лакомство для женщины этот цветочный дурман, и цветы с удовольствием его в неё вдыхают. Пропуская через себя все запахи земли, цветы создают вокруг какое-то особое настроение. Это настроение, как Бог, живёт во всём, и в первую очередь – в женщине.

Только затеплил какой-нибудь цветочек свою ароматную свечку, а женщина уже им проникается. Всякий стебелёк от этого наполнен своим маленьким очарованием, что озаряет воздух дивной теплотой, и женщина его, конечно, примечает. Более для женщин и детей растут цветы, нежели для мужчин.

Цветок для женщины – это её живая душа, что просится в сердце любого, кто его приветил. И если обратят к нему внимание, как ароматен он становится и горд! Протягиваясь к женскому теплу, цветы понимают, что

могут в нём продлиться. Но разве отличишь цветочное тепло от женского: всё оно – тончайшее добро.

Так сладостно жить женщине цветами, их ароматом, чистотой и соблазнительной свободой! И ещё радостным простором, возможностью быть убаюканной этими душистыми волнами, что рождены, кажется, в солнечных лучах, над самой землёй.

Убаюкивая женщину своими сладкими грёзами, цветы её как будто искушают... Соблазн прельщения, сонм смущённых чувств и лукавый бог сладострастия – всё это для женщины не совращение с пути, а благо. Не испытав себя на нём однажды, счастья не узнаешь. Живы цветы – жива и женская душа, наполненная их ароматом.

Здесь весь искус – прелесть состояния искушаемого: цветочного, воздушного, большого! С огромной жаждою познания любви и желанием подарить свой аромат, накопленный природой, всем её волшебством – с солнечным дождём, душистыми ветрами и колдовством божественных красок.

Весенний дождь словно омывает кожу женщины благовонным ладаном. Когда же летом кропит слепой, сквозь солнце, то будто обдаёт тончайшими духами. Небесной свежестью женщина умыта, волшебным ветром обсушена, пушистым облаком обласкана – чище запаха не сыщешь.

Все ароматы земли впитывает в себя женщина, и без остатка дарит детям, мужчинам, и ещё воздуху и птицам. Птицы восторженно разносят проникновенный трепет её любви и музыку своих воздушных снов. Пение их тоже проникнуто колдовством земных запахов и красок, в них чудятся благоухание густых садов и живая чаща изумрудного леса.

Тепло яркого солнца и все чудодейственные звуки заключены в женской душе, её шелковистой коже и смуглых руках, что так приятно дотрагиваются до мужчины. Как будто живой лепесток коснулся щеки, а губы, приникшие к твоим губам, словно напоены потаёнными струями родника, что неслышно несёт свои хрустальные воды в тени чудесных деревьев. Присутствие рядом женщины – это источник живительных сил, рождающий неизбывный аромат тепла и света.

В солнечный же зимний день аромат и свежесть придаёт женщине бодрый мороз. Щёки её тогда – будто распустившиеся розы, какой-то прохладный душистый камень, к которому хочется прижаться губами и жадно вдыхать, не боясь простудиться. Правда, в тепле морозные розы скоро истаивают, но лёгкий аромат, напоминающий запах надкушенного яблока, ещё долгое время остаётся. Он никогда не исчезает в женщине до конца, а только ненадолго затаивается.

Но не избавляют женские ароматы от мук любви. Они пробуждают в сердце какую-то особенную привязанность – от лёгкого увлечения до страсти. Когда непреодолимое желание избранной тобой женщины становится предпочтительнее самого дорогого в жизни, и, в конце концов, становится безотчётным.

Охватившее тебя безрассудство пугает, и в тоже время – неудержимо манит: больше всего ты желаешь женскому аромату никогда не иссякнуть. Только бы любить его, болеть за него всем сердцем, зная: любящих Бог любит. Так женщину Бог возлюбил, как ты её аромат в душе превозносишь, в себя до капли вбирая!

Нелегко его в душе нести, стараясь не расплескать, да ещё труднее вовсе никого не любить. А как любить, не влюбляясь, и пить вино, не напиваясь, - никому неведомо. Ведь если кого любишь, тому всего себя даришь, и аромат женщины испить до дна тебе не в тягость. Насколько глубоко ты им очарован, настолько радостнее он в твоё сердце вольётся, сладостью своей успокоив.

Несмотря на безумную страсть, что возбуждает в тебе любовь, аромат представляется ещё более безграничным... С ним женщина открывает в себе неведомые ей самой чары. Аромат кружит и куда-то уносит, почти никогда не возвращая тебя самому себе, и ты забываешь обо всём, и летишь навстречу неповторимому женскому дыханию, и жадно ловишь каждый его глоток. Всё в нём – удивительная нега, благодать и дивный нескончаемый сад, где звучит музыка цветов, которые сорвать невозможно.

«ЛОНО»

Женское лоно... Невообразимо прекрасное, головокружительное, увиденное ещё в детстве, на пляже, оно, захватив всецело, породило в душе какие-то несказанные предчувствия и неясные догадки. Те, что ты ещё никогда в своей жизни не встречал, и они как будто пригвоздили тебя, так, что ты не в силах был сдвинуться с места, куда-либо идти. Может быть, только взлететь, отрешённо повиснув в своём незнании, что делать дальше... Лono излучало такую тонкую негу и прелесть, что не страшно было умереть.

Та женщина переодевалась в кабинке, и возникла перед тобой немым откровением, в мгновение повергнувшим твоё восприятие. Забылось и море, и резиновый круг в виде медузы, за которым ты вернулся, и сахарная вата, продаваемая огромными пахучими кусками на каждом шагу. Похоже, увиденное было неизмеримо лучше её, но об этом ещё, конечно, не думалось, а только угадывалось, исподволь.

Больше всего поразила белая, совершенно открытая плоть. Она и вправду была как сахарная вата, и даже, наверное, вкуснее, но как её съесть? Всё ниже пояса, до самых колен, выглядело так обворожительно, что страшно было смотреть.

И ты отвёл свой смешавшийся взгляд, но через какое-то мгновение вновь поднял его, а женщина по-прежнему стояла, не прикрываясь, и ничего не предпринимала. Она, кажется, даже улыбнулась тебе одними глазами, подбодрив ими, и продолжала спокойно глядеть на тебя, прижав одну руку к плечу, а другую мягко опустив. Женщина словно давала тебе возможность запомнить её вот такой, и при этом ничуть не торопила.

Невозможно было разглядеть всё в отдельности. Ты восторженно, с замиранием сердца, охватывал это дивное тело всё сразу, целиком, и не мог отвести взгляд. Так сладостно, даже для твоего шестилетнего возраста, белели эти полные бёдра, выпуклость нежнейшего живота, пухлые колени...

Ещё непроизвольно восхитила и озадачила кошка, что уместилась прямо под животом у женщины, и была мохнатая, большая и почему-то без головы. Ты тогда подумал, что такое вполне может быть, если всё увиденное на самом деле существует. Ничего другого, кроме свернувшейся в клубок киски, вообразить ты был не в силах.

Сколько продолжалось это наваждение – сказать сейчас трудно, но ты, помнится, вдруг повернулся и побежал обратно к морю, брызжущему солнцу, по горячему песку, что приятно обжигал ступни, и вскоре обо всём позабыл. Это была восхитительная тайна, к которой тебе затем пришлось идти долгие годы, но, достигая её порой, восприятие женского лона никогда нельзя было удержать: благоухая, оно одурманивало и исчезало, но затем вновь появлялось, робко намекая на существование того, что было ещё непонятно. Дотронуться до женского лона представлялось невероятной наградой, а жажда обладания им уже навсегда повергла спокойствие твоего сердца.

Чуть позже, с возрастом, когда вдруг случалось увидеть обнажённое женское тело, всегда охватывало внезапное возбуждение, схожее с какой-то

приятной дурнотой. Исходящая от тела нега бросала то в жар, то в холод, а временами даже нападал необъяснимый страх потерять возможность видеть его. Хотелось пить женское тело жадными глотками, не переставая дотрагиваться до него взглядом, и представлять, что таит оно в себе на самом деле.

Никакие сравнения к нему не подходили. Это было похоже на беспомощное забытие, а присутствие тела всё не покидало. Оно обдавало свежестью весеннего дождя, ароматом овеянной ветром хвои, сладкой родниковой водой... В теле сливалось всё самое непредсказуемое, казалось бы, непостижимое, но близкое в своей неоспоримости к чему-то восхитительному. Лоно женщины непреодолимо влекло, и ты чувствовал себя его вечным пленником.

В источаемых лоном ароматах можно было смутно догадываться о чём-нибудь прекрасном, что постоянно ускользало. Лоно ненадолго удерживало его, улыбалось. Может быть, даже само не ведало своего богатства. Невероятная глубина этого, невесть откуда берущегося великолепия поражала. Постигнуть ли когда-нибудь его восхитительно-таинственную сущность?!

Лоно женщины всегда было окутано облаком аромата. Оно, должно быть, рождалось вместе с ней, становясь сначала маленькой девочкой с душистым дыханием, потом девушкой-подростком с абрикосовой нежной кожей, а распускалось, когда женщина созревала. Бутоны лопались, шёлковые лепестки раскрывались, и аромат охватывал всего тебя.

Быть околдованным им хоть раз в жизни – значило потерять своё сердце. Но как сладостно было это забвение! Убедительнее самых откровенных заверений в любви. Какие-то неизведанные чувства переполняли душу пением перепархивающих вокруг птиц. Всё было сон и явь, и обольстительный девичий лепет. Превыше восторга оказывалось охватившее беспамятство, достойное только восхищения телом женщины!

Может быть, ещё воздух дикой природы пьянил так же одурманивающее и неукротимо, как это бывает, когда удалишься от людей на просторы лугов, или в тишину тенистых дубрав, и растворишься там в охватившей тебя свободе.

Лоно женщины не дарило её, но несло в себе нечто другое. Скорее, это было наслаждение, повергающее в свою обворожительную бездну. Лоно притягивало неподражаемыми линиями и томностью забытия в них, шелковистостью излучаемого телом тепла. И ещё – этими волшебными округлостями, с которыми хотелось слиться навсегда, но, не находя выхода из этого сладостного плена, всё-таки отпрянуть, чтобы затем вновь тянуться, безнадежно ища в нём успокоения.

Загадка женских прелестей манила безотчётно, как непрекращающееся наваждение. Шея, плечи, запястья и сама кисть, божественно нежная и тёплая, внушали бессознательное умиление. Сложенная в хрупкую лодочку, ладошка, кажется, всегда была готова приласкать и согреть. Взяв её в свои

руки, ты не мог избавиться от ощущения, что тепло её неиссякаемо, и женщине хотелось отдаться с головой, зная: с тобой ничего не случится, пока она рядом.

Ладонка на мгновение замирала от прикосновения к мужчине, а потом оживала и двигалась... Медленно, от локтевой впадины к предплечью, слегка коснувшись пальцами ключицы, и затем вниз – к отвердевшей груди. Мужчина отрешённо затихал, забыв обо всём, и только чувствовал теплоту и мягкость воздушной ладони.

Его рука тогда уже касалась женской руки, и вместе они, невидимо слившись, поднимались выше – до таких восхитительных подробностей, как мочка уха, робкий локон, шея и вздрагивающая на ней венка... Венка трепетно голубела, жила, и как будто радовалась происходящему соприкосновению с мужским теплом. А шея замирала в томном ожидании любовных ласк.

Упругий локон щекотал её нежный пушок, и тотчас открывалась трогательная впадинка затылка. Смотреть туда было как-то неловко, но нежное углубление притягивало, совершенно завораживая. Впрочем, можно было даже не дотрагиваться до него, а только представлять, как живёт эта прелестная ямка под снопом распущенных волос.

Если волосы собраны в узел, женщина словно забывает, как она выглядит сзади. Воспринимая себя только как отражение в зеркале, она не думает о незащищённости затылка, его притягательной уязвимости, и лишь спина выдаёт её неясное напряжение. И всё же, женщина не подозревает о своей очаровательной трепетности, что сжимается над еле приметным шейным позвонком, и ждёт чего-то неожиданного. Может быть, мужского тепла и заботы, что охранит её нежнейшее таинство, и от этого женщине станет удивительно покойно и хорошо.

Но не мужчина, а она, женщина, призвана услаждать, убаюкивая. Тёплым взглядом, словом, а больше – ласковой рукой. И ещё восхищать своими еле уловимыми линиями, перетекающими незаметно от пальцев в изгиб хрупкого локтя, а от него – к округлому плечу. Как было, потом, не дотронуться до розовеющего ушка, подобно цветку, неизвестно зачем, распутившемуся такой проникновенной красотой!

Нежная раковинка его умиляла отточенным изяществом и еле ощутимым ароматом, что не пьянил, а лишь слегка напоминал о себе. Лучше было отыскать сам цветок, по его тонкому запаху, чем воспринимать с золотыми и серебряными украшениями.

Если осторожно провести рукой от плеча женщины вниз, по её спине, то сразу ощутишь трепетное движение лопатки, как будто маленькая неведомая зверушка шевельнулась на твоё прикосновение и безоглядно подалась к тебе. Всё в женщине вздрогнуло, будто спросонья, и опять уютно улеглось, но теперь уже покойно, в сладком замирании своего божественного тела. Ничто, кажется, не может помешать, когда даже просто гредишь им.

Обняв тело, ощутишь через спину дно этого живительного сосуда, его чудесное вместилище и глубину. Линии сосуда мягко перехватывает талия, а потом невообразимо нежным изгибом бросает в немое восхищение. Всё, что заключено ниже, представляется мужчинам как чресла, для женщины же оно остаётся лоном.

Сокровенное место женщины – это её таинственные недра, что покоятся на дне волшебного бокала. В нём – взбитые сливки, сахарная пудра и неподражаемый вкус неги. А само тело, словно наливное яблоко – плотное и белое, надкусишь его, и оно обдаст душистыми сочными брызгами...

От него пахнет утренней росой, ребёнком, запечённой на солнце земляникой... Запах тела – будто хлеб, размоченный в молоке, или обогретый солнцем воздух. Лono – это восхитительное ложе, благоухание пышных бёдер, что источает только утро весенней порой. Головокружительное упоение наступает от аромата женской плоти, когда она лопаётся, как бутон, переполненный жизнью.

Так, наверное, может благоухать только божественная душа, что сообщает всем свою безусловную любовь. Её дарит женщина, и этот душевный дурман неизбытен. Он в стократ сильнее любого изысканного аромата, когда выпускает свои роскошные побеги.

Тело женщины – чудесное растение с плодами, что искрится на своих листочках капельками ароматной прохлады, источает сладостные потоки и сверкает тысячами радуг. Плоды, налившиеся дивным соком, кажется, неспособны никогда увянуть, а упоение ими не может прекратиться. Предвкушение от наслаждения этим ароматным лоном захватывает не менее сильно, чем обладание им. Но для большинства мужчин, наверное, остаётся лишь ожидание встречи с этим непревзойдённым женским чудом. Чтобы добиться его, не хватает порой целой жизни.

Обладание телом женщины оказывается для мужчины превыше всего. Нет на земле ничего более царственного, чем слияние с ним. Желанное, тёплое, большое, тело напоминает собой сказочную утробу мира, его изначально девственную суть, еле улавливаемое невинное дуновение божественного ветерка. Эту чистоту женщине следует хранить в себе вечно.

Лавандовое поле, густой пряный мёд, утреннее солнце – всё смешивается в голове и груди от этого женского ароматного избытка. Вспыхнувшая страсть разгорается мгновенно и неумолимо, но не сжигает, она способна только опалить. С этих пор к женщине хочется стремиться, не уставая.

Можно бесконечно парить в облаке источаемых женщиной ароматов, ликуя и представляя себя непобедимым. Это так приятно при сознании, что можешь всегда к ней вернуться. И тогда тело женщины начинает становиться прекрасным оазисом или источником, что, утоляя жажду, хочется пить ещё и ещё.

Наслаждаться ароматом тела женщины – не означает срывание цветов, хотя они и не переводятся в этом волшебном саду. Цветочное масло течёт, не

прекращаясь, и благоухает. Море черёмухи, роз, тюльпанов и нарциссов, словно невидимый сладкий туман, обтекает восприятие и восхитительно околдовывает. Что это за чудо – лететь в нём, утопая, и ничего больше не желать!

Тайны женского тела неисповедимы, но, имея единый для всех аромат, каждая из женщин, наверное, обладает и неподражаемым своим. Аромат невинности вызывает девушка-подросток – нежнейший лепесток, росинка на губах, на время убежавший от мамы длинноногий жеребёнок. Запах её тела – неброский и простой, слегка напоминающий терпкий вкус лесных орехов, только взбитого масла или свежего творога. Он ненавязчив в своей ещё неведомой силе, и первозданность его не тронута.

Всё в девушке дышит юностью и чистотой, целомудрием белого плода, только набирающего сок. Тело её не задумывается о ласках, оно пока живёт робкими прикосновениями к себе самой хозяйки. Девственная и скромная, она даже в мыслях не позволяет себе какой-либо вольности, но всё наливается в ней и ждёт чего-то неведомого и сладостного.

Созревшая девушка даже более тиха, чем подросток. Наверное, от ощущения своей брызжущей красоты, которую уже невозможно сдержать. Девушка не просто ждёт, а жаждет прикосновений к своему разгорячённому телу, и каждую ночь мечтает о загадочном мужчине.

Ей видятся чудесные тревожащие душу сны, где она теряется в своих тайных помыслах, и в них же воспаряет. Сорочка еле сдерживает набухшие соски, и девушка в слезах бросается в подушки. Кто тот, кому она позволит всё, и ни за что потом об этом не пожалеет?!

А тело всё дрожит, томится, и так болит низ живота – прелестная, почти не ощущаемая плоскость с нежнейшим шёлком кожи. Рука непроизвольно тянется к ней, и вновь бросается в лицо краска стыда: как совладать с собой, если природа требует любви, и когда же, наконец, свершится этот дивный сон, что не даёт покоя?!

И вот любовь пришла... Долгожданная привязанность, незаметно выросшая от лёгкой склонности к мечтаниям до страсти, предпочтение всем - одного, единственного, о котором безотчётно мечталось. С тайным вожделением и опьяняющей мечтой, с неоспоримой надеждой, что всё устроится, как нельзя лучше.

Тогда уже Бог девушке не заступник, и только сама она себе судья. Тело её – словно диковинный плод, выросший на дереве жизни, и она его безбоязненно вверяет любимому мужчине. Со всей своей румяной сочностью, алым блеском, манящей теплотой...

Девушка стыдливо замирает от ласковых прикосновений и жаждет их смелого продолжения. Её девическая мечта, все эти сладостные видения теперь воплощаются наяву. Тело для неё самой начинает казаться неисчерпаемым и непостижимым источником, а в душе мужчины оно рождает особое чувство.

Бог дал мужчине чистую девушку, но не открыл её для него, и мужчина должен это сделать сам. Осторожно и нежно, с чувством непередаваемого трепета, когда всё это невинное богатство вверено ему, и он волен распорядиться им по своему усмотрению. Только познавший его восхитительную тайну мужчина способен сделать милую девушку счастливой.

А тело девушки становится ещё более раскованным, оно устремлено к головокружительной свободе, которую сполна ещё не ведает. Оно дышит нежностью сочного персика и сладкой томностью чёрного винограда, тончайшими излияниями самых диковинных плодов. Тело девушки так доступно и радостно, что грех не окунуться в него без памяти.

И всё же, слиться воедино невозможно. Как бы ни стремился впитывать в себя эту немислимую наготу, открытость шелковистых бёдер, рук, груди, нежнейший бархат кожи и стройный стан... Взгляд не в силах остановиться на чём-то одном, он вбирает всё целиком: вздрагивающую жилку на шее, напрягшийся в возбуждении живот, округлые колени.

Линия сгиба под ними, может быть, самая трогательная в женском теле. Её всегда хочется коснуться, чтобы женщина при этом ничего не ощутила, и не испугалась, а только угадала чутким сердцем, вся вострепелась. А лучше всего – просто смотреть на очаровательную припухлость, мысленно лаская её и упиваясь удивительно нежным переживанием. Женщина, кажется, даже не замечает в себе эту маленькую обворожительность, и потому не прячет её.

Сидит ли она в кресле, закинув ногу на ногу, нежится ли в полусне, оголив из-под простыни одно колено, взор мужчины непременно притягивает именно эта часть её тела. Взгляд его может в восхищении блуждать от пальчиков ног до губ, но, всё же, непроизвольно возвращается к божественному изгибу. Будто укромной птицей живёт он там сам с собой, и своего гнезда не покидает.

Женщина же будто не ведает о трепетном присутствии в себе этой загадочной птицы, и, ощутив что-то тёплое у самого колена, нежно касается его рукой. Птица тогда замирает, еле дыша от счастья, и, когда женщина переносит своё внимание на запястье или лодыжку, вновь радостно оживает. Не всякий мужчина заметит в ней эту трогательную перемену, и тоже в душе безумно обрадуется, поблагодарив Всевышнего за содеянное Им однажды чудо.

Говорят, что девушка красна только до замужества, но истинную красоту она обретает, став матерью. Вернее, когда понесёт в себе ребёнка, совсем не стыдясь своего обновившегося тела. Так страстно стремилась она к этому дорогому для себя обретению, втайне лелеяла его и ждала.

Беременная женщина – всегда милая, позволяющая себя любить и любви достойная, совершенно не способна в этот момент кого-либо оттолкнуть. Только покой в её лице и царственная осанка, а тело всё подстраивается природой под ребёнка, живёт им, неожиданно изменяется. Но это не

вызывает у женщины страха или недоумения. Порой она совсем перестаёт быть похожей на себя, и всё же перемена эта её не пугает, а только радует.

Женщина в положении сохраняет привлекательность, становясь ещё более таинственной. В обращении с людьми она остаётся такой же обаятельной, приобретая божественную кротость. Кажется, она любит всех, и никому не желает зла.

Добрая и обходительная, она покровительствует всем, кто нуждается в ласковом участии. Улыбка её выражает только доброжелательность и заботу, и, угождая всякому, женщина и в бремене своём созидает любовь.

И разве смутит её при этом несколько раздавшееся доброе тело, слегка отёкшие руки и лицо? И ещё ноги, ставшие немножко неповоротливыми... Взгляд задумчивый, но ничего не упускающий, стеснение только кажущееся, на самом деле – в нём сила. Всё, с виду расслабленное, тело дышит ею, и не почувствовать этого мужчине невозможно!

Упругость созревающего яблока перетекает в благолепный сироп в теле беременной женщины, ублажая и услаждая окружающее её пространство, и мужчина вдруг постигает, что не подвластна ему эта тайна – чарующая женская плоть... Он только чувствует её усладу, и она его необыкновенно возбуждает. Но мужчина не сразу решается приблизиться к ней, и, наблюдая со стороны, только счастливо недоумевает: как оказался он совершенно повергнутым этой, казалось бы, непривлекательной и обременённой красотой?!

А тело всё раздаётся, наливается жизненными соками, и кажется, что даже небо, источающее живительный воздух, принимает участие в сотворении ребёнка. Деревья, птицы, трепетный полёт мотылька, и вдруг – с силой налетевший, упрямый августовский ветер: всё это, вместе с тёплым отношением мужчины, созидает будущую жизнь. И тело женщины откликается на каждое живое прикосновение, мягко вбирая его в себя и переваривая – запоминает, чтобы потом самой дарить и наслаждаться содеянным, радоваться рождённому плоду и, не уставая, возвращать его и любить.

Полностью вкусившая любовную страсть, и от этого ещё более расцветшая, женщина упивается своей зрелостью – царица среди женщин, ещё и не помышляя об угасании. Она только сейчас начала жить, расправила душу, и тело обрело законченную красоту и негу. Формы его стали совершенны, особенно – бедра, развившиеся при вынашивании ребёнка: не потерявший изящества сосуд, благородная ваза с дурманящими плодами, древняя амфора, наполненная оливковым маслом или чудесным вином.

Линии талии, что нежно взлетают от обворожительно выпуклых ягодиц – и тут же замирают, и есть истинное женское лоно. Оно – словно роскошное кресло, приглашающее в свой потаённый уют. Божественные изгибы его предполагают только сладкое отдохновение и покой. Лono женщины – это неподражаемое место блаженства, в котором мужчина забывается, почувствовав себя затем одухотворённым и сильным.

Самое нежное место в лоно – живот, слегка округлый, твёрдый, что тоже дышит нежнейшим теплом. Под рукой он чуть вздрагивает, как-то трогательно подбирается, и приятно замирает. Путь до лобка – ещё более трепетный, и, несмотря на то, что он короток, преодолеть его стоит не торопясь. Дальше – замок, скрывающий волшебный ларец, ключ же от него – в душе мужчины. Без доброй ласки и неподдельного восхищения женщиной – ему ни за что с ним не справиться.

Ни о каком завоевании тела не может идти и речи, если мужчина не проникнут истинной любовью и пониманием всего, что несёт в себе женское лоно. Женщина призвана Богом к услаждению метущегося мужского сердца. Лono её – награда и загадка, которую ему следует вдумчиво постигать.

От зрелой женщины более, чем от молоденькой девушки, может пахнуть морем, и этот запах большой и своеобразный. Безбрежность такой женщины безотчётно кружит голову и манит. Тело её изливает свежесть, от которой можно опьянеть.

Лёгкий выдох из её очаровательно налившейся груди тоже свеж и прян. Может быть, он даже более благоуханный, чем морская чистота. Когда женское тело предстаёт перед тобой белой таинственной раковиной – душа твоя начинает рокотать прибоем о неизвестных морях.

Необозримо их постижение, сулящее только радость открытия и внутреннее чувство удовольствия от сопричастности с этим удивительным миром. А дарит его непревзойдённое по красоте женское лоно, что таит для мужчины, со всеми своими округлыми линиями, тёплыми запахами и идущей из самой его глубины чарующей музыкой, спасительную любовь.

Женское тело – тонкий музыкальный инструмент, он настроен природой на чудесный лад, чтобы извлекать из него гармоничную музыку. Скажем, способность к оргазму у женщины, кстати, более длительному и глубокому в отличие от мужчины, является естественным доказательством того, что внутри неё заложена возможность испытывать безграничное блаженство. Таким образом, природа позаботилась о том, что переживание наслаждения, радости – совершенно естественно, и составляет основу жизни. Не боль, а радость соединяет человека с Вселенной, и он должен пережить её в полной мере.

Умение с радостью ощущать своё тело присуще, конечно, только женщине. Ведь оно – сокровищница любви и нежности, в нём живёт осознанное желание дарить всем благо, и оттого женщина ощущает каждый свой жест, шаг, взгляд и походку. Женское тело – чудо, оно тысячелетиями накапливало в себе эту очаровательную негу, её в нём – много, и тело расслабляется в довольстве обладания всеми своими чудесами, и начинает источать нежную музыку.

И вот уже мысли её превращаются в чудесную мелодию, пусть она плывёт и внутри женщины, но её не могут не ощущать окружающие женщину дети, цветы, животные с растениями, и мужчина. Женщина

предельно честна по отношению к себе, к своему телу, и её прекрасная внутренняя жизнь неминуемо проявляется внешне.

Женщина, несомненно, любит своё тело, иначе и быть не может. В противном случае она бы разрушала себя. Её прекрасное лоно – отражение такой же богатой на таланты души. Разве может женщина выступать против своего божественного тела, не лелея его?!

Конечно, нет, потому как тело дано ей Богом, через своё тело женщина взаимодействует с Существованием, оно для неё – единственное место для богослужения. И оттого женщина относится к нему с почитанием, благодарит Бога за подаренную ей красоту, тело женщины – бесценный дар природы для мужчины, и ему ничего не остаётся, как поклоняться ему.

Мужчины очарованы красотой женского тела точно так же, с каким восторгом они взирают на распускающийся цветок или загадочный блеск далёкой звезды. И всё же, женское тело превосходит в своём великолепии любые чудеса природы, оно – неповторимое явление в этом божественном мире. С широко раскрытыми глазами, позабыв обо всём, впитывает мужчина всю прелесть женского тела, и в нём пробуждается художник.

Несомненно, что после всего этого в сердце мужчины зарождается и глубокое уважение к её красоте, неповторимые линии женского тела воспитывают в нём трепетное отношение к жизни, а в его душе зажигается неугасимый внутренний огонь. Теперь он, в полной мере, может стать осознающим и живым: ему не хватало этой женской красоты, прелестной тайны восхитительного женского тела, чтобы обрести себя.

Прекрасная женщина очарована собой, и этого не может не замечать мужчина. Мужчина испытывает притяжение к женскому телу, его невозможно миновать, если ты не бесчувственный чурбан, и разве откажешься от переживания этого блаженства? Но чтобы ощущать женское таинство, восприятие мужчины должно быть чистым, потому как тайна женщины божественна.

И вот что интересно: тело женщины становится ещё более прекрасным, когда мужчина влюбляется в неё... При всей любви к себе, к своим плечам, груди, коленям, она будто не обращала на своё тело такого пристального внимания, но с любовью мужчины в ней произошла перемена, она это почувствовала, и принялась ухаживать за собой с ещё большим усердием, и тело ... начало меняться. Ведь теперь женщину любят, она сама влюблена, и разве может это не отразиться в душе и теле женщины: она необыкновенно хорошеет.

Внешняя красота отражает внутреннюю прелесть, это хорошо заметно на примере влюблённой женщины. До того, как полюбить, у неё было совсем иное лицо, изначально пусть и красивое, но не такое одухотворённое. И глаза от волнения не блестели, и щёки не рдели счастливым румянцем, и грудь так пылко не вздымалась под тонкой тканью блузки... Все мелкие недовольства самой собой сошли куда-то не нет, когда жизнь её озарило это волшебное чувство: тело женщины стало излучать другое, более трепетное тепло, а душа

– неопиcуемо благoстный свет. Любовь принесла в тело женщины иную красоту, какой в ней ещё не бывало.

«ЛЮБОВЬ»

Любовь... Если пишешь о женщинах, то поневоле должен писать о ней. О любви невозможно рассказать сдержанно, без восторга, и всё же я решаюсь на вкрадчивый, мягкий разговор, не расположенный к её излишне подобострастному превозношению. Пусть эта ароматная капелька моей преданной признательности божественному чувству станет трогательным подарком всем женщинам, жаждущим любви.

Разве можно себе представить занятие более безобидное, чем предаваться ей?! Как глубоко заложена в большинстве из нас потребность тела, если ты мужчина – женщины, у женщины же – мужчины, и мы не в силах отказывать себе в подобных внутренних побуждениях. Длительное воздержание оказывается на удивление ущербно, и самым печальным образом сказывается на состоянии нашего духа.

Мы все – и мужчины, и женщины, так устроены, что ощущение собственного обнажённого тела вызывает в нас мысль о наготы чужого. Причём, восприятие его тем более остро, чем ярче наше воображение. Богатство духа подразумевает великолепие телесных наслаждений.

Женщина, наделённая природной красотой и игривостью натуры, при этом выгодно разнится от мужчины, хотя умело скрывает свои истинные мысли и чувства. Мужчина же овладевает женщиной, чаще всего, с помощью изощрённого ума и холодного расчёта. Вместе они порой созидают удивительно неповторимое любовное сочетание. Но долговечно ли оно?!

В любом случае, любовь, должно быть, наиболее подлинная радость в жизни. Она предписана Богом, и если это не разврат, то можно ли назвать её греховной? Любовные дела обычно редко кому ставятся в вину, тем самым обеспечивая снисхождение тем, кто ими занят. Из всех страстей – любовь наиболее терпимая, ибо никто не избегает её владычества, и каждый очищается в ней грехом другого.

А может ли, вообще, грех выглядеть, как слепая необузданность любовных чувств? Свойство, унаследованное человеком не без участия Господа, Им же самим в человеке осуждаемое... Унаследованное природой душевное состояние, которое сдерживать в себе сразу и полностью не получается, да и, пожалуй, невозможно.

Грех ли он тогда по своей сути? Плотский, а не духовный, когда не дать выхода своему природному свойству недопустимо, и значит – грешно. Сдерживать же любовную страсть не только неразумно, но и неестественно. Да и возможно ли умерить любовные порывы, когда они переполняют наши тело и душу?!

А что есть в самой женщине врождённая страстность? Если она заложена изначально, суждено ли ей в любом случае проснуться? Несмотря на все те благопристойности, в окружении которых женщина, может быть, воспитывалась. Страсть, что может получить неминуемую власть над человеком, когда он не готов с ней справиться...

Необузданность её при этом совершенно непредсказуема. Так грешно ли совладать с нею, полностью ей подчинившись? Или человек должен всеми

силами противостоять подобному искушению, ежеминутно преодолевая в себе дьявольские козни?

Скорее всего, грех идёт от собственной неосознанности, и это неминуемо нарушает любовь. Справедливое же отношение к ней – есть добродетель. Всё, что в нашей плоти таинственно и необъяснимо, в первую очередь, побуждает потворствовать наслаждениям, нежели избегать их. Даже, если разум их осуждает. К тому же в браке, не всегда органичном и счастливом, что представляется порой единственно возможной преградой неистовым любовным порывам, разве не присутствует взаимоотношение полов, предполагающее сладостное удовлетворение?!

Страстному человеку, а значит – наиболее искущённому в любви, предаваться ей в течение всей жизни, непременно с кем-то одним, представляется совершенно непостижимым. Неожиданно повергающая тебя любовная страсть – это всегда удивительное открытие, тотчас рождающее в душе такое же необыкновенное волнение. За ним не стоит никаких запретов, только естественное желание, даже, вернее всего, стремление доставить удовольствие не столько себе, сколько другому.

В этой страсти нет и следа желанию подчинить женщину лишь своим скрытым стремлениям: ты сам становишься не похожим на себя. В своём теле ты ощущаешь нечто новое, чего не сразу возможно понять. Может быть, только почувствуешь лёгкое замешательство, подтолкнувшее тебя к краю умопомрачительной пропасти наслаждения...

Вспоминая затем ту радость, что с присущей ей очаровательной благосклонностью принесла тебе женщина, ты обнаруживаешь, что и сам подарил ей что-то невероятно тёплое и живое. И ко всему этому примешивается твоя неожиданная страстность, которой сопутствовала полная отдача тебе и самой женщины. Вместе эти две стихии неожиданно создают океан блаженства.

По-настоящему ли счастлив ты в тот миг, когда твоё лицо склоняется над её лицом? И когда твои руки горячо обнимают её стройный стан, а её – твои плечи? Томный взгляд женщины обволакивает всего тебя, объятия становятся ещё слаще, и в глубине души ты уже ничего другого не желаешь. Нет, верно, большего восторга, чем ласкать чудесное тело женщины, когда она беспрекословно отдаётся тебе в своей любви.

Однако, прежде, чем уверовать в свою собственную любовь, ты втайне, упорно, доискиваешься в себе причины той беспечности и свободы, с какой отдался на волю своих чувств. Неожиданно возникающую в себе тягу к какой-либо женщине ты почему-то сразу воспринимаешь за настоящее чувство. И, конечно, думаешь: это – она, наконец-то, желаемое случилось, и вы обязательно через мгновение соединитесь во взгляде... А вскоре, быть может, и в лёгком прикосновении, упоительном предшественнике безумных ласк и счастья?

Невыразимо прекрасное настроение охватывает вас, и вы подсознательно поддаётесь велению мудрой природы. Уединение теперь не

для вас, мир благосклонно раскрывает вам свои объятия и принимает в себя ещё одну любовь. Нет, сразу – две, без всяких ненужных предосторожностей, кажется, полностью овладевшие друг другом, готовые в любой момент пожертвовать ради любимого всем.

Разве может быть такая любовь излишеством, когда тела обоих требуют наслаждения? Не только в телесном соединении, но и в душах, беспокойные и мрачные размышления для которых тогда чужды! Лишь в восторженно-опьяняющем состоянии находятся эти двое, вызывая еле скрываемую зависть у тех, кто лишён возможности восхищаться, переживая неопишуемую радость.

Прелестная кожа женщины становится более свежей и румяной, грудь наливается чувственным соком неистраченного вождения, а полнота её форм окрыляет. Эту перемену не могут не заметить окружающие, но сама влюблённая чувствует в себе только восторженность от охватившего её счастья. Она не пытается скрыть его, её ничто, кажется, не может встревожить, и всё, предписанное ей Богом, радостно выходит наружу.

За что бы ни взялась такая женщина, результаты оказываются самыми доброжелательными и прекрасными. Любое, высказанное кем-то в свой адрес отращение – она повергает нежной и доброй силой. Всякому страждущему влюблённая женщина несёт своё ласковое тепло, преисполненное великой щедрости.

Ещё она не желает отказываться от существующих вокруг удовольствий, они только украшают происходящую в ней перемену. И в этом женщина убеждается каждый день перед зеркалом, с удовольствием созерцая в нём своё прекрасное лицо и тело. Она разглядывает его не для того, чтобы насладиться собственной красотой, ей важно изучить себя для любимого, возбуждая в нём желание, что никогда, кажется, не иссякнет.

Это желание полнится только её, женской, способностью любить, и она не в силах с ней совладать. Ей нравится находиться во власти этого завораживающего колдовства, и она с удовольствием поддётся игре своего растревоженного воображения, не становясь при этом жертвой самообмана. Какая-то неведомая, но очень близкая ей сила бросает женщину в объятия любимого мужчины и, доставляя обоим особенные наслаждения, заботится при этом о спасении их души. Если только это, действительно, любовь, пришедшая заслуженно, а не пустая услада, совершаемая людьми одинаково для всех обыденно, равно, как принятие пищи.

К такой любви приходится идти долго, может быть, всю жизнь, и то, что ты совершишь, явится для тебя и твоей любимой ядом или лекарством, в зависимости от принимаемой дозы. Надежда обрести для себя огромный радостный мир предполагает человеку испытать то, чего он желает. Хорошо, если желаемое равносильно излечению, но и позволяемый себе временами грех не содержит ли в своём свершении собственную смерть? Что есть его пугающая своей мнимой красотой оболочка, как не искушение разрушить её?!

На этом пути тебе порой приходится довольно надолго задерживаться из-за искреннего страха перед Богом, терзаниям твоим нет конца, и, чтобы уяснить сущность греха, ты ощущаешь раскаяние в чужой вине и не впадаешь в отчаяние, когда грешишь сам. Малодушный человек при этом обречён на вечное осуждение, для того же, кто постигает жизнь – всё происходящее с ним не тщета. По мере поиска в себе любви, образ желанной женщины постепенно становится живым и тонким, и увлекает за собой, несмотря ни на что.

Но нет ли душевного смятения в этом торжестве душ и тел? И разве может подобное смущение чувств длиться вечно? Ты ничего не осознаёшь и ничего не воспринимаешь, кроме этого любовного поглощения. Когда-нибудь, потом, тебе станет ясно, что в жизни твоей всё же свершалось замечательное событие, и чем чаще это происходило, тем богаче она протекала. Мысль о том, что предрасположенность к так называемому греху есть лишь свойство нашей природы, занимает с какой-то милой весёлостью, и ещё более окрыляет. Исключительной представляется только любовь.

Грех же бродит в самой сокровенной глубине нашей души, и мы живём вместе с ним, ощущаем, но вначале почему-то не поддаёмся ему. Мы как будто играем с ним, зная: в самый сладостный момент от него легко можно будет отказаться, чтобы потом он никогда уже не докучал своим первородным присутствием, более пребывая в бессильном раздражении. Непостижимое колдовство любви затмевает его опасное чародейство.

Что, кстати, говорит нам о Садах Эдема Библия? В чём заключён так называемый «первородный грех», совершённый Адамом и Евой, если он, действительно, имел место?! Не достойны ли они уважения за то, что отведали запрещённого плода, потянулись к знаниям, и, тем самым, подвигли человечество на нескончаемый путь постижения?!

Ведь суть библейской истории, как Бог изгнал Адама и Еву из райского царства, не в том, что они, будто бы, ослушались своего Отца, а наоборот, имели мужество восстать против животного состояния, в котором могли пребывать ещё бесконечное количество времени! Первые люди, каковыми считают их верующие по всему свету, как раз, проявили решительность, воспользовавшись деревом познания для того, чтобы понять: рай – это их собственная природа, но никак не райские кущи, не приносящие им знаний и свободы.

В Библии, таким образом, налицо противоречие: разве мог Господь, ратующий за развитие человеческой души, лишать Адама и Еву духовного роста? Если бы они не воспользовались яблоком познания, то и человечества, с его поисками истины, просто бы не существовало. А само изгнание? Оно требует осознания!

Где ещё могли оказаться Адам и Ева, якобы, удалённые Господом из сотворённого Им небесного царства, как ни в этих самых Садах Эдема? Ведь если Вселенная предполагает существование в себе гармонии, и во всех её уголках её пространство пронизано именно божественными качествами, то

она изначально не может не представлять из себя рая?! Тогда – как можно быть изгнанным из того, где ты уже находишься, а между тем, люди всегда стремились попасть в рай, на деле – не покидая его... Очевидно, что каждому человеку, тем более – мужчине, следовало бы давно постичь: нет другого места во Вселенной, кроме Земли, где бы совершались все его мечты, не работай он над собой!

Не посеешь – и пожинать будет нечего, - гласит народная молва. А ещё семени необходим полив и уход, не обойтись ему без радушной заботы. Чего уж говорить о человеке, что просто обязан трудиться душой, обнаружив в себе Бога. Ведь Сады Эдема – его обитель, и осознав это, ему остаётся только радоваться возможности жить в них по божественным законам, предполагающим только любовь.

Но что же, всё-таки, есть любовь? Каков её трепетный лик? Может быть, это – прекрасная заря с еле приметным мерцанием угасающих алмазных звёзд, полная неги луна, охваченная пенным кружевом задумчивых облаков, душистый подснежник – милый цветок, дитя весны? Или – небывалая волшебная страна, преисполненная диковинной тайны, с томной лаской роскошного жара и своевольной душой неумолчного приборя? Родственница далёких неведомых миров, праздник для только что родившихся в райских садах молодых душ, баснословный багрянец осенних лесов с настоящим на нём золотистым вином?

Всё это, и что-то ещё, более трепетное и живое, как темноокая лань, безудержное ликование полевых цветов, их блаженный, нескончаемый край? Возможно, лунное молчание ночи с хрупкой розой в сказочном саду... И, конечно, ласточкино утро, хрустальная нежность родниковых струй и стыдливая фиалка...

Все эти образы, действительно, волшебны, но они – только гроздь любви, что, не скупясь, приносит она... Образ любви, наверное, слагается самим Богом, и его не сразу разглядишь, пока не почувствуешь в своём сердце. Я чувствовал его всегда, и пропеваю эту оду любви для вас: послушайте её...

Любовь... Как мир привык к этому чудесному слову, и как он ещё далёк от него. А между тем, любовь живёт в нём, движет всем и ждёт своего часа.

Любовь – это счастье, что безоглядно дарят друг другу влюблённые, она огромна и всеильна. Любовь – это животворящий аромат женщины, она даёт ей жизнь и блеск. Благоухая, женщина привлекает к себе мужчину, и вместе они возносятся к небу. Мужчину же отличает в любви отвага, с какой он отдаётся в ней своему безудержному чувству, и, конечно, не думает о себе, боготворя в сердце только возможность любить.

В любви один до самозабвения отдаёт себя другому, при этом умирая в нём. Но затем воскресает в любимом им человеке, и начинает жить уже не одной, а двумя жизнями.

Ещё любовь представляет собой стремление к божественной красоте, и именно поэтому тот, кто любит, никогда не сможет удовлетворить своё

желание. Он не перестанет желать этой красоты, будет добиваться её всегда, и поэтому любовь не имеет предела, она бесконечна.

В любви к ближнему, на подсознании, мы, наверное, стремимся, прежде всего, к собственной пользе, и оттого по отношению к нему поступаем, как к самому себе. В основе любви лежит неосознанное самосохранение, наш собственный интерес к жизни. Чем больше мы уважаем и знаем себя, тем большую пользу, в итоге, приносим окружающим нас людям.

А любовь к женщине сверкает чистым серебром, горит драгоценными камнями, вспыхивает жарким золотом. Она затмевает белый свет, вкладывая в женщин всю прелесть мира. Вдыхая в их тела свои пленительные поцелуи, любовь сберегает женщин для мужчин.

Мужчина, конечно, изумится этому тончайшему многообразию любви, и обо всём позабудет в грациозном порыве к ней. Белоснежная кожа, покрытая мягким пушком, благоухающий фиалками аромат волос, пылающие лепестки губ – в мгновение возбуждают в нём ясный ум, и в тоже время – околдовывают. Изнемогая от охватившего его изящного чувства, мужчина с радостью обнаруживает любовь в себе, приобщаясь к великому благу.

Постыдные влечения тогда исчезают из сердца, переставая захватывать в плен душу. Судьба, что когда-то представлялась жалкой, перевоплощается во всеохватывающую радость. То, что раньше загоралось лишь на миг, и в глубине души осуждалось, теперь уступает место всепроникающей милости добра. Только бы любовь не превращалась в боль, но зная о её благотворном назначении, не забывала о ней!

Сколько раз на пути к любви ты колебался между ревностью к недостающему чувству и страхом перед неизвестностью. Горечь и отчаяние порой были близки повернуть тебя вспять, приспособившись к какому-то обычному образу, и это вынуждало принять лишь то, что находилось рядом. А воображаемая, и, кажется, недостижимая красота любви, всего лишь на миг захватив дух, вновь исчезала. Чаще всего в неё вовсе не верилось, но, всё же, мечталось.

И вот любовь зародилась... Она, сразу, принесла покой и наслаждение, обещая такое же радостное ликование. Душа без оглядки бросилась туда, где почувствовала себя более счастливой, а всё неудавшееся, постыдное стало удивительно безразлично.

Море иных видений, запахов и звуков охватывает теперь тебя. Дуновение ветра, лёгкие прикосновения трав и журчание не приметного ручейка открываются тебе и становятся, на удивление, приятны: как ты мог не замечать всего этого раньше? Распускающиеся цветы любви затмевают собой всё вокруг, так, что ты в какой-то момент вообще перестаёшь что-либо различать, и лишь любящее сердце сберегает душу, не давая ей потеряться в этом круговороте радостных впечатлений.

Любовь никогда не умирает... Один человек дарит себя дорогому человеку, оставляя в его душе свой свет, и через него любовь переходит к кому-то иному. Она играет, радуется всему, что её окружает, и в тоже время

многого не замечает: любовь смотрит на мир очарованными глазами, что видят вокруг только благо.

Любовь приходит не к каждому. Её следует заслужить, чтобы она озарила твою жизнь. Иногда это происходит поздно, как у Гёте, но лучше, всё же, испытать настоящее чувство, чем, не ведая о нём ничего, просто жить и умереть.

Всякая любовь неподражаема, потому как проникнута единством двух разных душ. Самое желанное в ней бросается в глаза сразу, а то, что не видно, ощущается исподволь. В любом случае, твоя любовь всегда угадывается: в лёгком ли кистевом сгибе, полунамёке неуловимой улыбки или томительном вздохе.

И тогда всепоглощающая страсть вдруг ударяет в голову, захлёстывает дыхание и грудь, опалает жаром ступни ног и низ живота. Какая сладостная мука переживать любовь в себе, обезумев от счастья, и желать её ещё и ещё. Ну, если только улыбнутся слегка, через минуту опять с головой окунувшись в её повергающие волны.

Любовь – не страдание, а небесная отрада, рождение её – тайна. Создают её такие же таинственные влечения ума, сердца и тела. Что движет ими в каждом человеке, как достигают они своего совершенства, остаётся неразгаданным...

Любовь, конечно, великодушна. Бескорыстие её неподдельно и удивительно безгранично. Но возвышенная страсть во имя любимого человека более свойственна женщине, нежели мужчине.

Любви, несомненно, сопутствует и неутрачиваемая радость, когда она переполняет сердце. Оно так безудержно отдаётся возлюбленному, что совершенно изменяет человека, увлекая его в неведомые чудесные дали. Любовь – бушующее море неподдельной радости, светящейся искорками счастья.

Ещё любовь – целительный бальзам для души, утомившейся от наскучившей рассудительности. Её благоразумный расчёт тогда сразу становится постылым, а стремление нести добро – бескрайним. Женщина способна в любви вылечить мужчину от любого душевного недуга, а он с радостью устраивает её счастливую судьбу.

В любви, обычно, ты счастлив тем неведомым, что таится в самой глубине сердца, чего не выразишь словами, а только ощущаешь душой. Каким-то неизъяснимым и чутким прикосновением овеет оно тебя с головы до ног, и ты почувствуешь себя неистовым и свободным. Всё, что совершаешь ты с этой минуты, подсказывает тебе любовь, и она не знает покоя.

Безумство в любви не выглядит достойно, но оно возможно, и как бы сильно не был влюблён мужчина, он не становится смешон. Отдавая предпочтение только этой женщине, он самозабвенно раздувает в сердце пламя страсти, находя в ней единственное счастье. Чувства его не знают

границ, если женщина поддерживает их в мужчине, и любовь от этого неимоверно сильна...

Любовь царит только в возвышенном сердце, тем самым продлевая в нём Бога. Начинаясь от лёгкой заинтересованности и доходя до страсти, она не безрассудна, поскольку любящих Бог любит, а его любовь, как известно, безгранична.

Ничто так не украшает мир, как любовь. Она гонит сок жизни в стволах деревьев, травах и цветах, играет волшебными красками в небесах, поёт, как птицы, на разные голоса. Разливая повсюду благодный свет, любовь смиряет метущиеся души: высокомерные учатся у неё снисхождению, а добрые сердца любовь возвышает. Облагораживая жизнь, она напоминает тем, кто ещё не достиг своей любви, что всё не безнадежно, если не посчитать его таковым.

Любовь творит чудеса, созидая совершенно новых людей. Незаметно слагая в жизни самые величайшие ценности, она воспитывает в человеке достойное отношение к своим возможностям. Любовь осветляет мысли, что выпархивают вольными птицами, кружатся над землёй и увлекают за собой к небу.

Любовь всегда убедительна, потому, что не лжёт. Она чиста в своих ласковых побуждениях, и требует от влюблённых редкой чуткости. Сохраняя её, можно добиться очень многого в жизни. Обидев же любовь, не избавишься от внутреннего изъяна никогда.

Чем больше любовь, тем менее обнаруживаешь в себе чего-то дурного. Его, вообще, кажется, не остаётся, когда относишься к каждому человеку, как к самому дорогому, никому не желая зла и не мешая в жизни. Безоглядно захваченный самым чистым чувством, ты вдруг открываешь, что уязвим, но при этом становишься непобедимым.

Любовь божественна, она выше разума, и, стало быть, нет ничего её ценнее. Любовь – это непреодолимое желание красоты, сияющей в душах и телах. Сколь она велика, столь и огромно стремление сохранить её, чтобы любовь копила в себе небывалую силу. Сила любви – в гармонии, что составляет естество всего сущего, никем и ничем не нарушаемое.

Невозможно представить себе это сущее без мужчины и женщины. Достоинство их любви не всегда бывает заметно и оценено другими, но, тем не менее, сильно ощущается. По тому, как чутко избирают друг друга влюблённые, можно судить – настоящая любовь или нет. Видимое несоответствие зачастую оборачивается истинным чувством.

Такое чувство не ведаёт предела, оно бесстрашно. Свободно расцветает в этом саду прекрасный цветок любви, не представляя, что кто-то может его убить. И даже если он лишается жизни, любовь остаётся вечной.

Любой мужчина не прожил настоящей жизни, если не любил. Не знал этого очищающего любовного порыва, великой принадлежности к трепетному женскому чуду. Но безоглядно любить и стать при этом рабом любовных ощущений – не самое лучшее, что можно пережить. Безмерно

счастлив тот, кто, несмотря ни на что, отдавал свои чувства в любви – и никогда не покорялся ей.

В любви не может быть повторений. Говорить и делать то, что уже сказано и сделано другими, допустимо, но происходить это должно по-особенному, с оттенком своего неподражаемого чувства. Такое возможно только, когда забываешь о себе.

В любви и невозможно иначе. Желание выпить всё сразу, сполна, и непременно одному, можно понять. Ведь всякая любовь стоит ровно столько, сколько стоит сам человек, который её переживает.

Всё незаконченно и жалко получается в любви у жадных. С надтреснутой душой остаются и самовлюблённые в себя люди. Добрый человек в любви здоров и чист, он извлекает из души на свет всё лучшее, что в ней таится. Душа его – источник лучезарной радости и силы, что благотворно действует на сердца других.

Счастье, когда, наконец, отыскал свою любовь, без разного рода нравоучений и самонадеянных внушений, которыми в достатке допекают те, кто любовь никогда не испытал. Любить самому – это значит не бояться приносить себя в жертву всему, что может любви помешать. Очарование бескрайности любовного чувства неизъяснимо!

Невозможно вторично полюбить, если ты однажды был всецело охвачен этим необыкновенным чувством. Только раз приходит к тебе любовь, если ты ждёшь её, несмотря ни на что бережно хранишь в сердце свою мечту о ней и веришь, что она непременно случится. Но упустив любовь, уже никогда её не поймаешь.

Любовь единственна и неповторима, хотя кое-кто и пытается её подменить, подсовывая вместо неё красивую мишуру. За этим неблагодарным занятием истинный образ любви утрачивается, становясь почти недостижимым. Но тысячи должны, между тем, превозносить его и стремиться к нему, чтобы в ком-нибудь одном, наконец, не осталось места для оскорбляющего непонимания божественного чувства, и оно проснулось.

О любви говорят все, но мало кто её видел. Кто-то догадывается о её существовании, и только поэтому полагает, что знаком с этим чувством. Кому-то не зазорно утверждать, что он уже не раз влюблялся. Иные же и вовсе о любви ничего не подозревают: тем только и дышат, что знать ничего не знают, и ведать не ведают!

Праведна та любовь, что хранится на глубине самого неприметного, скромного сердца. Она чиста и свободна от неуёмной страсти, что превращает мужчин в глупцов. Разве это любовь, когда душа стремится властвовать, а тело только обладать? Истинное чувство – это всегда внутреннее родство двух душ, благотворная почва для их слияния.

Величайшее чудо любви в том, что она умеет прощать. Пока мужчина с женщиной любят, они не способны друг друга обманывать. И даже если кто-то из них оступись, у другого всегда не достаёт оснований ему не доверять. Недоверие должно было бы навсегда убить любовь.

А иногда душа, несмотря на истому сладострастия, остаётся холодна. Не преодолеть этой животной страсти незримую черту, что разделяет близость двух людей. Значит, любовь для них ещё не наступила, вернее, она даже не родилась. Порой наслаждение в любви длится лишь мгновение, тогда как тоска от неё – всю жизнь. Не хочется писать и о брошенной любви.

Когда любишь взаимно, не думаешь, что любовь пройдёт, как снег. Только летишь, не чувствуя под собой земли, душа твоя огромна, словно мир. Ни в чём не надо клясться, никого ни в чём переубеждать: души влюблённых слитны в сладком поцелуе. Волшебное это состояние, непередаваемо чудесно, и души у обоих торжествуют, наконец-то, обретая себя.

Как хорошо и упоительно любить! Любить так, чтобы день длился бесконечно, и сладкое объятие не кончалось. Но нет, вся прелесть любовного чувства заключена в том, что его приходится на время прервать, и уже ожидать новой встречи, в предощущение которой душа молодеет...

Предчувствие любви сродни самому чувству, когда то, чего ожидаешь – ещё неведомо, но кажется уже таким восхитительным... О нём говорит голос женщины, её взгляд и походка. Мужчина переживает в душе нечто приподнятое, то, что необыкновенно усиливает власть над ним, и эта зависимость ему приятна. Он хотел бы оставаться в ней ещё какое-то время, пока ожидание не перетекло в саму любовь. Впрочем, всё это происходит само собой, незаметно, и мужчина просыпается однажды утром в объятиях любимой, и ничего больше не желает.

Теперь мужчина относится к женщине с благоговейным трепетом. Каждое её слово, что доносится до него сквозь влюблённое пространство, – редкостная драгоценность. Он – тень любви, тогда как женщина – душа, и только с ней мужчина становится самим собой.

Любовь не боится потерять себя, хотя и позволяет иногда мужчине и женщине быть легкомысленными, отваживаясь на что-то, вопреки своей трогательной осмотрительности. Страсти, что изредка позволяют себе влюблённые, придают любви уверенность в собственных силах.

Каждый человек нуждается в том, чтобы его кто-нибудь любил. Чтобы кто-то смотрел с ним туда же, куда смотрит и он. И шёл вместе, и помогал, и думал обо всём, что может их соединить. Если есть на свете счастье любви, то почему оно должно миновать человека?!

Любовь взирает на мир такими глазами, что лёгкое неустройство жизни кажется для неё щедростью, а обыкновенные камни – изумрудами. Любовь – наслаждение, удовольствие и восторг, что она желает подарить всякому, кто, по её мнению, этого не испытывает. Всё готова обожествить любовь в своём стремлении видеть вокруг только хорошее.

Для любви требуется отвага, чтобы её обрести. Бесконечность и полнота любовного очарования этого стоят. Когда мы не находим любви во всех окружающих нас женщинах, нам следует отправиться за ней на край света.

Женщина – это сокровище, любви которой нужно добиваться всегда и несмотря ни на что. Её видимая неприкосновенность происходит из-за невнимания к ней мужчины. Нетронутость женщины порой так обворожительна, что на время обезоруживает его, и только настоящий мужчина открывает однажды в ней то, чего она раньше сама в себе не замечала. Весьма заблуждается тот муж, который думает, будто до конца разгадал свою жену.

Мужчинам женщинами нужно непременно заниматься, и не всегда это у них получается. Любовь нахлынет, как море, и это придаёт мужчине недостающую лёгкость и вдохновение, после чего он сразу начинает чувствовать себя свободным. Ему уже ничего не нужно говорить и делать против своей совести, а только самым естественным образом потворствовать своим удовольствиям. Куда подевались его сильные стороны?

Как долго хранится верность в любви – знает только тот, кто любил. Всё, что угодно, может пережить она, если уметь её оберегать. Не будучи скрягой или расточителем, мужчина должен научиться ценить время отпущенной ему любви, пока оно не утратило своего очарования.

Тот, кого любовь не покидает никогда, непредсказуем в охватившем его однажды счастье. Порой он даже может выглядеть смешным в глазах тех, кто к любви не причастен. Но зато ему легче не совершать впоследствии ошибок, вызываемых любовной страстью: он обретает в своей большой любви не замечаемую никем маленькую скромность, желая уберечь свою любовь, что его обычно и спасает.

Женщины не могут быть безразличны к внутренней любовной работе, что переживают мужчины. Но, доставляя мужчинам счастье, они, скорее, удовольствуются тем, что хорошо им известно. Женщины, в отличие от мужчин, чувствуют более тонко и трепетно, с удовольствием приноравливая любовь к себе. Порой они так увлекаются, что любят её больше, чем своих любовников.

Какого-либо надёжного лекарства от любви не существует. Да оно и не требуется, если любовь обоюдна. Мало на свете влюблённых, которые бы пожелали пережить своих любимых: в этом душевном устремлении они и горюют, когда кого-либо потеряют, и исцеляют друг друга, долго живя вместе. Полное освобождение от любви наступает лишь с утратой любимого человека, потому что без него приходит конец жизни.

Принято думать, что некоторые люди способны изменить любви, ради честолюбия. Но это маловероятно. Всякий истинно любящий живёт предметом своей страсти, и ни о ком другом не помышляет. Любить и оставаться поглощённым только собой просто невозможно, так же, как внешние проявления любви, что называется – «на стороне», навряд ли доставляют больше радости, чем само чувство.

Любви не свойственно благоразумие. Как только оно наступает – любовному увлечению приходит конец. Пытаться всё объяснить и оправдать

в своих чувствах – достойно не добродетели, а жалости, и любовь тогда становится слаба, если ничего этого за собой не замечает.

Женщины в любви заметно слабеют от того, что испытывают в сердце, и это позволяет многим мужчинам достичь желаемого успеха, даже несмотря на то, что они не всегда его достойны. Со временем женщины угадывают применяемую мужчинами предприимчивость, но хранить в себе холод не в силах. Слабое женское сердце склонно более доверять, нежели обходиться негодованием.

Настоящая любовь прочна и спокойна. Далёкая от невоздержанных чувств, она как будто даже страшится видимой буйности и излишне страстного поклонения. Любовь не терпит всепоглощающей суеты, в ней она задыхается и утихает. Чтобы дать любви возможность жить и процветать, следует оставить её наедине с собою.

Тогда всё невысказанное – то, что хотелось бы непременно сказать, легко рождается между влюблёнными. Им ничто не мешает, и онемелые было от любви уста – становятся смелыми. Всё, в чём они поклялись друг перед другом, видится им исполнимым. Влюблённые не ведают ни в чём ограничений: они свободны.

И всё-таки, истинная любовь немногословна. Она, скорее, выражается делом, чем словами, и желала бы, наверное, вообще ничего не произносить, нежели довольствоваться пустыми речами. Огонёк её от этого становится только жарче и веселее, а мужчина, красиво говорящий о любви, как правило, немного стоит.

Любовь, несомненно, благородна, в чём природа ей отказать просто не могла. Глядя на мир полными добра глазами, она готова всякому оказать поддержку, ни в чём при этом не отказывая. Одухотворённая взаимным пониманием и почтением друг к другу, любовь необыкновенно укрепляет души людей. Даже подбитая, любовь никому и никогда не желает зла.

В любви человек старается быть лучше, чем он есть на самом деле. Он даже не замечает, как стремится достойно превозмочь свои слабости, и получается это у него естественно, без каких-либо мучительных исканий.

Любовь имеет свои сердечные доводы, которых не ведаёт даже разум. Доводы эти просты и обыкновенны, ибо берегут невыплаканные слёзы любви, чтобы не пролились они бесславно на её могиле, и не пускалась бы любовь в своё бескрайнее море во время бури, чтобы, отдаваясь чувствам, она не теряла головы и не доводила себя до отчаяния. И ещё помнила: природа создала её мудрой и зрячей, а не беспомощной в своей неуёмной страсти.

Великодушное сердце любви придаёт её словам особую значительность. Оно вкладывает в них какую-то невыразимую прелесть, чем сообщает им такую же манящую невысказанную тайну. Сердечная глубина любви расширяет смысл и понимание жизни.

Красота любви немного потеряет, если даже перестанешь ею восхищаться. Она сама определяет свою значимость, и тем больше любит,

чем меньше её замечают. Но невозможно не обратить на любовь внимание: всякий неминуемо её отметит, про себя восторженно обрадуется и улыбнётся. Более всего, наверное, любовь требует к себе спокойного отношения, что помогает оставаться ей чистой.

В любви каждый стремится дать другому как можно больше счастья. Желание это порой выглядит чересчур эгоистичным, но влюблённые не замечают своего сладостного безумия, и отдаются ему совершенно. Всё, чего достигают они в таком отрешённом порыве – это трепет проникновенного единения.

Только в любви мужчина может познать женщину, и сближение это тем полнее, чем глубже слияние духовное. Если один из влюблённых считает, что он может облагодетельствовать другого, а значит – находится выше, единения не будет. Гармония подразумевает нежнейшую соразмерность в их взаимоотношениях, и не допускает какого-либо одолжения.

Любовь необыкновенно изобретательна, потому как не в силах терпеть угнетённости и скуки. Бесконечное повторение того, что уже много раз происходило, ей претит. Потребность доставить наслаждение в любви любимому человеку не иссякает, и всегда несёт с собой нечто новое.

Любовь, вообще, большой талант, и в объятия первого попавшегося она не падает. Тот, кто им обладает, достигает, в конце концов, вершины самой высокой горы, где обитает идеальное счастье. Внизу остаются лишь будние дни...

Любовь благосклонна и к слабостям, что иной раз проявляют влюблённые. Ведь любой человек оценивает другого в зависимости от своего опыта и знаний, а они у разных людей бывают несоизмеримы. Чтобы лучше понимать друг друга, влюблённым достаточно быть вместе.

Умна ли любовь? Об этом могут сказать сами влюблённые, не потерявшие головы, а только ещё более укрепившиеся в своих жизненных ощущениях. Им становится видно многое из того, на что они раньше вообще не обращали внимания, или смотрели на него не так пристально. Достаточно было раскрыть свою душу, чтобы это постигнуть. Обогащённая знанием любви, душа сразу изменяет обычный ритм жизни, возбуждая к ней подлинный интерес. Любящий человек воспринимает окружающий его мир гораздо углублённее, чем тот, кто думает только о себе.

Мудрой же любовь становится, когда соединяет в себе разум и правду. Это – не замысловатая причудливость беспокойного ума, а простые и понятные вещи, что составляют суть жизни. То, что по-настоящему ценно и праведно.

Мудрость любви включает и терпение, что необыкновенно милосердно. Выносить, крепиться, стоять на своём, ничуть не изнемогая, а надеяться на лучшее, и быть кротким и великодушным – вот её истинное поведение, что не перестаёт восхищать. Терпит любовь, не уставая, даже того, кто её недостоин: всякому готова нести добро и сочувствие.

Любовь никому никогда не завидует, не превозносится и не гордится. Всюду она желает быть незаметной, что у неё далеко не всегда получается, но не из-за отсутствия скромности, а только по своему обаянию. Воспылать высокомерными и спесивыми чувствами ей не пристало, потому, как гордым быть – глупым слыть, а недалёкой любовь никогда не бывала. Как и не искала счастья в жизни только для себя, не думая о ближних.

Любовь всему верит, надеется и живёт в святом ожидании. Она – великая способность души и разума к правдивому восприятию того, что есть, но в правде этой ещё многих не коснулась. В своём правдивом знании любовь никого не обманывает, она питает и греет то, без чего человеку не быть.

В любви человек меняется, а потому забывает свои былые поражения и обиды. Он уже не тот, что был раньше, и не желает повторять совершённые когда-то ошибки. Влюблённый становится одухотворённым искателем истины, и для него уже не существует дороги назад. Только вперёд, к звёздам, куда угодно, лишь бы подальше от опостылевшего обыденного, в нём уже не хочется чувствовать себя несчастным. А между тем, время любви – то настоящее, что ей дано.

Часто любовь ведёт себя так, как будто ей отпущена неделя или даже день жизни... Она старается выпить все краски мира, его запахи и звуки без остатка, её не останавливают какие-либо предостережения, всё кажется ей достижимым. Любовь неудержима в этом восторженном порыве, и ей требуется немало знаний, надежды и терпения, прежде чем она с пользой распорядится своей властью.

Любовь – исключительное душевное состояние, когда хочется любить не только одного человека, а всех. Влюблённый осознаёт божественное начало своей души, но при этом не старается привлекать к себе внимание других. Ему достаточно просто любить...

Влюблённый всюду замечаем, потому что душа его жива, она в согласии со всем, что её окружает, и оттого всякому становится понятно: этот человек счастлив. Ведь лучшее, на что способна наша душа, это – любовь, и проявление её бывает безмерно, а чем больше человек выказывает любовь другим, тем большее добро впоследствии возвращается к нему. Очевидно, что объёмля весь мир, любовь однажды спасёт его.

Жажда тела и половое влечение друг к другу почему-то считается делом непристойным, и в разговорах, по большей части, замалчивается. Само это слово уже вызывает у многих неприятную реакцию, как будто они прикоснулись к чему-то предосудительному, содержащему только разврат. Но разве сильное желание и стремление обладать любимым человеком так омерзительно? И не безумие ли и чванство отвергать самой природой подаренную возможность любить?

Потребность любить всегда живёт в сердце человека. Он не в силах справиться с переполняющим его чувством, и всю жизнь ищет того, кому бы можно было это чувство подарить. Если же не находит такого человека, то

незаметно для себя распространяет свою любовь на окружающих людей, зверей и птиц. Постепенно он постигает, что каждый в этом мире достоин любви, потому что способен и должен её отдать.

Любить – значит, не раздумывая, переложить своё сердце в сумочку любимого человека. И никогда потом не жалеть об этом.

Но не стоит требовать от любви того, что неосуществимо... Ведь иногда самые невероятные заверения в ней оказываются недолговечными, и вскоре непростительно забывают о недавно даруемой ими ласке и заботе. С виду всепожирающая любовь на деле оказывается бесплодной, а скороспелое согласие двух сердец любить друг друга до скончания века раскрывает влюблённым их самообман, и они расстаются, чтобы через какое-то время вовсе позабыть о себе.

И всё-таки, что может быть лучше необыкновенных часов, проведённых вместе, когда чувствуешь себя счастливым только от одного присутствия любимого человека!

Полюбив, самые заурядные люди становятся неузнаваемы. Им теперь оказывается присуща какая-то исключительность, благодаря которой они начинают значительно отличаться от других. Но надо уметь сберечь таинственную нежность любви, не выставляя напоказ нечто самое сокровенное.

Любовь пребывает всегда, независимо от окружающих её страданий, горести и забот. Более того, она существует и независимо от богатства, что не может сравниться с её счастьем. Только в любви настоящая жизнь, и ничто не может этой любви помешать.

А может ли любовь быть помехой, когда человеку, якобы, надлежит с ней бороться, не считая её добром? Не поощрять никак, ни лелеять, а вот именно избегать, понимая, что она может навредить, когда ею охвачены все помыслы и чувства, и нет сил что-либо создавать в сковывающей ослепительности охватившего тебя чувства? Нет, взаимная любовь двух умных людей может быть только плодотворна.

Ведь так и не любившее сердце остаётся обездоленным. Горе ему, если не было оно ни разу охвачено безудержной страстью. Но виновато ли сердце, что не научилось любить и крепнуть на всём протяжении жизни? Наверное, да, ибо только тот, кто желает любви, рано или поздно её обретает, потому что копит её в себе.

Любовь тем сильнее, чем молчаливее. Кричать о своей любви, не боясь продемонстрировать её другим, напрасно. Нужно творить свою любовь тихим словом и надёжным делом, не забывая при этом: только такое чувство истинно очищает и возвышает всякого человека.

Любовь указывает человеку на то, каким он должен быть... К чему ему следует, не уставая, стремиться, постепенно постигая: любовь – его естественное состояние души. То, что и должно определять её поведение во взаимоотношении с окружающим миром.

К любви мужчины и женщины относятся неравнозначно. Если для первых – она лишь, по большей части, развлечение, то для вторых – наивысшая жизненная ценность. Хорошо, если любовь для мужчин станет, наконец, такой же душевной нормой, что и для женщин.

Сущность любви – свобода. Она несовместима с каким-либо повиновением, а тем более – ревностью или страхом. Чистота и совершенство любви – в безграничности её всеохватного милосердного чувства. Но грех тому, для кого она становится единственным занятием. Тогда любовь расслабляет ум и душу, и свобода её покидает.

Если в любви отсутствует доверие, значит - она бессильна. Со временем такое чувство обречено на забвение, какой бы твёрдостью характера при этом ни располагали мужчина и женщина, когда они борются за свою любовь. Порой её сохранность зависит от возраста влюблённых.

Самой первой в жизни любви скорее присуща робость, чем решительность. Смелые поступки ей не свойственны, тем более, что каждый пока воспринимает сближение, как нечто недопустимое. Но, заглядывая друг в друга, любящие сердца преодолевают в себе страх незнания, и трогательные нотки неведомого любовного чувства тогда складывают невероятно чудесную мелодию.

Божественную музыку рождают между собой и зрелые души, но получается это у них иначе. Они уже догадываются о том, что им надлежит делать, и движутся к узнаванию друг друга быстрее. Сила их вдохновения велика, а понимание безмерно!

Любви не стоит много объяснять, она и без того проникновенна и чутка. Скромно творит добро, лелеет трепетную душу и не требует каких-либо наград. Всё, чего ей порой не хватает, это – немного благоразумия.

На свете нет ничего прекраснее, когда любовь не прекращается, а только крепнет. Может исчезнуть надежда, погибнуть вера в любовь и остаться только повседневность слов «я тебя люблю», но как бесконечна их глубина. Истина любви в том, что она всеильна.

Влюблённым неведомы недостатки друг друга, как если бы они были знакомы всего лишь день. Они просто не замечают их, в тоже время не являясь слепцами. Скрытые достоинства до такой степени расцветают в любящих душах, что затмевают собой всё худое.

Ничто так не покоряет мужчину, как сознание, что женщина его любит. Самому себе он начинает казаться необыкновенным, и восторг от того, что он переживает, помогает ему достигнуть задуманного. Правда, успех предприятия мужчина склонен присвоить себе, чаще не замечая женского самопожертвования. Но даже в этом случае женская привязанность к нему не ослабевает, становясь, час от часу, сильнее. Недаром однажды было сказано: мужчину обезоружить любовным комплиментом легко, женщину – невозможно.

И, тем не менее, женщина – жрица любви, что самоотверженно отдаёт в ней свою душу, и утешает мужчину в его горестях. Она – ангел-хранитель

мужчины от самого его детства до старости. В женщине для мужчины – великая жизненная загадка и сила, источник многих радостей и тревог. В мужчине же для неё, чаще всего, потрясение чувств, природа которых, на самом деле, нежна и неповторима.

В любви для женщины – и благодать, и темнота. Первое проистекает из её внутреннего мира, второе привносится мужчиной. А между тем, женщина дана ему судьбой свыше.

Если женщину спросить, отчего она любит мужчину, то ответить что-либо определённое женщина не сможет. Даже та, которую природа сотворила самой добродетельной и страстной. Женщина вообще не в состоянии быть до конца откровенной, но именно от неё зависит, куда она направит мужчину, ибо великодушие её бесконечно.

Надо быть, наверное, очень содержательным человеком, чтобы найти свою женщину сразу, с самого начала, и посвятить ей всю жизнь. Как правило, тот образ женщины, с которым рождается каждый мужчина, так и не встречается ему, будто он живёт на небесах. Или это происходит уже после длительного пути, на котором мужчине попадались женщины, что соответствовали определённому периоду его жизни. Он как будто зарабатывал их, постепенно приближаясь к своему идеалу.

Чем ближе подойдёт мужчина к единственному для себя женскому образу, тем лучше для него. Правда, он может так и не встретить свою женщину, но важен поиск. Если дорога была достойной – встреча рано или поздно состоится. Ведь любви, как известно, все возрасты покорны.

Любая женщина ждёт, когда её любви добьются, и она ещё раз, к своему удовольствию, узнает, как она хороша. Женщина поначалу опирается на любовь мужчины, но затем, постепенно, вырастает в своём проникновенном чувстве. Любовь её возносится над землёй, летит в восторженном приливе чувств и дарит каждому встречному неопишущую радость. Благоклонность женской любви не знает границ.

Непостоянство женщины в любви – это, вернее, её отсутствие, когда уже появилась в поведении женщины некоторая легкомысленность, что соседствует с ветреностью, и она не знает, любит или нет. А потом на её плечи неслышно опускается такое равнодушие, что кажется: никогда ничего с ней и не было. Так скучно станет ей опять жить, что женщине не трудно будет высказать мужчине правду: она уже давно ничего не чувствует. Для большого женского сердца – не достаёт огромной и настоящей любви!

В любви женщина угадывает всё гораздо раньше мужчины, но сразу не выявляет своего знания, как будто наблюдая за мужчиной, на что он способен. Причём, происходит это у неё совершенно бессознательно, задолго до того, как мужчина завершает свои глубокие размышления. Женщина в любви скорее импульсивна, чем основательна, что, впрочем, не мешает ей переживать чувства возвышенные и благородные.

Женщина любит мужчину не за его привлекательную внешность или какие-либо моральные достоинства, а за осуществляемое им дело,

благородное пламя которого более располагает её сердце к принятию любви. Это prepares её чувства, настраивая их на благородный лад, но сама женщина зачастую не в силах совершить первого шага. Его должен осуществить мужчина, овеянный теплом её любовного огня.

Любовь – величайшая роскошь для мужчин, и во все минуты, когда они любят, они наслаждаются необычайно. Особенно, когда им встречаются женщины, которых необходимо прежде любить, чем достаточно долго узнавать. Только любовью такой женщины можно проверить мужчину.

Ещё женщина проверяет мужчину своим искренним отношением к тому, что может, в конце концов, составить их совместное будущее или развеять его. Она прямо указывает ему на слабости, которых бы желала в нём избежать. Откровенность её при этом сродни детской незащищённости, правда, в отличие от ребёнка, женщина знает, чего добивается. Мужчина, как правило, обманывает её доверие, выдавая желаемое за действительное, но ложь рано или поздно всплывает. У женщины после этого хватает сил не разувериться в мужчинах, как бы остро она потом не высказывалась на их счёт.

Несмотря на доставляемые женщине обиды, для большинства мужчин нет, наверное, ничего более сладостного, чем попасть под её дурман и совершенно ошалеть. Быть околдованным ей как можно дольше, чтобы жить только этой женщиной, принёсшей душе долгожданную весну. Она – твоя единственная и желанная, чьим ароматом ты охвачен всецело.

Любимая женщина держит мужчину в плену благостного рабства, и не отпускает. Но быть вместе с ней – неотъемлемая принадлежность его природы, упоительная обязанность, к которой он в течение всей жизни неосознанно стремится.

Женщина не прочь, чтобы мужчина нежно любил её всегда, но втайне она желает, чтобы он постоянно оставался для неё загадкой. Как только женщина удовлетворит своё любопытство, любовь в её сердце иссякнет. Сладостный удел для женщины – тянуться по нескончаемому мужскому стволу, утопая в источаемом им обаянии, и обвивать его своими ароматными цветами любви.

Любовь управляет мужчиной и женщиной, стараясь довести их до совершенства. Чем больше они будут узнавать о себе на этом пути, тем полнее станут их отношения и души. От любви зависят женская проницательность и чистота, для мужчины же откроет свои врата мудрость. Любовь – лучшее благо для людей, готовых в себе расти.

Никогда не бывает у любви такой власти, как у хитрого расчёта: чем сильнее любовь, тем больше она уязвима. Но есть у неё свой секретный ключ, с помощью которого она открывает любые двери: это – самопожертвование. Отдавая себя, любовь ни на секунду не задумывается поступиться своими интересами ради других, и в один миг достигает того, чего любое другое движение души не добьётся за целый век.

Кто зовёт любовь адской мукой, кто – небесной отрадой, сама же она для себя – ангел-хранитель. Существо духовное, одарённое божественным разумом и волею. Представленная Богом к человеку для охраны его души от равнодушия тьмы, она её незаметно подводит к свету. В ком нет любви – в том вообще ничего нет.

И не правда, что в любви для мужчин самое главное – победа: достойно идти до неё – куда как сладостней! Жить ради этого, надеяться и ... ждать свою любовь. Несмотря ни на что любить в себе эту, ещё не встретившуюся тебе, незнакомку: хрупкую, синеглазую, с неуловимой улыбкой... Может быть, только увидеть однажды во сне, а про себя, сдерживая радость сердца, спокойно утвердиться: когда-нибудь эта встреча обязательно случится.

Любовь, которую человек испытывает от сопереживания совместного счастья, необходима ему, как воздух. Для всеобщего высшего блага, чтобы любовь, наконец, принесла на землю непрекращающуюся радость.

Такая любовь соединяет людей навеки, чтобы поддерживать тепло совместной жизни, желание честно трудиться, воспитывать детей и преодолевать в этом нелёгком деле любое горе. Помогать друг другу во всяком страдании, уметь радоваться пусть даже мимолётному счастью, и прощать обиды. Быть вместе, несмотря ни на что, до самого конца творить добро, для многих оставаясь при этом трогательным напоминанием о том, как следует жить в любви.

Истинная любовь ни за что не прельстится на богатство, каким бы многообещающим оно ни слыло. Она подчиняется лишь Господней воле, перегоняет саму себя в достигнутом переживании и летит, не чувствуя под собой земли. Время для неё становится неподвижным, и остаётся только великая радость, ослепляющая навек.

Истинная любовь никогда не кончается, потому, как не в силах узнать до конца предмет своего поклонения, как и Бога. Она – следствие недостающего знания о себе и любимом человеке, и отсюда - её спасение. Как только кто-нибудь из влюблённых начинает здраво судить о своих отношениях – значит, любовь прошла.

Человек без любви - ничто. Нет в нём никакой пользы, если он, хотя бы, не намекает кому-то на сердечное единомыслие, и не стремится к общению с божественной вечностью, ясное ощущение которой доступно именно влюблённым.

Любовь оправдывает всё, и ничего не объясняет. Но разве свидетельствует это о слабости? Скорее, должно быть, о силе, что не ведает препятствий. Любовь не разрушает, а возносит чувства на недостижимую для многих высоту, и чаще всего к ней приближается всё же женщина.

Женщины более созданы для любви. Когда видишь, какое они получают наслаждение от того, что целиком отдают себя в своём чувстве, ты понимаешь, как они обворожительно умны. Женщины так изящно и тонко пользуются своими замечательными привилегиями, что кажется, будто они лишь допускают к себе мужчин.

Настоящий мужчина понимает это, и думает, прежде всего, о женщине. О том, какая сладость добиваться её, рискуя ежеминутно быть повергнутым этим очаровательным капризом чувств и безумными прихотями сердца. Мужчине ничего не стоит преодолеть на этом пути любые любовные преграды, если он способен возвысить себя до женщины, а значит - готов пожертвовать при этом самым дорогим, и дать ей то, чего у неё нет.

Женщине же не достаёт только любви мужчины. Но любовь не приходит к каждому, и женщина терпеливо ждёт, когда мужчина осознает в своей душе заботу о душе другого человека. Лишь после этого она сможет довериться ему в своих чувствах, и, конечно, женщина догадается, что любит она мужчину не только оттого, что и он её любит, а ещё и за то, что тот хорош сам.

Невозможно любить того, чего не знаешь. Увлекаясь по очереди то одним достоинством любимого человека, то другим, всегда отдаёшь предпочтение чему-то главному, что всё в нём и объединяет. Это главное ты постигаешь сразу, и время не в силах разочаровать тебя в нём. Во имя своей любви живёшь, и только в ней твоя опора и утешение.

Знаешь, что благоухать любовь будет вечно, если ты её однажды нашёл. Забудешь за её сладкими плодами, как долго и мучительно шёл к ней, обретая дорогое для сердца знание. Знание о том, что любовь справедлива, никому не причиняет обид и стремится только к прекрасному. Как она умеет всё прощать, может быть, только кроме губительной привычки, и верит в добро. Любовь знает, что если хочешь быть любимым, надо самому любить; истинное несчастье в том, когда никого не любишь.

Всякая любовь желает одного – никогда не прекращаться. Она, скорее, чувствует это, нежели об этом рассуждает. Ей не хочется думать о том, что когда-нибудь она переживёт своё угасание, и любовь забывается в охватившем её счастье, и не выпрашивает у судьбы милости. Любовь не зря наслаждается собой, не зная пресыщения!

Наслаждение в любви не есть просто удовольствие. В отличие от приятного времяпрепровождения, оно делает влюблённых человечнее. Мы проникаемся открытостью обращённого к нам любящего сердца, трепетной доверчивостью, с какой нас любят, и становимся добрее.

Любовь не ищет только развлечения, но всегда находит во всём радость. Когда сердце наше свободно, то самые обыденные вещи доставляют ощущение большого душевного удовлетворения. И хочется от переживания этой радости любить ещё больше, желая любви всякому.

Любовь всегда бескорытна, потому как не стремится к единоличному счастью. Побудительный мотив её поступков – всеобщее благо. Любовь знает, что по-настоящему счастливо можно жить только всем вместе, когда тебя превосходят разумные и справедливые влюблённые, и ты стараешься быть достойным их очищающего чувства.

Если человек любит, он всегда хорош. Только влюблённый хочет делать то, что должен делать каждый, и всё у него получается. Бодрый нрав его

поступков сразу заметен, и всякий тотчас понимает про себя: удел любви – прочное счастье. В счастье живёт такая же крепкая уверенность, что тебя любят даже вопреки всему дурному, если оно в тебе есть.

Восторг любви неимоверно окрыляет человека. Любое желание любимого для тебя становится исполнимым, а за ним следует новое, так же легко осуществляемое. Самые заветные устремления сердца представляются подвластными, если, не задумываясь, готов пожертвовать собой во имя дорого человека.

Нельзя поставить себе любовь целью, но можно бесконечно её желать, думать о ней и тянуться сердцем к возможности отдавать её богатства. И при этом делать в жизни большое и важное дело, благодаря которому всё-таки сможешь когда-нибудь достигнуть любви. Только для того, кто наметил для себя такой благородный душевный труд, и не побоялся отправиться по этой нескончаемой дороге, и выпадает однажды счастье любви.

Хорошо, если любовь приходит не поздно. Когда ожидание её не иссушило душу, сердце не очерствело в унижительной скорби по ней, а тело ещё полно сил и желаний. Само стремление любить – пронизано молодостью, здоровьем, и ты ещё не устал желать счастья другим людям. Клонится чаша удачи в любви раньше к тому, кто не теряет бодрости духа и рад постижению жизни!

Любовь обязывает человека ко многому. Он иначе, чем другие, чувствует, понимает, и потому глубоко и ясно видит. Жизнь для него – великое путешествие, где он преодолевает несоизмеримые трудности в сравнении с теми, кто просто плывёт по течению. Влюблённый человек ответственен и за тех, кого любовь не коснулась, он созидает для них в своей душе будущий свет.

Любовь негаданно может обернуться несчастьем, если думать только о себе. В любви человек должен научиться отдавать удачу другому, тому, кто её более заслуживает, не боясь оставить за собой лишь утрату и поражения. Чем чаще он будет это делать, тем быстрее обретёт недостающую для любви силу.

Любовь счастлива, если она согласуется со своей божественной природой. Но, не соблазняясь одной собой, она должна уметь использовать дары судьбы для всех. Жить богатой в любви – это значит, быть благородной, выносливой и мудрой.

Любовь безмерна, но то, что она не ведает границ, может опалить какого-нибудь неповинного, ни в чём, человека. По справедливому утверждению Чехова, у её двери должен стоять кто-то, время от времени ударяющий в неё молоточком... Ведь несчастливых судеб в этом мире встречается несоизмеримо больше.

Когда мы любим, то различаем красоту во многих вещах, которые раньше от нас были сокрыты. Благодаря просветлённой душе наши глаза видят небо и землю, вроде бы, более прекрасными, но мы забываем, что они

такowymi и являются. Любовь помогает нам заново открыть окружающий мир, и увидеть всё в истинном цвете.

Любви, конечно, присуща полнота жизни. Всё переливается в ней через край, бурлит, клоочет, повергает в неопишимо восторженное оцепенение. Жизнь полнит душу влюблённого человека восхитительной весной.

Любовь – высшая гармония человеческого духа! В ней нет надоевшего и часто встречающегося однобокого пристрастия, как нет и пустого удовольствия, в конце концов, приносящего одни огорчения. Любовь развлекает душу необычными волнениями, и они не утомляют её, а только исцеляют.

Родина любви – всегда незапятнанное ничем настоящее. Из-за своего прошлого человек становится угрюм и молчалив, будущее же его пугает. Лишь в необозримой дали открывающегося здесь и сейчас праздника жизни он обретает для себя желанное спасение, и ни о чём не жалеет.

Самая продолжительная жизнь в любви ничем не отличается от самой краткой. Ведь настоящее для всех равно, независимо от того, сколько оно длится. Влюблённые как будто лишаются минувшего и грядущего, живя лишь мгновением, которым истинно владеют.

Природа установила для каждого человека свои ступеньки любви, преодолевая которые он, тем не менее, всегда тянется кверху. Счастлив тот, кто достиг своего чувства: значит, он способен идти дальше. Глядя на него, и другие начинают совершенствовать свои небольшие завоевания, и так незаметно утверждается на земле любовь. Но благословенны среди них только последние, ибо они – в начале пути по чудесному постижению Вселенной: первыми быть невозможно, потому как постижение вечно.

Очень важно уважать в людях, к коим любовь ещё не пришла, её желание, а оно живёт во всяком. Есть жизнь – есть время достичь любви, только не следует при этом унывать, когда она не приходит. Надо уметь ценить свои желания, потому как от этого зависит многообразие будущей жизни. Нет в ней человека, который бы не мог любить, есть лишь тот, кто не хочет.

Источник любви – в нас самих. Он не перестаёт журчать по мере того, как мы раскапываем его. Пробиться ему наружу поможет только наша решительность и неутомимость.

Чем человек умнее и добрее, тем больше он замечает в людях любви. Даже когда они сами в себе ещё ничего не распознают. Но трудно привести к любви нравочениями, легче – духовным примером.

Любовь разрешает все противоречия жизни. Что считалось без неё запутанным – она делает ясным, во всём разуверившееся – надёжным и исполнимым, а недостижимое – достижимым... Любви по плечу любые преодоления, и она может противостоять чему угодно.

Любовь ничего и никого не боится, а сердце её совершенно лишено страха. Одежда её всегда легка и прекрасна, и она никогда не ветшает. Все

краски мира бледнеют и делаются незаметными при свете её внутреннего солнца, а тёмные силы блёкнут и затмеваются перед её душевной чистотой.

Любовь будит во всех только доброе начало. Она волнуется и поднимает человеческое сердце на недостижимые для него ранее высоты, где величие духа всегда находится в соответствии с величием мира. Влюблённый там обнаруживает для себя рай, не покидая при этом земли.

При своём пробуждении любовь не задаётся вопросом: чего бы доброго ей совершить сегодня или завтра? Она просто живёт этим добром, дышит и думает только о своём животворящем внутреннем солнце. Кого-нибудь да заденет радужная частица её света, и унесёт с собой к предназначенной ему божественной жизни.

Любовь – жемчужина самого высокого достоинства, какое только можно себе представить. Тысячи желаний достать её – порой не хватает. К этому богатству следует плыть долго, может быть, многим человеческим поколениям, и лишь кто-то один обретёт желанное довольство, не переставая совершать при этом скромные сердечные благодеяния. Тот богаче всех в любви, кто помнит свои грехи, забывает о содеянном когда-то добре и довольствуется малым.

Любовь – восхитительная гавань, к которой стремятся все. И она любому доставляет умиротворение и покой, если он того достоин. Любовь – отдохновение у бушующего моря жизни, что неприкаянно носит человека, а прибывает только в том случае, если он не утонул, обретая в сердце любовь.

Любовь отличает умение и заботу, присущее только матери, бдительность же её не знает границ! Нежность, терпение и ласка – это только маленькая толика того, что она способна дать. Любовь осеняет всех, подобно Богородице, что в каждом видит своего сына и дочь, желая всем любви.

Любовь, должно быть, способна погасить в себе все желания, потому как она уже удовлетворила их. Вернее, возвела на недостижимую для зависти высоту, где обрела мудрость простоты. Два невидимых крыла – истина и красота возносят любовь над человеческой природой, в тоже время, призывая каждого из людей увидеть в себе присутствие божественного света.

Любовь – повсюду, её нужно только отгадать в чистоте весенних предощущений, звонком пении птиц, свежем дыхании только что зародившегося ветерка... Любовь носится в воздухе, к каждому готова прильнуть, но не всякий её угадывает и принимает. Любовь на то не обижается, она у всех на виду, и многие могут её обрести, если захотят.

Великое благо иметь любовь, какую мы желаем, чтобы она осеняла наши душевные взоры, и не были они замутнены людской несправедливостью, а мужчина бы жил в единении с Божественной Природой. Тогда она и дарит ему ту самую женщину...

Нет, говорят, возврата на жизненном пути, когда вдруг спохватился о том, что любви у тебя так и не бывало. Но главное, что ты о ней подумал, а значит – уже возжелал в своём сердце. Маленьким огоньком зажжётся она тогда в твоей душе, будет теперь светить в глазах, и всякий взглянувший в

них – тоже, быть может, задумается о любви. Грустно станет такому человеку и хорошо, словно увидел он еле пробившийся росток, обрадовался за него и тотчас испугался: хватит ли тому силы подняться?

А праздник великой благодати только впереди! Любовь терпеливо ждёт людей, чтобы подарить им свои чудесные мгновения и наладить жизнь. Учит не рисковать многим, но для очень большого себя готовить. Может быть, для бесчисленных забот о женщине, которая будет рядом с тобой, и о своих детях...

Несмотря на то, что любовь витает повсюду, она – далёкий и нескончаемый край, который кто-то, всё-таки, видел, и даже жила там. Хорошо повстречать такого человека на собственном пути. Спрашивать о многом, слушать и молчать, дотягиваясь до всего самому, а потом, когда настанет время, отправиться дальше.

Не всегда на этом пути переживаешь восторг. Всё больше – необходимость движения по нему, как хорошо затверженный в душе божественный урок, что не исполнить нельзя. Но что-нибудь, однажды, да подтолкнёт тебя к свету, про который, иной раз, и думать забыл. И опять рвёшься к нему, не теряя времени в пустых мечтаниях, бежишь от ужасных теней сладостного времяпрепровождения. Сама дорога к любви – невероятно сладка в своём незаметном созидании.

Никто не может отнять у нас любовь, если мы её обрели. Слишком много было пролито крови сердца, чтобы победило невежество. Возложенную на нас Богом любовь следует пронести через всю жизнь с честью.

У любви имеются и свои волшебные помощники, порождённые Божественным Мирозданием. Они – совершенно разнообразны, и как будто исподволь влияют на наше настроение. Ими могут быть луна, звёзды или море. И, конечно, времена года...

Любовь, как и человек, имеет свои законы развития. У неё есть бурлящая весна, томительно роскошное лето, благородная осень, для кого-то оказывающаяся дождливой, и зима, полная загадок, тайн и недоговорённостей, хранящая любовное тепло и уют.

Если представить нашу жизнь сутками, то любовь в них – самое утреннее из всех чувств. Соответственно, и весна, несущая в себе пробуждение, присуща любви наиболее полно, чем другие времена. Недаром местом зарождения любви считается область сердца, а временем – весна. Сама любовь – это весна души, полнящаяся восторженными песнопениями.

Весной любовь всегда манит даль... Иногда она стремится в ней подняться к солнцу, но крыльев не обжигает, и на скалы не падает. Кружится в его лучах, играет, а потом вновь, без усталости, пускается в бескрайнюю дорогу, и никогда не срывает цветов, лишь впитывая их аромат. Так она готова идти и лететь бесконечно.

Даже весной любовь не всегда придумывает себе милые слова... Чаще она обходится без них, одним лишь голосом сердца. И ещё – волшебными

звуками, наполняющими собой всё её существо. Любовь говорит языком солнечного света, шелковистых трав и птичьих волеизъявлений.

Весна бросает влюблённых в объятия друг друга, и они не в силах сдержать своих чувств. Да им этого и не надо, слишком хорошо всё то, что с ними в эту пору происходит. К кому-то любовь может прийти и осенью, и зимой, но только весной влюблённые могут почувствовать, как они сильны.

Для того, чтобы вызвать страстную любовь в женщине, мужчине нужно околдовать её своими любовными чарами. Ни щекотания женской шейки тремя петушиными пёрышками, ни заклинания над истолчённой в вине ящерицей тут не помогут. Любовь разбудит только внутренний мир мужчины, отражающийся в его глазах. Чем они бездонны, тем глубже может быть любовь к нему женщины.

Мужчину же очаровывает в женщине её нега. Состояние блаженства, услада во всех чувственных потребностях и мечтательное забытие. В роскоши и неге женского тела мечтает жить мужчина, чтобы все трогательные прихоти этого тела были к его услугам.

С негой мужчина и обходится с женщиной – бережно, заботливо, чуть ли не балуя. Говорит и оказывает только нежности, выражая ими свою любовную привязанность. Женщина ему – нежный друг, он ей – ласковый повелитель: лишь вдвоём можно осилить всю эту восхитительную благодать.

В делах любви, вообще, не стоит кому-либо доверяться. Настоящая любовь сильна духом, и она в состоянии совладать со всеми препятствиями. Как только любовь споткнётся – её уже нет, а устраивать чужое счастье – занятие неблагодарное. Куда как лучше любить самому.

Чтобы всё в женщине было не тронуто и чисто, мужчине самому не терпится поддерживать в ней это благодатное состояние. Жить с трепетной надеждой, что чувства его не истают, и ему не придётся когда-нибудь держать своё разбитое сердце в ладонях. Ни о чём таком мужчине даже не хочется думать, а только радоваться своей силе, и любить. Разве можно себе представить, что откажешься однажды от любви?!

У любви ещё масса добродетелей... Любви невозможно не покориться, потому что она всё равно победит. Часто принято думать, что любовь слепа, а она, наоборот, проницательна. Целомудренной её, конечно, назвать нельзя, ибо любимый человек желаем, но разве хуже та искренняя чистота, с какой любовь женщины доверяется мужчине? Родник этот очищает всё, к чему прикасается.

Любовь не имеет возраста, поскольку доступна как старику, так и юному созданию: каждый из них способен быть охваченным ею беспредельно. Любящее сердце справедливо: на одну красоту оно не смотрит, потому что красива не красавица, красива любимая. Ну, а с добрым мужчиной и не красивая станет пригожей.

Любовь не знает стыда, потому как ни перед кем никогда не похваляется. Она – уже половина счастья в жизни, если человек её встретил.

И хоть заставляет любовь есть мужчин грошовые лепёшки, мужчины от того только лучше становятся.

Любовь – душа обоих, что не могут прожить друг без друга, и каждый из них готов принести в жертву своё сердце, а значит - и саму жизнь. «Пока не пожертвуешь душой – не обретёшь любимую», - говорят мудрые люди. Любовь – пламя, не ведающее преград, она живёт стремлением к всеохватному добру.

Любовь – это такое влечение мужчины и женщины, что их ничто не может остановить. Они угадывают друг друга по ведомым только им запахам, блеску глаз, неуловимым для других движениям тела и исходящей от них энергии. В своей страсти они ничего не боятся, не боятся быть для кого-то смешными. Они, вообще, не замечают никого и ничего, им не достаёт только друг друга. Отношения их при этом тем долговечнее, богаче и глубже, чем богаче и глубже они сами.

Любовь – одно из проявлений божественной энергии, но сначала необходимо найти её в себе, и только потом отыщешь её повсюду. Когда вы обнаружите в себе любовь, вы поймёте, что самое главное переживание в вашей жизни свершилось: вы хотите излить любовь из своего сердца, испытывая огромное удовлетворение.

Любовь, конечно, есть и у животных, и они, так же, как и человек, жертвуют в ней собой ради своего партнёра и детей, но происходит это на уровне природного инстинкта. Любовь у животных – часть их биологии, она от них не зависит и является способом воспроизводства себя, протекая чисто механически, бессознательно. А у людей любовь может стать творчеством, если они будут достаточно чувствительны к красоте, пробуждая её и в себе. Всё зависит от самого человека, он должен пробудить в себе это прекрасное чувство, создавая нечто новое, не существующее до него, и потому любовь у каждого человека – индивидуальна.

И всё же, любовь человека вырастает из природной биологии, во многом мы схожи в выражении своего чувства с животными, и половые отношения между мужчиной и женщиной остаются, хоть они и второстепенны. Разве только, что мы смотрим в глаза друг друга, когда сливаемся в любовном экстазе, животные же – не обращены в этот момент к своему партнёру, они остаются друг для друга чужими, ими движет только природа, и их глаза не выражают никакой благодарности. Любовь человека – не безлична, она несёт в себе радость и благодарную улыбку.

И, тем не менее, многим людям далеко до любви божественной, когда животное в них исчезает, и остаётся только желание бескорыстно делиться собой и всеми достижениями, оставаясь творцом в своих чувствах. Какой бы чистой земная любовь ни представляла, она, всё-таки, обусловлена: ей всегда сопутствуют какие-либо причины, которые её порождают, и находятся другие причины, сводящие любовь на нет. Но мы все рождены для чего-то более цельного и необходимого для всех нас, что не может умереть, и это - любовь, которая ничем не обусловлена.

Такая любовь пронизывает сердца всех и всех объемлет, и такое чувство приходит в результате долгого духовного поиска, и оно преисполнено глубочайшего сердечного благоговения. Это – вселенское чувство, и оно, конечно, выходит за пределы плотской любви между мужчиной и женщиной. Кажется, как долго, должно быть, следует идти к нему...

Но никакой путь не может привести туда, где ты и находишься. Ведь это – вселенское чувство, а значит – оно уже должно присутствовать везде и всегда. Безграничность этой вселенской любви уже живёт в сердце каждого из нас, и нужно лишь научиться открыть её и принять.

Обычная земная любовь приходит и уходит, когда изменяются какие-то условия, вселенская же ничего не обещает, она только даёт. Эта любовь уже необыкновенна в том виде, в котором существует, и она переполняет сердце покоем и радостью, что существуют независимо от каких-либо условий. С такой любовью каждый миг переживаешь совершенство, и этот миг раскрывает тебе жизнь во всей красе. Но земная любовь неотделима от неё.

Ведь всё сущее принадлежит единому всеохватному чувству Вселенской любви, где всякая человеческая судьба – есть часть этого единого Целого, и любовь необходима для его здоровья и чистоты. В этом – гармония Целого, призванного безмятежно существовать без каких-либо условий. В этой Вселенской любви всё происходит радостно, без страданий, а каждая человеческая душа должна реализовать для её совершенства заложенную в себе божественную искру. У женщины разжечь её получается более естественно, и, выходя в своей сердечной работе за пределы повседневности, любовь её обретает совсем иное качество...

Лишь такая любовь долговечна, и она никогда не превратится в обыденную рутину, потому как обращена не только к любимому человеку, но и ко всему Мирозданию. Быть влюблённым во всё, что тебя окружает, более присуще именно женщине, нежели мужчине, и её любовь – это молитва божественному миру. Женщина позволила себе быть в нём самой собой – великодушной и прекрасной, и, отбросив это, несёт в обыденную жизнь праздничный свет.

Жизнь полна чудес, и эти чудеса способна видеть именно влюблённая женщина, что никогда не утрачивает в себе чувство удивления. Мужчины часто остаются слепы, когда её сердце переполнено благоговением перед этим божественным миром, и она, в отличие от них, испытывает истинный восторг при виде нежного заката и трепетного шелеста молодой листвы, отличая в придорожной пыльной траве трогательную синь васильков... Она всё чувствует, пропуская через себя течение жизненных соков земли, воды и небес, живя душой напряжённо, страстно, как будто это – её последний день на земле, наполненный невероятным чудом, и женщине хочется поделиться им со всеми.

Женщина живёт и принимает жизнь, как чудо, ибо она сама – чудо, магия же любви превращает её в богиню. Женщина в любви изливает в окружающий мир благодатную радость, она именно жизнерадостна во всём,

чего бы её внимание ни касалось. Душа женщины распахнута, она позволяет жизни проникать в себя и, конечно, быть любимой. Мужчины – не пропускайте возможности радоваться жизни вместе с ней, не умничайте, а любите женщину, как и Бог всех нас любит. Не упустите своё самое великое счастье: праздник всей вашей жизни!

О любви, наверное, не сказать ничего нового, как бы глубоко не проникся этим чувством. Но и высказать всего невозможно: столько она рождает разных ощущений – великих и горестных, восторженных и печальных, незабываемых и трогательных. Только лёгкая грусть украдкой ложится на твоё сердце, как-то по-особенному остро горят глаза, и губы вздрагивают в невидимом поцелуе. «Любимая», - еле слышно шепчешь ты, непроизвольно протягиваешь руки и оживаешь... Любовь – твоя судьба.

Однако, мужчине, в отличие от женщины, редко удаётся угадать свой жребий, и провидение чаще оказывается на стороне женщины: смысл существования для неё – любовь. Но если, всё-таки, мужчине удаётся постичь жизненную тайну, можно считать, что жизнь не прошла для него даром. Правда, это не говорит о том, что для его души не последуют следующие воплощения, ибо мало открыть собственное предназначение, важно выстроить свою дорогу к Богу, и достойно следовать ей: ребёнком, юношей, зрелым мужчиной и стариком.

Мужчина только тогда станет осознанным, когда научится с благодарностью принимать всё, что даёт ему жизнь. Творческое отношение к жизни необходимо проявлять всегда, особенно – в преклонные годы, причём, с ещё большей отдачей, и тогда радость никогда не покинет твоего сердца. Блажен, кто испытывает любовь к жизни вечно, как это выходит у женщины, что незаметно несёт в своём сердце счастье и радость.

Любовь становится состоянием твоей души, когда перестаёт от чего-либо зависеть. Теперь любовь для тебя – религия, сознание твоё очищено от каких-либо обусловленных действий, и вся энергия души направлена на созидание, когда она ничего не требует взамен. Сердце твоё переполнено любовью ко всему миру, иначе и быть не может: ведь ты не ищешь для себя никакой выгоды, ты сам – любовь.

Когда ты любишь – ты готов распахнуть душу всему миру, и с кем бы ты не находился, ты изливаешь на него свою любовь, потому, что не можешь этого не делать. Любовь становится потребностью твоей души, в этом – смысл жизни, и пока ты жив, ты должен учиться преумножать свою любовь. Погрузись в неё – там живёт Господь.

Говорят, что любовь обманчива, но это не так: просто – она редкое явление, и приходит только к тому, кто готов посвятить ей всю жизнь. Любовь должна стать внутренней необходимостью, как у женщины, что, в отличие от мужчины, не допускает к ней никакого легкомыслия.

Женщина, несомненно, переживает более глубокое чувство, нежели мужчина, потому что живёт сердцем. Ей руководят чистые эмоции, а не логика, она не способна в своей любви просчитывать, поскольку женщиной правит правое полушарие, отвечающее за воображение и чувственное восприятие жизни. Когда ты живёшь по законам сердца, любовь твоя безмерна, тебе открывается божественность мира, и в этом душевном устремлении женщина намного превосходит мужчину. Ведь если ты не стремишься познать красоту Вселенной, и выразить её всем сердцем, ты лишаешь себя возможности стать осознанным, то есть – поднять своё сознание. А путь женского сердца прекрасен!

В своей любви женщина великодушна: она даёт возможность мужчине быть счастливым, оставаясь самим собой, и готова всегда разделить с ним и радость, и боль. Это так важно: уметь оставить человека наедине со своими мыслями и чувствами, не переставая любить его.

В любви женщина понимает, что мужчиной нельзя владеть, он – не её собственность, и как бы она не любила, мужчина – независимое существо. Природа не зря позаботилась о женщине, наделив её большой сердечностью и терпением: если великодушное сердце женщины не ограничивает свободу мужчины, у него просыпается к ней уважение, и любовь между ними ещё более расцветает. Женщине приятно любить мужчину просто ради торжества любви, и она это делает с огромным удовольствием!

В глубине своего сердца женщина знает, как нужно праздновать жизнь, и хорошо, если мужчина ей в этом помощник. Но она не навязывает ему это знание, а терпеливо несёт в себе, проявляя по отношению к мужчине свою заботу. Максимум, что она может сделать для мужчины, это просто любить его, не стремясь обладать им, и в этом – проявление её божественного великодушия.

Всё в мире сотворено из божественной энергии, только сначала необходимо обнаружить её в себе. Тогда тебе станут доступны в понимании иные существа – деревья, камни, рыбы и звёзды, но как-то так вышло, что женщина прониклась их существованием раньше всех. Она однажды услышала эту божественную музыку природы, и наполнила ей свою душу, отчего жизнь, для неё самой, стала настоящим праздником, несмотря на всю зависимость её существования от мужчины.

Мужчина был уверен, что именно он познаёт мир, тогда как женщина уже давно почувствовала его в себе, и, отказавшись от какого-либо эго, присущего мужчине, понесла в себе зарождение новой жизни. Женщина сердцем поняла, что продлить божественное существование можно только с любовью, отдавая все богатства своего сердца, потому как всё сотворено из любви. Мужчина же редко осознаёт, что у него есть любящее сердце.

Если мужчина стремится завоевать природу, то женщина чутко прислушивается к ней. Мужчина даже и не догадывается, что это и есть высшее понимание природы, когда живёшь во внутреннем слиянии с ней, как это происходит у женщины. Женщина всё чувствует и понимает в

окружающем её мире, но у неё порой не хватает слов, чтобы выразить чуткое отношение к природе, и тогда она просто изливает миру свою любовь.

Мир таинственен и многообразен, но женщина раньше мужчины понимает, что лучше наслаждаться жизнью, чем пытаться разгадать её тайны. Ведь тот, кто живёт сердцем, получает большее удовлетворение, и через это чувственное слияние с природой невольно осознаёт таинственность окружающего мира. Величайшее понимание заключено в том, что в природе невозможно всё разложить по полочкам, с помощью разумного объяснения, и проникновение в её тайны возможно лишь с любящим сердцем, как это устроено у женщины. Немногие мужчины способны на это.

Радоваться жизни так, как радуется женщина, не способен ни один мужчина. Основа радости заключена в том, когда ты всецело отдан одному делу, но пока мужчина его обнаружит! Большинство из них и не пытаются это делать в течение всей жизни, тогда как женщина сизмальства наполнена радостью постижения этого чудесного мира, внутренне готовя себя к материнству. Она приходит к пониманию этого сама, и в отличие от мужчины уже с ранних лет имеет своё мнение, которого мужчине ещё нужно долгое время добиваться. Скорее всего, именно через женщину впервые приходит к мужчине Бог, и он должен быть для этого открытым.

Правда, изящный женский ум часто терпит поражение от продуманной логики мужчины. Но при этом женщина не вступает в борьбу с мужчиной, иначе бы она потеряла в себе главную ценность: связь со своим божественным чутким существованием. Женщина, несмотря ни на что, продолжает наблюдать внутри себя самое красивое – любовь, и как она прекрасна в том, что не поддаётся мужчине: женщина не прекращает любить.

Женщина проживает жизнь, следуя своим интуитивным настроениям, и что бы с нами, со всеми, случилось, прекрати она это делать?! Истинное бы существование удалялось от нас всё дальше и дальше, мы бы превратились в машины, но женщина нас спасает, ибо живёт воображением, а значит – и жизнь вокруг приобретает изящное светлое качество: даже обычное становится необычным. Интуиция – сердце и ум женщины, она живёт тонкими предчувствиями, порой они – внезапны, но и непредсказуемо прекрасны, потому как – неповторимы!

Женщина, в своих воображаемых представлениях, ожидает отклик в сердце мужчины, но он не угадывает её прелестную игру. Она призывает его перестать спать, принуждая пробудить сознание, тем самым являясь для мужчины благословением в его жизни. Ведь женская сущность более мужской соединена с Целым, она даёт начало жизни, и всегда настроена на самоотдачу, оттого это Целое её и округляет, привнося в её тело красоту, а в поступки – гармонию.

Вот и человеческое сердце имеет, скорее всего, женскую основу, оно – изящно и чисто. Именно женское сердце, в первую очередь, отходчиво: у него и уши, и глаза есть, и о другом сердце оно готово с радостью заботиться.

Нет для женского сердца преграды, одна сердечная благодать, и женщине оттого хорошо и легко быть задушевной, любящей.

Женщина знает, что она прекрасна, и от одного её присутствия у мужчины начинает петь сердце. Благодаря его любви, женщина будто завершает себя, душа её переполнена радостным чувством сопричастности мужскому началу, без которого бы она не чувствовала себя до конца свободной. Мужчине же свободу дарит обретаемая с женщиной цельность, когда он вдруг начинает чувствовать себя зрелым. Женщина дополняет мужчину, мужчина – женщину, и так, с любовью, они находят друг друга, именно ради этого дана жизнь, а начало ей порождает женщина.

В жизни беспредельны только терпение и любовь женщины... Истина эта, казалось бы, очень проста, однако беспокойный мужской ум пытается порой эти вещи сделать сложными. Мужчина любит сложность, ему кажется, что в этом есть какой-то таинственный смысл, и он всеми способами поддерживает в себе серьёзность, не желая отказываться от господства ума над собой. А женщина всего лишь терпеливо любит окружающий её мир, и не намерена нарушать своё доброе отношение к нему: она ничего не отрицает, принимая с любовью.

Женщина наделена простым знанием, что каждому человеку нужна любовь, мало того – каждый тоже хочет любить, и на своём отношении к жизни она показывает, как это просто, если ничего не выдумывать. Нужно просто любить, быть открытым, распахнув навстречу жизни свои душевные объятия, приняв её, какой бы нелёгкой она не воспринималась, и мир тоже примет тебя. Так принимает Существование любящую женщину, несмотря на то, что её во все времена за это преследовали. Но для любящего сердца нет преград, ведь оно – настоящее, и не может не изливать сердечность: в этом – собственная истина женщины, и, делясь своим сокровищем, она не становится нищей, обретая свободу.

Свобода – это когда ты ни от кого не зависишь, а берёшь всю ответственность за своё существование на себя. Женщина в этом смысле абсолютно свободна: она даёт начало жизни человеку, и потом создаёт это человеческое существо. При этом она не чувствует, что совершает нечто особенное, точно так же, как и беспомощной её назвать нельзя.

Собственным жизненным опытом женщина утверждает созидание, только любя, и это – удивительно! Невозможно не понимать, что в такой внутренней душевной работе женщина не может не становиться настоящей индивидуальностью, то есть – более сознательной. Она, конечно, изменяется, и всё, к чему женщина прикасается – волшебным образом преобразуется: особенно – люди, что ближе всех связаны с ней. И дети, и муж, и близкие родственники непременно увидят в действиях женщины великое благоговение, они сами испытают его, и уже не будут прежними: не замечая того, они станут добрее.

Жить без любви к женщине – большая скука! Любовь к женщине – это весна в сердце, как можно обойтись без неё? Ну, а ежели женщина тебя

полюбит, то случается с тобой нескончаемый праздник... Как ты мог существовать без женской любви раньше, да и чего стоит жизнь без любви?!

Любишь – и ощущаешь, что ты – часть великой природы, ты – не наблюдатель, а участник, с радостью переживая этот чудный праздник. Жизнь без любви к женщине утрачивает всякий смысл, не представляя никакой ценности. И жизнь, и любовь – неизмеримы, они – истинное наслаждение!

Любовь женщины к мужчине может стать истинной поэзией, если он поймёт, что она – бесценна. Бесценно сердечное женское переживание, несравнимое ни с чем. Любовь женщины может быть так глубока, что, кажется, не познать её тайну, но, всё же, она нуждается в том, чтобы стать с мужским переживанием сердца одним целым.

Случается такое – и это истинное соединение душ мужчины и женщины, жаждущих в своей любви дотянуться ими до звёзд... И всё-таки, женщина имеет своё любовное видение, оно неподражаемо чудесно, и, наверное, приходит к ней как дар. Любовь – её истинная природа, и у кого и существует истинная любовь к Вселенной, так это – у женщины!

Вы спросите: почему? И я отвечу: женщина спокойно и незаметно, в отличие от мужчины, уважает и принимает в себе естественное человеческое существо, свою чистую природную суть, и это делает её прекрасной. Естественная радость заключена в самой природе женщины, это и придает ей душевное тепло. Через это тепло женщина постигает в себе Бога, оно и есть источник её любви.

Большинство людей не понимают – кто они, и скорее воспринимают себя через видение их другими людьми. Так им легче представлять – чего они стоят. А как, чаще всего, оценивают тебя люди? В первую очередь, по твоему положению в обществе – узнаваем ты в нём или нет, умён, богат или красив?

Общество привлекают успешные его члены, только им хочется подражать и завидовать, и в этом устремлении нет никого, равным мужчинам. Но зачем им подобное желание: выглядеть особенными?! А устремление это связано с тем, что люди просто не знают – кто они такие, они живут чужим мнением, иное понимание своего бытия у них отсутствует, и оттого жаждут своего признания. Они мечтают доказать своё превосходство, потому как глубоко внутри ощущают себя неполноценными людьми.

Но быть несчастным легко, любой может стать им, а вы попробуйте жить радостно, как женщина, что каждый день отдаёт себя всем, без остатка. Поэтому несчастных людей – пруд пруди, для этого не нужно прикладывать никаких душевных усилий. А вот чтобы переживать в душе любовь, и изливать её в мир, нужно порой пожертвовать очень многим. Причём, с радостью, несмотря ни на что, потому как любовь нужно заслужить, всем своим нежным, трепетным сердцем, и на это способна только женщина.

Если мы уважительно посмотрим на женщину, то увидим, что она не упускает в своём сердце любовь. Женщина, в отличие от мужчины, как раз внимательна к себе, потому что не может обойтись без любви, и не в её природе заниматься самообманом. Она прекрасно чувствует свою связь с божественным миром, ей не нужно искать проявления к себе любви, поскольку любовь – её суть, и в проявлении этой любви – женщина совершенна.

Всё дело – в сердце, и если оно есть, нет нужды произносить какие-либо слова в защиту достоинства глубокого чувства. А женщина любое дело пропускает через свою сердечность, потому что в ней не развилось эго, она его просто однажды отбросила, и изменять своей природе женщина не намерена. Она достойно проживает тайну своей любви, потому как чувствует сердцем: Царствие Божие внутри нас.

Женщина, всем своим образом жизни, быть может, потому и изливает в этот мир любовь, что благодарит Господа за дарованную ей возможность любить. Это – её молитва Богу, её глубокая признательность за то, что Он избрал её в качестве проводника любви в существование людей. Женщина в полной мере принадлежит Богу, а Он – ей, ибо она – Его самая любимая божественная доля, и великое достояние для мужчины, что он обязан, как зеницу ока, её оберегать.

Счастье для женщины – здесь и сейчас. Для него не нужно создания каких-либо определённых условий, оно естественно, как это и случается у неё. Кажется, женщина даже не подозревает о своём счастье.

Глядя на женщину, когда она ухаживает за детьми, и не скажешь, будто бы она слышала о его существовании: она счастлива просто от того, что происходит в этот момент. Женщина ничего не знает о каком-то неведомом счастье, что существует где-то далеко от неё, за тридевять земель, а живёт с любовью тем, что у неё есть сейчас.

Любовь – её дыхание, женщина не может жить без любви, и для такой любви не нужны какие-либо особые условия, они не создают счастья. Мужчинам необходимо учиться проживать мгновение с радостью, как это незаметно делает женщина, и они почувствуют себя наполненными. Важно научиться пить обычную воду с радостью, и она превратится в божественный источник.

Женщина даже не просит понимания, она приносит его. Столько веков её принижали, она прошла через всё, что только можно было пройти, но, тем не менее, не выступает против любви. Любовь ещё более расцвела в ней, как бы это странно не звучало, и расцвела она благодаря самой женщине. Мужчикам бы следовало вернуться мысленно в историю, посмотреть и прочувствовать, как женщина жила простой человеческой жизнью, и, несмотря ни на что, любила.

Женщина собственной судьбой приносит мужчине осознание не только себя, свою трепетную душу, но и его самого для лучшей жизни. Она не таит в себе обиду за непонимание её мужчиной, а живёт как пёрышко, не

касающееся земли. Божественная милость окружает женщину, и оттого легки её мысли и деяния, а мужчина, соприкасаясь с нею, тоже постепенно становится милостивым и лёгким, будто наполняясь красотой и светом, высвобождая в мир спавшую в нём энергию, а когда высвобождается энергия – приходит радость.

Женщина слегка вам улыбнулась – и уже где-то глубоко внутри вас начинает распространяться улыбка. Это происходит потому, что заблуждение ваше рассеивается, вы начинаете чувствовать себя счастливым. Вам хочется стать заботливым и нежным, вы теперь убеждены, что это не только качества, принадлежащие женщинам, они присущи и вашему, мужскому бытию. И тогда вы увидите, как прекрасен мир, вы почувствуете в своей душе полёт, и вам, действительно, захочется быть собой.

Это – послание женщины мужчине, которое нельзя передать словами. Его возможно сообщить только в сердечной тишине, чего женщина никогда и не прекращала делать. У неё хватало терпения выражать любовь к жизни своим существованием, продолжая сеять её вопреки часто переживаемому разочарованию, исходящему от мужчины.

Но на самом деле раненым чувствовало себя это мужчины, а не женщина. Она всегда терпеливо ждала, что когда-нибудь мужчина проявит к ней сострадание, направит свою энергию по верному руслу, и любовь, наконец, восторжествует.

Женщина всегда за любовь: как это можно объяснить? Было бы странно, если бы её не волновало это чувство. Вопрос не в том – любит ли её мужчина или нет, главное – любит ли она его, ибо любовь для женщины – нечто божественное, и со временем она не может не становиться глубже и глубже.

Для мужчины такая любовь – прекрасное откровение, и в его понимании она до сих пор была невозможна, но после того, как мужчина встречает свою женщину, он, незаметно для себя, начинает ощущать себя сильнее. Всё вокруг него становится прекрасным и удивительным, то, чего он раньше не замечал – обретает смысл, он теперь остаётся верным каждому своему слову. Что же такого произошло с ним? Он – изменился!

В общем-то, совершенно естественное дело, когда жизнь меняется: пожалуй, это единственное, что в существовании всего живого остаётся неизменным. Но вот мужчина, узнав женскую любовь, подвергается перемене кардинально, будто это вовсе и не он, а другой человек, и он, как и женщина, теперь стоит за любовь, желая охранять её настолько глубоко, насколько только это возможно. Он и другим советует быть всегда в любви, но не держаться за неё, а воспринимать, как нечто божественное, дарованное небесами.

Счастье и радость – природа жизни, а любовь – природа женщины, и вместе они неразделимы. Женщина счастлива просто от того, что может любить, сердцем она понимает: жизнь – это блаженство. Но такое восприятие жизни возможно лишь для любящего человека, а любовь изначально пребывает в сердце женщины, и она не может быть иной. Жизнь

в любви для женщины – благословение, и она благословляет в себе этот божественный дар, любя.

Вот и красота женщины – от её божественной природы, она дарована ей, и женщина принимает красоту с радостью. Из женской красоты рождается любовь, потому что женщина принимает себя такой, какая она есть, она признательна Богу за предоставленное ей счастье. Женщина наслаждается своей красотой, она купается в ней, радость её при этом неизмерима, и разве возможно представить себе женщину, пресыщенную своим прелестным обаянием?!

Вечный источник радости для женщины – сама жизнь. А для мужчины радость – в женщине, разглядевшую эту радость в себе. Прекрасная женщина всегда осознаёт своё прекрасное существо, и из-за этого она выглядит ещё более прекрасной. Причём, искусство погружения в себя не представляет для неё никаких затруднений, она с лёгкостью осуществляет это ежеминутно, и мужчине следовало бы поучиться у женщины умению жить в согласии с собой, в любой момент проникая в свою природную глубину. Мужчине не достаёт познать источник собственной жизни, чтобы его природа тоже приносила ему радость, и он бы во всей полноте ощущал вкус своей любви.

В женщине цветы любви, кажется, не перестают произрастать, и сознание её, по мере общения с окружающим миром, только ещё более развивается, а цветы хорошеют. Женщина этого колдовства в себе даже не замечает, она – сама цветок, источающий аромат. Она полна и радости, и любви, и блаженства, каждая клеточка её чудесного существа пребывает в танцующем восторге, и разве можно пресытиться этим танцем?

Даже когда женщина не влюблена, в ней не иссякает желание делиться этой радостью, потому что природа её связана с Богом, переполненным любовью. Женщина изливает любовь всегда, переживая в душе божественное чувство, и любовь её, подобно солнечному дождю, льётся нескончаемым потоком. Ведь женщина знает о себе всё, она давно уже проникла в глубины своего существа, и её нескончаемая любовь переливается через край. Любовь – самая совершенная энергия во Вселенной.

Любовь, конечно, величайшее искусство, и ремеслом этим мужчине тоже надлежит овладеть, проявив немало терпения, выдержки и упорства. Любовь не падает в объятия первого встречного, её нужно заслужить, накопив в собственном сердце, а уже потом с радостью изливать, никому не ставя при этом каких-либо условий. Стать искренне любящим – вот задача для каждого, кто желает жить в гармонии с собой и Существованием, и это означает не брать, а отдавать. Любовь приходит к тебе только в том случае, когда любишь ты сам, и ты переполнен благодарностью перед этой чудесной жизнью.

Всякого должно переполнять радостное понимание, что твой любимый человек – твоё продолжение, так же, как и ты – его, но приходит оно только после долгого поиска себя. Твой любимый человек есть – и ты счастлив, неудобства и несправедливость жизни не заботят тебя. Они делают тебя

только закалённое, потому что ты несёшь в своём сердце великое чувство, ты воспитал его в себе, и потому оно вечно.

Но печально, если мужчины судят о женщине с позиции силы, а не осознанного отношения к ней: отсюда – отсутствие единства между этими исключительными в своём роде мирами, призванными Богом к гармоничному существованию. На осознанное отношение и к женщине, и к миру мужчина способен только тогда, когда ответил себе на вопрос: кто он, откуда пришёл и зачем, и куда намерен направить свои силы?

Если мужчина ответил на эти вопросы, он непременно проникнется пониманием к внутренней природе женщины, примет её всем сердцем, и главное – подарит ей свою любовь. Душа только тогда может быть твоей внутренней сущностью, когда в тебе проснулось и заработало сознание.

Прислушайся, мужчина, в первую очередь, к себе. К тому, что происходит в глубине тебя, и когда ты научишься вслушиваться в собственную внутреннюю тишину, ты откроешь, как многообразен и чудесен мир, и в этом – большое счастье. Счастье – переживать радость от осознания своей взаимосвязи с волшебным Существованием, и осознав богатство, которым ты обладаешь, тебе останется только изумляться чудесам жизни, отдавая свою любовь женщине, что даёт ей начало.

И это – мудро, а мудрость – как наработанное упорным трудом умение... Без обретения его не обойтись, если решил попробовать жизнь на вкус, и когда ты, действительно, становишься мудрым, жизнь уже не обманет тебя, потому что ты сам не подвёл её. Вернее, самого себя, потому что ты – мужчина, ты научился жить и любить женщину.

Вместе вы теперь переживаете радость: ты нашёл дело своей жизни, и отдаёшь ему все силы, а женщина дождалась тебя. Вы всецело преданны Существованию и друг другу, и оттого сердца ваши ликуют: радуйся, радуйся, радуйся!

«ПОЦЕЛУЙ»

Истинное знакомство с дорогой для тебя женщиной начинается, может быть, именно с того, когда ты замечаешь, как неуловимо вздрагивают её губы. Это значит – она уже понесла в себе зародившееся в мгновение чувство, а губы непроизвольно произнесли, что готовы к поцелую. Сама женщина ещё не подозревает произошедшей в ней перемены, но губы уже неслышно прошептали мужчине своё еле приметное согласие. Угадать его – значит, тоже обнаружить в себе любовь.

Поцелуй – это восхитительное прикосновение друг к другу посредством губ, ими движут душа и тело. Нежней его может быть только соитие.

Аромат поцелуя неуловим, но каждая женщина вдыхает в него свой привкус. Привкус морской соли и вересковой веточки, пряный запах дождя, облетевших листьев или затаившейся в уголке рта лёгкой печали. Женщина не дарит его мужчине губами, запах просто живёт в ней и выражает то, что её более всего занимает, и к чему она прикасается.

Губы женщины предназначены только для поцелуя. В ожидании его они живут, с ним – распускаются. Когда это происходит, губы напоминают томный бутон, готовый лопнуть от переполняющей его ласки. Мужское внимание нежно открывает чудесный цветок, и тот отвечает ему таким же нежным пониманием.

А что сравнится с поцелуем, случившимся впервые? С ним рождается любовь, и начинается новая жизнь. Для обоих – мужчины и женщины, что не в силах уже находиться друг без друга.

Первый поцелуй – это сладость от переживания в себе ещё нерастратченных эмоций. Так радостно ощущать их, надеясь только на хорошее, что непременно принесёт тебе по-настоящему глубокое чувство, и оно, конечно, никогда не кончится.

Первый поцелуй – это всегда свежий ветер, способный преодолеть своей нежностью любые преграды. Он так невинен и смел, что перед ним отступает всякая растерянность и робость. Поцелуй сорвался с губ, но нисколько не истратился при этом, он только обрёл нескончаемое знание любви. Вернее – её предчувствие.

Неопытность в любви – есть чистота этого непередаваемого чувства, а первые поцелуи в ней – самые дорогие. Они не несут в себе скрытой выгоды, и не желают только опьянить. Первые поцелуи – это драгоценные капельки волшебного дождя, что ещё не разразился, но вот-вот хлынет.

Никогда недостаёт одного поцелуя, чтобы выразить переполняющее тебя чувство. За ним просится другой, третий, и все они сливаются в нескончаемую нежную цепь ни с чем несравнимых соприкосновений и немного заверения, что будут любить друг друга вечно.

Лёгкий вздох между поцелуями – сладостная пауза, без неё продление ласки было бы невыносимым. Влюблённым хочется перевести дух, взглянуть в помутившиеся от страсти глаза, и прижаться друг к другу ещё крепче. Чтобы губы могли заново прильнуть к губам, и пальцы рук вновь ощутили

бы трепетность жилки на шее, и горячее дыхание любви влилось в тебя всепоглощающим потоком.

Поцелуй может быть воздушным, еле уловимым, как запах предутреннего ветерка. Нежными яблоневыми лепестками спускается он с небес и тает, но аромат остаётся. Поцелуй прилетит только раз, слегка прикоснётся, а позабыть его уже невозможно.

Поцелуй томный, густой, с чарующим жарким вкусом, обволакивает постепенно и, кажется, навсегда. Сколько требуется для него ласки и любви, знает только тот, кто выносил его в своей душе. Однажды обретя возможность дарить эту глубину, не потеряешь её никогда, отдавая всю свою любовь в поцелуе.

Поцелуй страстный, немой, порождается от нежелания сдерживать любовное нетерпение. Так обессилило в двух жаждущих сердцах его ожидание, что они с безумством срываются в объятия. Ничего и никого не замечая, устремляются они друг к другу, и сливаются в умопомрачительном поцелуе, что уносит их в неведомые чувственные дали.

Поцелуй можно передать и не касаясь любимых губ... Через бокал вина, упругую виноградинку во рту или даже глазами. Вино сразу опьянит, фрукты брызнут еле уловимым сладостным соком, глаза утонут в глазах. Губы только шевельнутся на долю секунды, всё самое дорогое соберётся в тебе в еле сдерживаемый комок, и веки на мгновение сомкнутся...

Поцелуем может стать воздушная кисея дамского платка, ненароком обронённого в твою ладонь. Так женщина похищает у мужчины внутренний поцелуй, сама готовя в сердце будущее сладострастие. Или приколет к его груди цветок, прежде ласково понюхав и чуть прикоснувшись к нему губами, а потом сделает вид, что ничего не происходит.

Но сам поцелуй не может быть хитёр. Он не крадёт, не подличает и никогда не думает только о себе. Поцелуй мечтает всецело принадлежать своей любви.

Но порой любовь опьяняет до безрассудства, и тогда поцелуй может стать губителем. Желая любви лишь для себя, он незаметно присваивает чужую жизнь. Женщина так доверчива, что не в силах заподозрить коварный подвох, и она безоглядно отдаётся своему чувству, а мужчина всё пьёт и пьёт из неё живительный сок.

Истинный поцелуй любви рождается из доброго сердца, и оно не устаёт жить тем, кому отдаёт своё чувство. Доброе сердце создаёт то необыкновенное состояние духа и тела, когда не осознаёшь ничего, кроме замечательной приподнятости, счастья и ощущения невыразимой ответственности за свою любовь. Такой поцелуй нежен и трогателен, потому как, прежде всего, содержит в себе заботу о любимом.

Но бывает поцелуй и ненасытным. Он – от внутренней страсти, что скрытно разгорается и крепнет. И вот, однажды, не в силах сдерживать себя, эта страсть хлынет вдруг наружу, так что всё вокруг полетит – и земля, и небо, и вздрагивающие перед тобой ресницы. Губы, впиваясь в друг друга,

немеют от боли, в какой-то миг становятся безвкусными, а затем опять наливаются необъяснимым ароматом. Так продолжается долго, неизвестно сколько. Прекратить такое страстное слияние губ может только вынужденная разлука.

Расставание для поцелуев – невыносимо. Они, кажется, умерли бы, если б их навсегда разъединили. Поцелуи не могут жить без ощущения сладостных прикосновений: это их неизбывная привилегия.

Губы нежно прикасаются к пальцам любимой женщины, её ладошке, запястью, и всё выше – к таинственному изгибу шеи. А ещё – к пальчикам ног, коленям и бёдрам, что незаметно заворачиваются в роскошную белую раковину. И везде поцелуи кротки, но не стыдливы.

Поцелуи словно знают: всё охватят они своей любовью, и ничего не упустят, а оттого и спешить им некуда. Еле ощутимым придыханием сопровождают они своё ласковое продвижение по телу, в самых нежных местах останавливаются и замирают. Им нелегко миновать их – такие изящные, трепетные и глубокие.

Для поцелуев не существует мелочей, когда бы можно было чем-либо пренебречь: они сотканы из подлинного внимания и ласки. Для них не существует и запретов, которыми можно было бы поступиться. Закон для поцелуев один – любовь.

Любовь соединяется в поцелуях так тесно, что переходит с дыханием из одного сердца в другое. Там она скрепляется ими навеки, и уже никогда не угасает. Любовь копится поцелуями, нежится в них и становится непобедимой.

Губами в поцелуе движет всё твоё существо, и оттого, как ты целуешь – можно судить, что ты за человек. Достаточно ли глубокий и честный, чтобы полюбить в жизни один раз, в полной ли мере добр и нежен. Только по-настоящему великодушный и сильный мужчина не уводит женщину своими поцелуями от неё самой, а сливается с ней.

Такие поцелуи – богатство мужчины, о котором он почти не подозревает. Они втайне берегут его душу, иногда напоминают о чём-то несбывшемся, и несут к дорогой мечте. Поначалу нехотя, но бесстрашно отдаётся им мужчина, а потом забывает, как был далёк от женщины. Поцелуи приближают его к ней.

У женщины поцелуи – тепло и благодать, что она бескорыстно дарит мужчине, и ни о чём не жалеет. Она более создана отдавать их, чем принимать, и чувствует себя при этом необыкновенно счастливой. Без памяти закрывает женщина глаза в своём поцелуе, встречая им мужчину. Как она предана и верна ему в своей любовной сути!

Поэтому и цвет поцелуя у женщины такой мягкий, неброский и очень нежный. Что-то персиковое, приятное, слегка кремовое или сливочное. Ласковое тепло, как от матери в детстве, что только коснётся губ, и всё в тебе наливается таким же ласковым соком, и так захочется жить. На душе становится хорошо, покойно.

Ещё поцелуй женщины необычайно игрив. Еле уловимым и славным зайчонком заляжет в уголках рта – вот-вот готов выскочить и бежать сломя голову. Бросишься, было, за ним, а он тут, рядом, как будто никуда и не думал убегать. Возьмёшь его бережно на руки и прижмёшь к груди – трепетное сердечко сразу к тебе: тук-тук, тук-тук, тук-тук...

До самозабвения сладко ощущать эти трепетные поцелуи-удары, доносящиеся до тебя словно в полузабытьи. Только женщина способна на них, только её тепло и любовь. Мягко и ненавязчиво дотрагиваются до твоих губ таинственные женские желания, и влекут за собой в необозримую волшебную даль.

Мужской поцелуй, в сравнении с женским, слишком ярок. Он не так глубок и выношен, а, скорее, случаен. Мужчина только думает, как ему подступиться к женщине с целью её поразить. Отсюда – ненужный всплеск энергии, желание казаться сразу привлекательным и неотразимым.

Все краски может вмещать в себя мужской поцелуй, исключая только чистоту: она присуща лишь женщине и ребёнку. Поцелуй мужчины бывает слишком вымерен в своём чувстве, самолюбив. В неё – алая густота, лимонная сочность и безбрежная синева, что само по себе не так уж плохо, даже прекрасно, но вернее всего, мужчина ещё не осознаёт в себе глубины, которой наделён так же, как и женщина. Он только робко тянется к своей любви, не ведая её вкуса и цвета.

Пока его прикосновения – это только взгляды и мысли, в которых он наслаждается не меньше, чем в поцелуе. Обладать женщиной в своих думах, слегка касаться при приветствии её руки, смотреть и любоваться тем, как она неотразимо созидает вокруг себя праздник, - божественно. А каким непредсказуемо чудесным, после всего этого, рождается поцелуй?!

Не зря, наверное, поцелуй имеет форму сердца. Именно так складываются губы, когда готовы, без оглядки, отдать своё тепло, вдохнув при этом чужое. Так же трепетно вздрагивают они, не менее трогательно живут... Невидимый внутренний пульс мягко отбивает их волшебное существование, что не ведаёт покоя.

Каждый сердечный поцелуй – это необыкновенный цветок, его не успеваешь оценить в отдельности, и так, постепенно, слагается чудесный букет. Незаметно цветами оказывается покрыто всё твоё восприятие женщины, а вместе с ней - и мира. Виной тому всего лишь поцелуй, твоё чуткое отношение к жизни.

Поцелуй копится в тебе исподволь и, конечно, не родится на свет раньше времени. Сначала – он маленький ребёнок, совсем ещё дитя, трогательное и родное. Ему бы только попробовать на вкус переживаемые первые впечатления, сладко лопотать про себя что-то обаятельное, милое. Ребёнок рад, что ему представилась возможность просто быть, ни о чём не задумываясь, играя. Он – ласковый шалун, прелестный плод, благоухающее волшебство!

Предаваясь своей ясной юности, поцелуй преобразуется в неловкого подростка, что чувствует в себе истоки свежих впечатлений. Пока он не в силах превозмочь их сомнения, и они настойчиво одолевают его. Как справиться с этим, неизвестно откуда нахлынувшим, волнением, и подарить своей любви всего себя, без остатка? Так, чтобы внимание девичьих губ к тебе не ослабевало, а твоё чувство только усиливалось и крепло.

И вот, поцелуй стал мужем... Он обрёл упорство и силу, не забыл сохранить в уголках рта и приподнятую оживлённость. Будто, несмотря на приземлённую твёрдость, в нём взлетели по краям две птицы, вот-вот готовые растянуть сжатые губы в улыбке. Но что-то не позволяет им этого сделать, и они только пытаются взлететь, а женщина всё примечает...

Муж-поцелуй, прежде, чем стать для неё настоящим, должен совершиться. В сладостном слиянии, бесконечно повторяющемся, он стряхивает с себя излишнюю строптивость, заменяя строгость нежным пониманием. Преодолев возмужание, поцелуй становится таким, каким ему и надлежит быть: проникновенным, храбрым и чутким.

Во власти мужчины, чтобы поцелуй его никогда не уставал. Для этого ему следует наделить его силой добра. Ещё и женщина, и мужчина должны остро нуждаться друг в друге, как если бы между ними не могло уже ничего возникнуть, кроме поцелуя, означающего, что им остаётся только слиться в нём.

Наслаждение от взаимных поцелуев любви непередаваемо! Они – пленительное порхание бабочки, никак не удосужившейся присесть. То взбираясь на головокружительную для себя высоту, то стремглав бросаясь вниз, поцелуи без усталости перелетают над цветами и, кажется, радуются только одной возможности парить! Трудно поверить, что когда-нибудь это лёгкое парение незаметно перетечёт в сотовый мёд, душистый хлеб с молоком, гранатовые ядрышки, покоящиеся за толстой кожурой и истекающие ароматной жизнью.

Сами губы – сладостные вишни, чуть придавишь их язычком – и выступит сок. Они – и клубника в сливках, и малиновая мякоть, и земляничная услада, запитая родниковой водой. Разве созданы губы для помады, что только ослабляет вкус поцелуя?!

Где край губ, там линия их чётко очерчена изящной, еле уловимой каймой. Но заметными всегда становятся только сами губы, кромка же – нежно растворяется. Она лишь мысленно подчёркивает то сладостное место, через которое можно без конца и края проникать вглубь человека, постигая её и наслаждаясь ей.

Человеком этим может быть в большей степени женщина, нежели мужчина. Губы её не так сопротивляются, они доступные и мягкие. Если уж мужчина их коснулся, то губы эти не знают запрета. Они увлекают мужчину за собой, совершенно искренне открывая ему все свои достоинства.

Губы на женском лице, наверное, самые живые после глаз. Они так щедро распахнуты, так непреодолимо соблазнительны, что ничего не

можешь с собой поделаться, желая только прильнуть к ним. В первую очередь, притягивают к себе губы сочные и полные, чуточку полуоткрытые, сразу готовые озариться в доброй улыбке.

Губы очаровательно двигаются, живут, как будто нащёптывая про себя что-то сокровенное. Они, вроде бы, даже никогда не повторяются в своём потаённом движении, а только радуются, что им представилась возможность любить и быть открытыми. Нежные, припухлые губы словно заманивают покоем, что в мгновение угадывается в них, и тотчас замыкаются, обескураживая, тем самым, нерасторопных мужчин. Не так-то легка, на первый взгляд, эта видимая женская доступность, и, тем не менее, губы увлекают...

Они соблазняют округлой линией, с запёкшейся на них сладостью плохо скрываемой страсти! И ещё каким-то неведомым губным духом, и еле угадываемым теплом. Иногда, кажется, губы женщины лопаются от переполняющих их поцелуев, растворяясь в томящихся мужских.

Но однажды открывшись и впустив в своё загадочное обиталище, губы не скоро выпускают, и мужчине необходимо точно знать, зачем он туда вошёл. Возможность побывать у женщины в святая святых порой вынуждает его к непредсказуемым поступкам, и, без оглядки бросаясь в любовный омут, мужчина нередко тонет в нём. Он не выдержал обрушившихся на него поцелуев, а сам ничего не предложил для того, чтобы их продлить. И женские губы надолго прячутся от него в лёгкой улыбке, втайне желая подарить себя кому-нибудь ещё... Тому, кто сможет преодолеть в себе первые заверения в любви и вздохи, обернув их вместе с женщиной на общую для них пользу.

Губы алые, вишнёвые и малиновые терпеливо ждут мужчин, кажется, ни о чём не жалеют. Сияют кармином, рдеют пурпуром, а иногда преображаются в белоснежный коралл. Цветущие и яркие, они хоть и содержат в себе дерзкий вызов, но, всё же, порой становятся бескровными: как им нелегко, должно быть, уберечь себя от неумолимо подступающего мужского бесцветия!

В ожидании любви губы женщины могут принимать совершенно непредсказуемые очертания... То они украдкой складываются пухлым нежным бантиком, согласные в любой момент уступить, то оказываются набухшими и сильными, не желающими прощать. Да как бы им не выглядеть – женские губы никогда не теряют чуткости.

Ещё они так трепетно поблескивают влагой, когда им хочется любить! Губы полны томительного любовного желания, они воспалены горячей страстью, вот-вот готовой сорваться с полуоткрывшихся обветренных краешков! В них угадываются жаркие поцелуи, головокружительное влечение и восторг, так что земля уходит из-под ног.

А улыбка?! Она непередаваема и загадочна, будто существует сама по себе. Изначально её суть почему-то указывает на игривое стремление обмануть и исчезнуть. От такой зыбкой улыбки не знаешь – чего ожидать?

На самом деле улыбка женщины просто не может не дарить умиление. Не усмехаться, молча, про себя, лишь показывая мышцами лица расположение к смеху, а именно улыбаться от удовольствия готова женщина, когда любит. Даже в терпеливом ожидании заветного чувства она предпочитает тихую радость.

В первую очередь, улыбку рожают неведомые устремления женской души и сердца. Лёгкие волны от них передаются бровям, щекам, подбородку и, конечно, губам. Губы наливаются добрым желанием, счастьем и открываются в улыбке. Только после неё возникает потребность поцелуя...

Улыбкой можно очаровать, повергнуть, совершенно свести с толку, но не убивать. Об этом даже не думается, когда женщина так проникновенно и нежно приоткрывает себя мужчине. С женской улыбкой расцветает молодость жизни, её весна, и не хочется думать, что когда-нибудь наступит осень.

Улыбка слетает с губ свежим весенним ветерком, мягко копошится в уголках рта, а губы не прекращают улыбаться. Им следовало бы позабыть обо всём на свете от охватившего восторга, но они дарят любовь и знают, что нет ничего её дороже. Губы не забывают думать обо всех тех, кто ещё не достиг своей любви, и только страстно желает её. Улыбка вдыхает в их сердца ласковую надежду.

Продолжительность улыбки зависит от восприятия женщиной жизни: от того, была ли она горячей или напряжённой. А может быть, она случилась неожиданной, ослепительной и неудержимой. Бесспорно одно: скупой характер женщины и улыбку дарит слабую, тонкая же натура всегда остаётся щедрой.

Улыбка беспрестанно изменяет губы, украшая их самыми невероятными оттенками. То они трепетно прислушиваются к словам возлюбленного, оправдывая всё им произнесённое, то наслаждаются омывающим их восторженным мужским дыханием. Чаще всего улыбка загорается белозубыми цветами, и мужчина вздрагивает от их ослепительности, и тоже улыбается нежной улыбкой ребёнка. Он не в силах постигнуть излучаемую женщиной теплоту, но не перестаёт тянуться к ней и боготворить в душе.

Улыбка, кажется, никогда не покидает женского лица, в нём не ощущается бессилия. Может быть, только на миг мелькнёт в уголках рта лёгкая усталость, и опять губы озарятся неизменно ласковым светом. Откуда берётся в женщине столько трогательного великодушия, остаётся непонятным.

Улыбка женщины выражает все чувства и настроения мужчины, которому она предназначена. Редко они у него ангельские и беззащитные, чаще – беззаботные и бесстрастные. Но пропуская их через своё сердце, женщина обращает мужское благодушие в благодарность, а его бессознательность – в благосклонность. Благословляя мужчину на веру в любовь, женщина делает это так вежливо и деликатно, что мужчина начинает принимать благородную заслугу её сердца на свой счёт.

Но женщина не печалится, а всё больше восхищённо улыбается, вызывая мужчину на очередное откровение. Она прощает его за недостойные слабости, и выразительно и мило негодует, не становясь при этом высокомерной. Женщина с добродушной грустью тянется к мужчине своими мечтательными губами, и ничего более не желает.

Улыбка женщины помогает открыть мужчине самого себя. И ещё учит не быть двусмысленным и дерзким, а только по-детски радостным и добрым. Она чутко и доверительно подсказывает, что значит для него его собственная драгоценная жизнь, в которой искренность должна стоять на первом месте.

Когда женщина, к своему удовольствию, угадывает в мужчине замечательные перемены, её улыбка из любезной превращается в искромётную. Ласковая кротость теперь может обернуться обыденным кокетством, а лучезарные глаза зажигаются лукавством. Но она не перестаёт быть мудрой и милой, наивной и нежной, неловкой и обаятельной. Женщина обезоруживает мужчину обворожительной улыбкой, ей же обнадёживая, и обольщает, втайне желая от него искреннего признания.

Губы женщины ждут проникновенного поцелуя... Не растерянного, а светлого, с простым и добрым смыслом, когда с лёгким смущением их дотрагиваются мужские, и всё более страстно ищут в них своё счастье, а обретя, отдают его обратно. В тихом таинстве уста сливаются навеки, хмельная радость украдкой озаряет их, но этого уже никто не видит.

А потом рот женщины опять оказывается трепетным и живым, полным огня и силы, и, озаряясь улыбкой, открывает влагу зубов, их нежный перламутр. Зубки женщины – это какие-то невероятно тонко подобранные друг к другу фарфоровые косточки, вернее – жемчужные зёрнышки, совсем не предназначенные только для усвоения пищи. Переливающиеся внутренним изяществом, они созданы, конечно, только для того, чтобы очаровывать и ослеплять, лишь на мгновение показывая себя, и тотчас таинственно исчезая.

Им не занимать таинственного блеска, которым они околдовывают мужчину и безоглядно уводят за собой. Ровно это – неслыханные драгоценности, что великодушно позолотят – и ни с чем оставят. Но уж не можешь их больше забыть, тянешься к ним всей душой, лишь бы ещё раз они отозвались тебе ясной улыбкой, и поманили.

Женские зубки, как и смыкающиеся над ними губы, будто держат про себя счастливую улыбку, и готовы в любое мгновение ею засветиться. Они живут этой замечательной возможностью смеяться, нисколько не унывая, и верят, что навсегда останутся безукоризненно белоснежными.

Рот тоже не желает грустить и, как цветок, распускается в ласковой улыбке. Временами он переживает такой восторг, что на щеках вспыхивает озорной румянец. Так губы обнаруживают в себе по-детски очаровательную растерянность.

Большой рот, с полными губами, всегда почему-то весёлый, смешной и милый. Он доверчив и совершенно не умеет лгать. Такой рот, кажется,

создан для того, чтобы его сразу замечали и радовались ему. Большой рот не может быть злопамятен, и всех одаривает своей простодушной добротой.

Маленький ротик, на первый взгляд, воспринимается капризным, но это впечатление сразу забывается, когда он вдруг подарит свой маленький поцелуй. Как незаметный ночной цветок, он тотчас заблагоухает, и при этом останется удивительно скромным. Ротик будет только рад подарить себя, очаровательно смущаясь проявления своего милого обаяния. Его совершенно нельзя обижать, иначе он может надолго замкнуться, становясь ещё более незаметным.

Рот с тонкими губами как будто надсмехается над всеми попытками мужчины раскусить его. Он изящен, загадочен, и только и ждёт своей возможности полюбить. Любит он страстно, пытаясь не останавливаться на мелочах, а захватит сразу главное. У него не всегда это получается, но он старается любить жадно, иногда даже не веря в собственные силы. Тонкие губы словно боятся упустить своё, кажущееся им ненадёжным, и от этого затаенно переживают случающиеся с ними неудачи. Они с такой внутренней силой жаждут любви, что мужчины часто их не понимают.

Это никак не относится ко рту не большому и не маленькому, с мягкими, по-детски припухлыми губами. Такой рот вмиг вызывает в мужчине глубокое доверие, ему хочется поклоняться даже безответно. Рот этот наиболее живой и трепетный, лишь он один дышит теплом и правдой, и только его устами слаще всего можно произносить слова любви: более живой речи ни от кого не услышишь.

Ещё рот бывает слегка полуоткрытым и терпеливым. На него не сразу обратишь внимание, а если заметишь – уже не позабудешь. Он войдёт в тебя как будто даже без губ, околдует своим ароматом - и растает. Но вкуса его не потеряешь.

На цвет этот рот всегда бледно-розовый, нежный, может быть, только на миг загорится пунцовым соком... Такой пленительностью тогда повеет от него, что чувства твои остановятся и притихнут. Ласково коснёшься его пальцем, стараясь ничего не нарушить, а губы даже не дрогнут. Лишь еле уловимо сожмётся в них что-то упрямой стрункой, и рот вдруг обернётся очень чувственным, совершенно оголённым...

А бывает рот пленительный, так что его и не опишешь... Зачарованно откроется он тебе однажды во всей своей притягательности, и не отпустит. Думаешь о нём с тех пор не переставая, несёшь в себе и живёшь им.

Взрослая ли девушка ждёт своего счастья, юная ли девица, у всех из них рот всегда необыкновенно свежий... Свежесть эта – суть любой молодой женщины, что остаётся нетронутой до соприкосновения с сухими и горячими губами мужчины. Только его уста в силах выпить её до дна, ничего не оставив, но они могут и сохранить их удивительную прохладу и глубину, с еле слышным признанием: «Я твоя...»

Уста женщины от такого откровения становятся ещё более ароматными. Они воспламеняются волшебным чувством, и тянутся к мужчине – живые,

ласковые, девственные. Невинности в них ровно столько же, как и любви, а пламенности – не измерить! Кто этих цветущих уст не знал, тот и не жил.

Поцелуем живут и щёки, на которых от улыбки рождаются обаятельные ямочки... Если они появляются на обеих щеках, то совершенно одинаково выражают только добродушие, весёлость и нежелание кручиниться по разному пустяковому поводу. На одной же – романтическую глубину, скрывающую в себе такую тонкую проникновенность, что ей хочется поклоняться и беспрестанно оберегать.

Есть щёки, нежно округляющие женские скулы, чуть тронутые золотистым пушком, что неувлимо завивается у самой мочки уха. Они кажутся выхоложенными природой, и такими желанными. Но про себя знаешь, что если прикоснёшься к ним губами, то сразу всего обаяния не заметишь: так они упруги и хороши своей молодой внутренней силой, что представляется бесконечной.

Щёки впалые, строго очерченные, тоже не лишены внутреннего очарования. Изящество их тонкой линии, что начинается от самого виска, не завершается милым подбородком, а не приметно обернувшись в нём, вновь взлетает неувлимой ласточкой мимо губ, и ещё выше – к раскосому, в мохнатых пушинках ресниц, глазу. Кажется, только лёгкой тенью обозначены пристальные женские черты, зато - сколько в них скрытой страсти и ожидания!

Гладкие щёки – всегда жаркие... Они горячи в своих прикосновениях и мечтах, и всегда стремятся к чему-то недостижимому. Но частые неудачи сильно не разочаровывают их, и горящие щёки никогда не сгорают. Им, возможно, просто хорошо жить оттого, что они умеют вложить всё своё желание в единственный жаркий поцелуй, и не истаять при этом.

Иногда даже щёки представляются нестерпимо любвеобильными. До какой-то неувлимой страсти, за которой, кажется, следует только чувство неудовлетворённости. В них всё раскрепощено и открыто мужскому миру, но порой вдруг проглядывает такая женская прихоть, которую не в силах удовлетворить всякий мужчина: лишь тот, кто до безумия отчаян в своём порывистом чувстве, горяч и великодушен.

Когда щёки наливаются румяной крепостью созревших яблок, они тоже сгорают от ожидания поцелуя, но несколько иначе, чем всегда наполненные жаром. До конца не ведая своей ядрёной власти, они жаждут чего-то неизведанного, предпочитая в поцелуях скороспелость, когда тем хочется скорее вкусить манящего сахарного плода, и они видят во всём этом лишь замечательное веселье. Не исполнить подобные женские желания для мужчины оказывается невыносимым.

А как сдерживать свои чувства, когда вдруг заметишь сквозь женские зубки алый язычок?! Он - игривый шалун, что живёт в своей сладкой заперти, и лишь изредка вырывается наружу. Язычок, быть может, наиболее манящ, чем все эти незабываемые губы, ямочки и щёчки.

Он так уютно существует в своём обиталище, и если показывается, то всегда разным – малиновым, вишнёвым, персиковым, проникнутым спелым томительным духом. И, конечно, вызывает все эти непередаваемо захватывающие ягодные ощущения. С налитой соком мякотью плода, вот-вот готовой лопнуть кожицей, запёкшимся на солнце ароматом душистого лета.

Язычок не мясист, а нежно сочен. Он словно предназначен для того, чтобы мгновенно распознавать прикасающийся к нему вкус, но может и сам находить себе увлекательные удовольствия. Он чутко угадывает любимые слова и отдельные, завораживающие его звуки, с их помощью открывая для себя своё потаённое существование. Не лизун и не проказник, язычок вымещает в своей любви всю нерастраченную страсть жадного девического сердца.

Озорным мыском женский язычок проникает в заточение мужского, возбуждая в нём ответное чувство, и тотчас скрывается. Слишком многое позволил он себе для начала, проскользнув в желанную обитель маленькой рыбкой, а покинув её шурёнком... Но дрожь на такое чудесное и еле уловимое прикосновение уже отозвалась в мужчине, и он, конечно, воспринял оказанное ему благоволение. А как радуется произведённой шалости восторженный малыш, с присутствием только девушке замиранием духа воображая себе продолжение!

Очаровательный, трепещущий и беспутный, он вскоре вновь надеется проникнуть за мужские ворота своевольным, не ведающим усталости зверьком. Хорошо ему за сахарными зубками сидеть, сладко, но тянет его вырваться на свободу. Слиться своей чудесной плотью с не менее живой, мужской, и уж как можно дольше не возвращаться. Познав весь вкус этого таинственного забвения, не страшно и умереть.

Но нет, о смерти лучше не помышлять, а продолжать наслаждаться поцелуем, застывшим лёгкою улыбкой на устах. Чтобы от него веяло цветами и запахами трав, и таял он от дивных воспоминаний. Ему не придумать названия, и можно только попытаться выразить его суть.

Как чудно сотворены для поцелуя наши губы, чтобы дарить ими любовь! Поцелуй любви бесконечен... Он тянется и тянется, не желая прекращаться.

Как ценен этот желанный поцелуй, известно только влюблённым. О нём невыносимо трудно сказать так, чтобы ничего не упустить: и самой любви, и женщины, и её непревзойдённого аромата.

Поцелуй любви летит безгрешным дуновением, полный живительного воздуха и чувства, и он не желает иметь в себе никакой горечи. Беззвучно переносясь с одних губ на другие, он может быть звонким и лёгким, но чаще длится до самозабвения долго. Опаляя своей огненностью, любовный поцелуй не становится осторожным.

Поцелуй, конечно, должен быть обоюден в этой любовной игре – с робостью стыда и терпким томлением, доходящим порой до сладострастного трепета. Поцелуй так захватывает влюблённых, что они, кажется, в упоении

обо всём забывают. А как, наверное, до ужаса умопомрачительно и хорошо быть совершенно поглощённым в своей любви, не теряя, в тоже время, слитности с жизнью! Всё волнение любовного поцелуя, его нескончаемое забытие тогда необыкновенно окрыляют.

Нет ничего проникновеннее поцелуя любви. Сладость его – это не малиновое варенье, не крем-брюле и даже не кусочек шоколадки, ласково передаваемый из губ в губы. Какие бы сладости не шли на ум, они не сравнятся с тем, что может подарить тебе твоя собственная нежность. Однажды родившаяся, она никогда не должна в тебе умереть.

Поцелуй любви – это когда забываешь обо всём на свете, и летишь. И чувствуешь только тёплую пряность любимых губ и то, как они постепенно влажнеют и растворяются в твоих.

Самый сладкий поцелуй – это без конца и без края дивный сон, что никогда не прекращается. Он сладок и беспамятен, и ты теряешь разум и волю, но это тебя не огорчает: в поцелуе ты обретаешь что-то неизмеримо большее.

И ты, конечно, не думаешь обо всём этом, знание приходит после. В поцелуе ты уносишься в неведомые края, которые оказываются твоей собственной душой. Она пьёт жадными глотками неопишемую сладость, и не устаёт желать её ещё и ещё.

Самый сладкий поцелуй – это всегда твоя любовь, которую ты, не переставая, ждёшь всю жизнь. Сердце затаенно верит, что когда-нибудь любовь обязательно озарит его, и губы, наконец, ощутят трепетную дрожь обрётённого счастья, между тем, давно зародившегося в тебе. Тебе только хочется поскорее достичь его, и на этом пути сердце твоё наполнится всё большей нежностью, а губы учатся необходимому терпению. Они приятно твердеют от незаметно копившейся в них силы, и ждут.

Иногда им приходится очень нелегко: их касается обыкновенная сладость, что норовит убить настоящий вкус любви. Сладость эта не дарит ничего, и представляется пресной в сравнении с ожидаемым наслаждением. Она скучна и однообразна, и требуется немало веры в себя, чтобы уберечься от её сахарного яда.

Губы очень переживают всё это, и пьют родниковую воду, вдыхают облака и поют свои трогательные песни. Те самые песни, после которых хочется жить: они произносятся в глубинах сердца, почти неслышно... Но больше всего губы не желают разочароваться в себе.

Ещё губы очень добры, и тихо раскрываются в ласковой улыбке всем, кто не перестаёт желать любви. Правда, такие встречаются очень редко, но губы хранят в себе теплоту и свет, и не устают улыбаться. Переживая в себе восторженную песню, они становятся ещё более тёплыми и нежными.

И тогда волшебным поцелуем взлетает улыбка к бездонным небесам, и замирает там лёгким изгибом счастья. Она так зовёт свою любовь, и так сильно желает её, что небо не может не откликнуться на её зов, и время затаившегося в себе ожидания рано или поздно приходит. Однажды губы

находят друг друга, и растворяются в нежнейшем поцелуе, чтобы заронить в сердце всего живого неумирающую любовь.

Бесконечные дни тогда небо изливает на землю ослепительную синеву, а губы упиваются накопленной сладостью, чувствуя себя счастливыми. «Как сладко», - не успевают прошептать они друг другу, утопая в своей безбрежной любви. Только они одни знают – что такое самый сладкий поцелуй, но при этом не жадничают, и не прячут его от других губ.

Любопытствующие же губы с замиранием духа заглядываются на самый сладкий поцелуй, и им становится жаль, что они никогда в своей жизни не любили. Им теперь тоже хочется летать, уносясь в мечтах далеко от земли, и они копят в себе сладостный сок любви.

«ТАЙНА»

Если Бог и существует, то для мужчины он воплотил гармонию, прежде всего, в женщине, в её невысказанной прелестной тайне. Бывают, что тайну скрывают от кого-либо с намерением, но какой интерес женщине хранить в себе неразгаданное, когда она и сама, должно быть, его до конца не ведаёт? Как согласовать её свободную волю и мужские устремления с Божьим провидением? И возможно ли, вообще, понять женщину, в которой многое кажется недоступным для мужчины?!

Тайна женщины – причина движения души мужчины, что не в силах её постигнуть, да суждено, видать, ему этой тайны, не уставая, добиваться, и это ещё более привлекает его к ней. Ведь женское сердце без тайны – пустая страница жизни, которую она своей любовью кроет, и тайные пути женских помыслов мужчине неведомы потому, как женщина душу мужчины не крадёт, а тайком берёт. Но сказано было однажды, что всякая тайна когда-нибудь въяве будет.

В самом слове «тайна» представляется таинственная женщина, несущая в себе тихий восторг и трепет. Чёрные вьющиеся волосы тугим узлом убраны на затылке, чёрные блестящие глаза хотя и опущены, но ты чувствуешь на себе их пронизывающее внимание. Руки женщины, до локтей обтянутые чёрными перчатками, произвольно сложены на коленях, пальцы рук унизаны таинственно переливающимися камнями...

На её тёмных густых ресницах тоже искрится тайна. Чёрное длинное платье с блёстками, в воздушных кружевах, скрывает фигуру женщины. Не алчность, не порок и не мудрость эта женщина, а пленительная тайна. Вмиг повергая в сладостное оцепенение, она – будто ночной цветок, таящий за своей редкой красотой неведомый, но прекрасный смысл.

Сразу даже не разберёшь – хочется ли с этой тайной оказаться рядом, заговорить с ней, проникнуться её близостью и теплом? Спросить: что есть её тайна и молчаливое очарование? Что, вообще, означает для мужчины сама женщина, в чём смысл неугасимого пламени любви? Зачем, наконец, мечтаешь ты всю жизнь о той единственной, что втайне уже занимает твоё сердце, восхищаешься ей, жадно желая сладостного слияния двух тел и душ?

Мужчине трудно себе представить, что именно так, загадочно и без слов, эта таинственная женщина призывает его к себе. Еле угадываемые, но ощутимые черты точно вызывают его на состязание, но не бросают вызов в открытую, не позволяя ему допустить слабость или ошибку. Женщина мягко побуждает мужчину бережно относиться к ней, словно предупреждая своей таинственной чистотой, что он не имеет права приближаться к ней, если знает, что когда-нибудь полюбит другую. Мужчине же, думающему больше о себе, никогда, наверное, не удастся разгадать тайну женщины, и это ещё более привлекает его к ней.

Её тайна – это всевышнее женское божество, однажды вознесённое Богом над миром мужчин, и ставшее для них недостижимым. Не каждый мужчина может уловить его и, обнаружив, удержать хотя бы ненадолго. А тайна, между тем, будем с этих пор называть женщину именно так, разлита

вокруг: она и в воздухе, и в шелестящей листве, и в еле уловимых запахах земли...

Несомненно, что тайна женщины – это первое дуновение весны, постепенно и незаметно перетекающее в мудрое дыхание осени. Но тайне присущи сказочное колдовство зимы и томительная роскошь лета: в них ей уютнее чувствовать себя тайной.

Тайна напоминает о себе в аромате ночной прохлады, в жарких устремлениях к земле солнца. Бегущие реки и ручьи – это тоже незатихающая энергия её таинственной жизни. Нежные дуновения ветерка – продолжение невидимых пальцев женщины, которыми она ласково ворошит волосы мужчинам. Мужчины ощущают эти прикосновения и не знают – кого им на самом деле благодарить: с этой поры им хочется, неизвестно почему, любить...

Тайна размыта в чистых апрельских дождях, заботливо омывающих землю после длительной спячки. Она – и ожидание, и надежда для мужчины, ненавязчиво подсказывающая ему, что упускает он в этой жизни, если не обращается к её таинственному знанию. Тайна полна терпения и мудрого покоя, пока мужчина путешествует по свету в поисках понимания её сути.

Тайне легко затаиться, ожидая мужчину, и она часто прибегает к этому, когда перестаёт верить в него. И всё же, ей хочется думать, что жизнь восторжествует в мужском сердце, и однажды оно станет открытым и отважным. Тогда тайна опять распухнет, подобно цветку, и мужчина не сможет этого не заметить. Он готов следовать за ускользающей тайной куда угодно, лишь бы не упустить её присутствия. Но суждено ли ему разгадать в ней нечто сокровенное, женское?!

В тайне, кажется, заключён смысл всего сущего, её нежность и доброта. И ещё – вера, любовь и надежда, что словно ожидают своего времени. У тайны – невероятное терпение, присущее только женщине.

В облике тайны, несмотря на её таинственность, не чувствуется никакого обмана, с помощью которого мужчины, обычно, вынуждают женщин любить себя. Почти у каждого из них есть в душе то, что желает обмануть ради достижения сладости. Тайна же вызывает любовь без каких-либо ухищрений, относясь ко всему мудро, с обаятельной женственностью.

Тайна совсем не величественна, какой многие мужчины её воспринимают. Она проста и доступна, мужчины даже не догадываются об этом, представляя её недостижимой. Женщина-тайна спокойно наблюдает за мужскими муками, и ничем не может им помочь: мужчины должны до всего дойти сами.

Иногда, когда мужчины совсем заплутают в себе, тайна обращает к ним свой проникновенный взор. Мало кто из мужчин видел его, но те, кому удалось, никогда не забудут. Тайна смотрит всё познавшей женщиной, не разочаровавшейся при этом. Она – и мать, и жена, и открывающая для себя мир влюблённая девушка.

Взор тайны мудр, тих и радостен. Он ненавязчиво пронизывает своей таинственностью, и, как во сне, хочется идти на него, не уставая... Взор светится знанием и теплотой, и ещё чем-то неземным, после чего на душе становится необъяснимо хорошо. И всё же, в последний момент, ты натыкаешься на какую-то невидимую преграду, и обращаешься к тайне с недоумённым вопросом: что могло насторожить её в тебе?! Тайна отчего-то по-прежнему остаётся тайной.

Нечто загадочное, недоступное мужчине искрится на её пушистых ресницах, глаза смотрят проникновенно и трогательно, и лицо вдруг исчезает. Как будто его и не было. Остаются неясная печаль по несбыточному, ощущение, будто на мгновение приблизился к чему-то дорогому, и сладкая надежда на будущую встречу.

Но никак нельзя забыть и плечи тайны, её руки, целомудренно сомкнутые округлые колени... Они так приятно угадываются под складками чёрного платья. Колени манят своим таинственным теплом и уютом, обещают, что приоткроют не дающую покоя волшебную завесу.

Плечи таинственной женщины опущены, совершенно не напряжены, и линия их передаёт ласковое движение всему телу, хотя оно остаётся неподвижным. Руки, кажется, лишь дотрагиваются до бёдер, в любой момент готовые совершить волнительное прикосновение. Они не полные, но в них ощущается невероятная мягкость и нежность.

А можно вообразить себе тайну загадочной молодой женщиной, что приходит ночной порой, во снах... Она задумчиво опускает голову тебе на плечо, играя костяным гребнем в красивых тонких пальцах, чуть касается прохладной щекой твоих губ и, оставив на них еле уловимый запах искреннего поцелуя, ускользает так же легко, как и появилась. Дурманя своей очаровательной молодостью и свежестью чувств, ещё не постижимая для себя и мужчин, но открытая и чистая для всего мира, она помогает поверить в давнюю, скрытую ото всех тайну любви.

Лишь одним своим кратким появлением разрушив всякое непонимание, недоверие и чувство одиночества, тайна тихо и ласково переворачивает твою душу, ничего не разбив в ней при этом. Только придя в себя, понимаешь, как очаровательна была тайна в своём стремлении не терять разума и стать для мужчины той, кем всегда желала быть. Если настоящего мужчину украшает отвага и ум, женщине должна быть присуща чистота, и пришедшая тайна обладает ей в полной мере.

Видно, как она ценит это качество в себе, бережно и легко неся его, в надежде сполна одарить им того, кто покорит её своей неподдельной любовью к жизни, храбростью и умением всегда быть счастливым. Качества эти во все времена привлекали самых разнообразных представительниц прекрасного пола независимо от их национальности, вероисповедания и взглядов на жизнь, но далеко не каждая из женщин отличалась необходимой выдержкой и честностью на пути достижения своих сокровенных желаний.

Чрезмерное воспитание или так называемые правила высокого тона у многих из них могли испортить всё, даже любовь.

Мужчинам никогда не нравились высоконравственные женщины: они скучны, неприступны, как камень, и не способны на смелый порыв. Как хороши в сравнении с ними те, что способны на безумие... Безумие, порождённое неподдельным чувством любви. Ведь ничто так не задевает мужское сердце, как трепетная естественность и простота в женском восприятии мира, и ещё трогательная, немножко наивная отвага. Завораживающей мужчин женской тайне дано от природы всё.

Тайна для мужчин – неземные девушки, что, кажется, от рождения обретают удивительную рассудительность и обаяние. С такими девушками, как правило, некрасивыми, но очень привлекательными, всегда бывает легко. Они наиболее симпатичны мужчинам, и желанны для них в минуты тягостного одиночества. Вызволив какого-нибудь мужчину из такого незавидного состояния, девушки таинственно исчезают, оставляя после себя необычайное воспоминание, что никогда не забывается.

Таинственны все те женщины, что, в жажде любви, приобретают вид, будто полностью раскрывают свою душу перед мужчиной. Происходит это у них как-то произвольно, даже весело. Откровения их неудержимы, и, захватив с собой душу мужчины, они в короткий срок вдыхают в его сердце сладкую надежду.

Мужчина предпочтительнее смотрит в сторону той женщины, которая, отказываясь от завидного положения верного замужества, способна без оглядки бросить себя в бездонную пропасть любовной страсти. Зачастую это стоит женщине жизни, но та, что выживает, непременно обретает только ей присущую тайну.

Само падение в любовь – сладостная тайна, удел достойных её женщины и мужчины. Когда проникаешься этой тайной, то открываешь для себя богатство нежности и невероятного счастья, и даже не верится, что можешь так любить.

В постижении женской тайны, кажется, можно стать богом, когда само ожидание любимой женщины завораживает. Но с появлением её всё становится просто и ясно, и ты забываешь, какой женщина была недостижимой, так же, как недостижимо и звание божества. Праведен лишь путь к таинственным знаниям, что полнит временем и пространством.

Таинственно и совершенно неподражаемо рождается в девушке радостный интерес ко всему. Это изящество движений и лёгкость еле уловимых мыслей, что как-то незаметно приходят сами собой, необыкновенная ясность глаз... Приподнятое настроение, восторг, волшебство поступков и желаний: всё представляется в ней восхитительной загадкой. И ещё – эта упоительная неудержимость девической мечты, возникающей из непостижимого очарования молодости...

Очаровательно бегут её бесчисленные дни, преумножая уверенность, что всё это торжество жизни будет продолжаться вечно. Но не беззаботно, а

со сладко затаенной тревогой: быть или не быть трепетно ожидаемому счастью? Тайна постижения его девушкой тоже очаровательна.

Чёрные бархатные ресницы, темнота влюблённых глаз и нежно играющий на щеках румянец – всё живёт в девушке будущей, ещё более глубокой и невыразимой тайной. Тайна эта, она точно знает, не заменит ей действительную жизнь, а только приоткроет что-то удивительное, с чем она соединит свою полную надежд душу. И тайна, и будущность у девушки будут непременно прекрасны: они – самый важный предмет её неотступных дум и чувственных волеизъявлений.

В этих непрестанных девических думах всегда воцаряется удивительный покой за своих будущих детей и мужчину. Они видятся ей радостными, полными любви к ней и к жизни: сколько всего замечательного, оказывается, можно вообразить себе, если думать только о хорошем, с волнением ожидая раскрытия своей сокровенной тайны... И всё же, истинная тайна принадлежит женщине, которой за тридцать.

Невозможно представить, чтобы такая женщина тяготилась своей тайной. В характере её – не проявлять ни повышенной чувствительности, ни излишней нервозности. Ничто, кажется, не доставляет этой женщине тревог.

Она рассудительна, не может даже допустить в себе малейшего упадка воли, и не испытывает болезненной восприимчивости, часто присущей незрелым женщинам. Ум её – покой и убеждённость в собственной правоте, душа же безмятежна и открыта. Мужчине остаётся только увидеть и отгадать эту тайну.

Тайна зрелой женщины, на первый взгляд, неброска, но зато – как хороша внутренним светом, что не может не привлекать своей необъяснимой притягательностью?! Суть таинственного притяжения – божественная красота её души, уже пережившая молодость, но не расставшаяся с ней.

Как это замечательно, когда мужчину увлекает женщина... Замечательно всё, связанное с началом этих отношений, особенно - то время, когда оба только присматриваются друг к другу, не торопятся в своём чувстве, и остаются благодарны Богу, что не разминулись на своём пути. Самое прекрасное в их жизни только начинается...

А что переживает мужчина, когда вдруг повстречает женщину-тайну? Готов ли он её обрести? Купаться с ней всю ночь в море при ласковом свете луны, что вместе с мокрым блеском прибрежных загадочных камней будет отражаться в её глубоких глазах... Ощущать солёную теплоту и близость её тела... А потом, уставшим и в тоже время переполненным чувствами, без слов лежать рядом на мягком песке, у самой кромки воды, и замирать от того, как крабы, в откатывающейся пенной воде, щекочут обоим ноги, так что приятно холодит в груди... Сумеет ли он, околдованный этой женщиной, не разочароваться в ней, не в силах эту тайну до конца разгадать?!

Очень немногих мужчин посвящает женщина в свою тайну. Она очень ценит себя, и обращает своё сердце только к тому, кто желает ей добра. Ничто не может ей помешать властвовать над мужским сердцем, но если

мужчина подарит ей свою сердечную заботу, она позабудет обо всём, и целиком уйдёт в свою любовь.

Тайна каждой женщины может быть поведена ей лишь своему мужчине. Только тому, в ком она окончательно почувствовала уверенность, кто может мыслить и жить мудро, кто довольствуется малым, что бывает неучтено большинством мужчин, но остаётся всегда самым драгоценным. Только такой мужчина знает, насколько гостеприимно могут открываться врата женской тайны.

Обычно женщина приобретает тот лик, в котором видит её проходящий мимо мужчина. Она делает это для того, чтобы сокрыть своё значение и величие для достойного. Со всеми своими заповеданными богатствами и добрыми знаками, что умеет хранить только женщина.

Тайна её насыщается из тончайшей энергетической сущности всей нашей Вселенной, из той действительности, которую никогда не покидает божественный дух. Сущность эту мужчине непременно следует постигнуть, потому как она – лучшее из всего того, что есть, кроме его любимой женщины.

Но без жертвенности на этом пути ему не дознаться правды. Только отрешившись от самого себя – мужчине, возможно, ощутить внутреннюю радость при служении женщине. А радость эта беспредельна!

Тайна женщины отзывчива, если она почувет в мужчине взаимность. Никакие слова и уверения при этом не сравнятся с великим сердечным языком, которого так не достаёт большинству мужчин. Необыкновенная женская чуткость должна убедиться в настоящем мужском добре. Это добро, способное приблизить мужчину к женской тайне, можно развить в себе лишь в постоянном размышлении о высоком. Мужчине нужно полюбить в себе это чрезвычайно важное качество, чтобы оно навсегда поселилось в его сердце.

Между мужчиной и женщиной никогда ничего не получится, если их не влечёт друг к другу, как бы они ни были умны, интересны и богаты жизненным опытом. Тайна, обычно понятная им обоим, недоступна окружающим. Трогательная, пленительная и мудрая, она околдовывает мужчину и женщину, увлекая их за собой, и они обо всём забывают.

С нежностью и лёгкой тревогой думаешь об этой тайне. Как она сильна и всемогуща, как невообразимо влияет на мужчину, который, может быть, только в ней и обретает силы. Всё в этой тайне кажется мужчине значительным, полным скрытого смысла.

Тайна не холодна, она уютна своим неясным сумраком, каким-то удивительно трогательным отношением ко всему. Тайна устроена так, что её разгадки надобно неторопливо и вдумчиво добиваться, но и не быть слишком навязчивым на этом пути.

Тайна женщины – это неизведанная сила, что и манит, и пугает, как любое незнание – пьянит. Она может быть тем, чего самой женщине вовсе и не надо постигать, оставив такой, какая она есть. Мужчина же много потеряет, если тайны этой не достигнет.

Прикосновение к женской тайне – уже счастье. Оно означает, что ты понимаешь и чувствуешь женщину немножко лучше других мужчин, не способных преодолеть своё высокомерие даже в отношении к женщине. Настоящая женщина всегда угадает в мужчине его любовь, и если та из года в год не умирает, женщина позволяет ему приблизиться к своей тайне.

Прикосновения к тайне сами по себе чудесны, но иногда она ощущается на расстоянии... Вероятно, это происходит потому, что и мужчина, и женщина думают об одном и том же. Тайна женщины внушает мужчине самые добрые мысли, и все они – о любви.

Сердце мужское тоскует, стремится к женской тайне, летит ей навстречу. Как птица трепещет оно, когда ощущает тайну поблизости. Если женщина любит мужчину не за достоинства, а вопреки недостаткам, устоять против её очарования мужчина не в силах.

Женщина необыкновенно хороша в том, что сразу бросается в глаза, но, всё же, более прекрасна она в своей загадочной тайне. Таинственность во все времена олицетворяет собой силу, даже если она принадлежит женщине.

«В ней что-то есть», - говорят мужчины, не зная, что думать о какой-либо понравившейся им женщине. Они не могут охарактеризовать то, что так сильно воздействует в ней на них, и своё искреннее поклонение женщине объясняют притягательностью её завораживающего таинства.

Невозможно выразить всю женскую прелесть и тайну, если ты даже достаточно приблизился к ней. Именно поэтому, наверное, дорогой для мужчины образ женщины жив только в его представлении. Чаще всего он отождествляется с изгибом руки, запахом волос или глубиной глаз... Оттого и недосказанность, и тайна придают женщине ни с чем не сравнимое очарование.

Тайна женщины требует от мужчины проникновенного воображения, что рано или поздно приблизит его к ней. Женщина радостно играет с ним и лелеет, ей так приятно оттого, что воображение это может её когда-нибудь постигнуть, и она не в состоянии совладать с собой от охватившего счастья.

Чаще всего тайна женщины молчит, молчит, да вдруг возьмёт и разольётся теплом. А если уж говорит, то без слов, с какой-то только ей присущей ласковой тишиной и покоем, от которого можно обомлеть. Всё в женщине напоминает о том, какой удивительно прекрасный и чистый мир раскрывается перед ним, как весной, когда хочется всех обнимать и петь, переживая любовь.

У настоящего мужчины к тайне женщины всегда восторженное отношение. Может быть, даже более возвышенное, чем к смыслу жизни или искусству. Благодаря этой тайне мужчина открывает в себе истинный вкус к существованию, и он учит его силе.

Рядом с этой тайной будни для мужчины становятся праздниками. Он начинает упиваться обычной жизнью, которую раньше не замечал и не ценил, он теперь до удивления быстро понимает всех окружающих людей. Мало того, тайна женщины приводит его к самому себе.

Трудно представить, будто тайна женщины, однажды появившись, может навсегда исчезнуть, ничего не оставив. Тогда вдруг оказывается, что мужчина должен постоянно отрабатывать её присутствие в своей жизни: соприкосновение с тайной для него – переход к лучшей, более глубокой жизни.

Сначала ты словно погружаешься во мрак благоухающей южной ночи, и, не успев достаточно присмотреться и перевести дыхание, стремишься выплыть наружу. Но тайна уже околдовала тебя, наделив ощущением чего-то настоящего, и ты, очарованный ей, возвращаешься наполненный светом чудесной темноты, и из этой таинственной темноты рождается любовь.

Тайна женщины всегда связана для мужчины с надеждой или сильным желанием, которые могут оставаться для него недостижимыми. Но в самой тайне недостижимости нет: она то, что он принимает в жизни, несёт в себе или, напротив, избегает. Чаще мужчина не понимает, что женская тайна для него – дар богов.

Не всякому мужчине повезёт встретить эту тайну, между тем, как в каждой замечательной женщине живёт нечто, не существовавшее в его жизни. В один прекрасный момент мужчина чувствует необходимость разгадать это нечто, и тут всё дело в темпераменте мужчины, в его чистоте и отваге на своём жизненном пути. Ведь большинство мужчин обычно боятся проверить себя: сколько трудностей и лишений они способны выдержать? Тот же, кто решится, рано или поздно завоёвывает внимание женщины.

Мужчины редко говорят между собой о тайне женщины – о том, что она из себя представляет. Они стараются делать вид, что не замечают её. А тайна женщины – это, скорее всего, то, в чём заключена невероятная жизненная справедливость и чистота, и отступление от неё вызывает у мужчин глубокую неудовлетворённость. Но вряд ли мужчина когда-нибудь сумеет огрубить свою душу настолько, чтобы окончательно стать невосприимчивым к чудесной женской тайне.

Хотя мужчина часто и заявляет о том, что остаётся равнодушным к женской загадке, всё же, он будет неискренен, потому как на него всё равно произвольно воздействует вся полнота переживаемых ощущений от одного присутствия рядом женщины. Мужчина настолько захвачен женской глубиной, что даже не задумывается: откуда в его жизни появилось это богатство? Однако, он заимствует из тайны тепло, и живёт им.

А вообще-то, тайна женщины – для всех, потому как каждый, хотя бы отдалённо, чувствует её истинную красоту. Даже до конца не раскрытая, тайна объединяет людей, и её свет озаряет их бесчисленные сердца любовью.

Ничто в мире не может быть соизмеримо с сущностью женской тайны, с её стремлением к творческой, а не слепой любви. Любовь, красоту и всё, чего не достиг мужчина, несёт в себе тайна, и лишь она одна откроет ему истинную радость жизни.

Но не во всякой женщине сразу чувствуется тайна. Бывает, женщина, с виду – ограниченная, кому-то представляется умною, и всё это – благодаря

присущему только ей умению не говорить лишнего. Изъясняется она, как правило, незамысловато и спокойно, словно сдерживая в себе какую-то необъяснимую живость. Должно быть, она просто наслаждается собой, своим природным естеством, даже до конца не ведая в себе этой обворожительной тайны.

Порой тайна женщины кроется в её противоречивости: люблю этого мужчину всем сердцем, неожиданно заявляет она, навек ему отдана и скоро стану его женой! В этом сказывается удивительно восприимчивый и тонкий ум женщины: прежде, чем на что-то решиться, она поставит себя во все возможные ситуации, принаравливаясь к ним, проживёт в своей душе и изберёт самый неожиданный ход только за тем, чтобы понять и себя, и окружающих её людей. Она угадает это по их реакции. В выборе женщины проявится её поразительное чутьё, чувство самосохранения себя и своих будущих детей, безопасность собственного положения, поскольку инстинкт выживания никогда не затихает в ней, и она готова пожертвовать всем во имя продолжения в себе грядущей жизни.

Очень важно для женщины обрести любовь, уверенность в своих силах, почувствовав огромную значимость отпущенного ей природой добра: рождение и воспитание ребёнка, поддержка мужчине, мудрое отношение к жизни... Вообще, в страстном желании женщины постичь, как быть более привлекательной и полезной в поиске собственной жизни, - её вековая тайна. Но даже когда настоящая жизнь женщины начинает соответствовать её способностям и мечтам, тайна не исчезает, а только углубляется.

Загадка женщины – в её природе, невероятно огромном мире, недоступном, до конца, даже для неё самой. И может быть, только с лучшим из мужчин женщина способна постигнуть свою загадку. Вернее, обрести себя.

А может быть, женщины, прекрасно сознавая свою загадочную природу, ненавязчиво уводят мужчин за собой к истинной жизни. Они мудры незаметно, как кошки, потому что понимают: открыто, с видимым ущербом для своего обострённого самомнения, мужчины ничего воспринять не смогут, и только ещё более отдалят понимание сущего. Их нужно манить, и, привораживая, наставлять.

Женщина для мужчины – великий праздник, вход в который он не знает. Втайне мужчина мечтает приобщиться к нему, переживая безудержный сердечный трепет. Но готово ли к этой нелёгкой работе его невоспитанное сердце? Способно ли оно выдержать неведомое для него напряжение? Чаще всего мужчина не ведает настоящего чувства, а тайна женщины пробуждает в нём его.

Трудно объяснимое влечение испытывает мужчина к женской загадке. Как будто мужчина ищет в женщине разгадку своего рождения, устремляясь всем сердцем туда, куда бы его никогда не завёл разум. Сердцем он обрекает себя на добровольное испытание, которое навсегда останется для него примером благородного поиска.

Тайна в женщине, скорее, подчёркивает её внутреннее значение, нежели привлекает всеми своими прелестями. Мужчине удивительно хорошо с ней, но он не может объяснить, почему ему хорошо. Часто это ощущение чего-то хорошего в женщине возникает даже при очень нелёгких жизненных ситуациях. Обезоруживая, казалось бы, своей тайной, женщина открывает мужчине его дом, от которого он когда-то убежал, и вот, теперь вынужден вернуться... Только не по принуждению, а осознанно, с любовью.

Дух мужчины знает, что без женщины ему не прожить. Важно только, чтобы он всегда очень бережно относился к этому влечению. Улавливал бы его в самых зачатках, лелеял и не терял.

Может быть, в жизни мужчины нет ничего более значительного, чем нахождение и открытие для себя женской тайны. Обретёт он её тогда, когда сердце его не будет омрачено недостойными устремлениями, и для душевного равновесия оно выберет самую дальнюю точку горизонта...

А как замечательно это мучительное ожидание и поиск тайны! В неясных предчувствиях, бесконечных желаниях и глубоко затаенных возможностях... Ещё только угадываемая, тайна женщины для мужчины – морская стихия без берегов, сверх-океан надежды и любви, которого он жаждет когда-нибудь достичь.

Тайна женщины – это сумерки жизни, незаметно перетекающие в благостную ночь. Ночь, вроде бы, знакомая, но странная, скорее – южная, чем северная. И непременно – с весенними или летними воздыханиями, немеркнущими звёздами в вышине и волшебной тишиной, к которой хочется только прикоснуться, даже не разгадывая.

А если, всё же, попытаться открыть и сделать своею?! Как отнесётся к тому сама тайна? Не обмельчает ли оттого вместе с мужчиной?

Нет, тайна-ночь угаснуть не может. Она, скорее, приласкает, укроет и обогреет. Если потребуется – защитит собой, но никогда не иссякнет. Без тайны женщины пустеет душа мужчины.

А ещё с женской тайной хорошо думается и живётся. Она – заоблачное царство покоя, исполненного глубочайшего смысла. Даже не верится, что возможно в неё проникнуть и быть там свободным. Порой начинает казаться, что ничего мужчине в жизни и не нужно, кроме этой тайны и сладких дум о женщине...

Иной раз представляется, что и для самой женщины нет ничего важнее этой тайны. Женщина чувствует себя носительницей какой-то большой и нужной всем силы, с которой, если бы даже и пожелала того, не смогла бы расстаться. Женщина – невольная восприемница из недр Всевышнего чего-то высокого, призванного творить на земле только добро.

Порой думается, что женщина даже не ведаёт своей божественной тайны. Тайны рождения и причащения к судьбе мужчины, что она бережно несёт в себе, не в силах самой доискаться её глубин. Тайна женщины – тот неугасимый огонёк, что поддерживает в ней жизнь, и не даёт успокоиться мужчине.

Благодаря своей тайне женщина верит, что счастье жизни только отложено, и оно её никогда не минует. Этой верой объясняется сила её характера. Отсюда – и некая самоуверенность, смягчённая неведением о своём истинном обаянии и всепрощающей праведности. Неистошимый свет тайны женщины озаряет её изнутри такой же неистошимой надеждой.

В тайне женщины почему-то не чувствуется вкуса к жизни, но она необычайно живуча. Вернее, тайне подвластны и радость, и печаль, и магия любви, но она не всегда их проявляет. Тайна удивительно обаятельна своим мудрым отношением ко всему.

Вообще, у женщины под покровом тайны проходит, должно быть, её настоящая, самая интересная жизнь. Каждое восхитительное существование держится на тайне, а женщина будто объединяет в себе их. Тайна её полнится самыми волшебными задумками и начинаниями, которые только можно вообразить.

Всё в тайне движимо любовью, что прикрывает несметное множество людских грехов. Они просто не чувствуются рядом с ней, перетекая в солнечность её загадочной добродетели. Так тысячи ручьёв растворяются в морской необозримости, теряя свои прекрасные имена...

Порой эта тайна может поразить мужчину невероятно... Больше, чем сама любовь. Что-то совершенно особое видится ему в ней, до безумия зачаровывая своим скрытым смыслом. Тайна обжигает неудержимой страстью и сладким страхом: как жить, так, до конца, и не изведав её?

Говорят, что мужчина хранит чужую тайну лучше своей собственной. Женщина, напротив, сохраняет свою тайну лучше чужой. Тайна женщины не имеет свойства молодого вина, что постоянно грозит взорвать бутылку. Она хранится женщиной бережно, почти незаметно для неё самой.

И всё же, истинное назначение женской тайны не столько в том, чтобы её сохранить, сколько в желании возбудить к ней интерес. И делает это женщина блестяще! Мужчины, не подозревая, становятся соучастниками её загадочной игры, поскольку не в силах от неё отказаться.

Тайна женщины для мужчины – несравненная ни с чем истома. Он и сам, наверное, не подозревает, как хорошо ему становится жить, когда в сердце его закрадывается эта пленительная услада. Наслаждение от бесконечного постижения неизмеримо таинственной женской сути.

Сладко мужчине постигать и свою душевную тайну, так хорошо известную женщине. Особенно, когда подует южный весенний ветер, съедая таявшие снега, и на сердце вдруг становится упоительно тревожно и радостно. Видишь, чувствуешь все изменения в своей душе и природе, а объяснить не можешь... Своя тайная дума мужчине ближе извечной женской загадки, однако не перестаёт он тянуться к ней.

Женщина становится неотразимой для мужчины, когда не стремится пленять его своей таинственной красотой. Очень мило выглядит она в тот момент, когда собственная женская сущность, кажется, не интересуется её. Женщина будто чувствует себя виноватой за то, что хороша, и втайне ото

всех будто бы казнит себя в душе, не подозревая, что печать этой тайны лежит у неё на лице, делая её прекрасной.

Тайна женщины в том, что она постоянно приносит радость и добро. Ей, наверное, очень интересно просто быть: ощущать себя рядом с мужчиной или ребёнком, сочетая вместе с ними ещё более удивительную тайну. Может быть, женщина даже продолжает их в себе, чем и остаётся жива.

«Мне нужно нечто большее, чем мой муж, мои дети и мой дом», - говорит порой женщина, которая всё это уже давно обрела. Женщина же, не осуществившая свою мечту, горько сожалеет об отсутствии семьи, она в отчаянии, если не имеет возможности о ком-либо заботиться. И то, и другое – женская тайна.

А может быть, каждая женщина – это таинственное предложение Бога мужчине. Предложение отгадать её или сделать такой, какой он пожелает её видеть. Всё зависит от самого мужчины, предназначение которого – любить женщину. Предназначение женщины – ответить на любовь достойного мужчины.

Чтобы соединить в себе всё лучшее, что женщина может иметь в жизни, она должна стать настоящей. Очень непросто встретить женщину, которая бы жила, как хотела, играла заметную роль в жизни других людей и имела любимую семью. И при этом – сохраняла в себе возможность возвращения в Эдем, в тот райский таинственный сад, где она навсегда забудет ощущение неблагополучия.

Женщина должна быть свободной и независимой, только тогда она расцветает, и ей открывается весь мир. Независимой она, должно быть, остаётся в своей тайне – тайне самозабвенной отдачи себя детям и мужу. Ведь это не так просто, как кажется на первый взгляд, и требуется немало сил и знаний, чтобы обратить свою жизнь в настоящее искусство. Великое искусство, продляющее замечательную тайну, - быть культурной матерью и женой, не забывая в себе Бога.

Тайна женщины – это тайна её неизведанной души. Женщина тихо прислушивается к своей душе, зачарованно играет в это узнавание себя, как будто бы всё ей в любой миг может открыться, если она того пожелает, и ей на самом деле многое открывается. Всем своим естеством, без каких-либо глубоких размышлений, она постигает главную суть отпущенного ей природой богатства, и получается это у неё тоже удивительно загадочно. Тайна самым таинственным образом сопутствует всему, что женщина делает, говорит или только подразумевает совершить. Мужчине, с присущим ему самодовольством, наверное, никогда её не постигнуть.

Как замечательно, если тайна женщины так и останется неразгаданной. Так же, как тайна самой жизни. И в тоже время становится немножко грустно: всё это томление духа у мужчины будет повторяться, не принося ничего нового?!

Но у всякого мужчины своё восприятие женщины, и он по-своему воспринимает и её тайну: восхищается, недоумевает, остаётся равнодушным.

Порой кажется, что женщина тешит в этой тайне только саму себя, отчего, впрочем, не становится менее привлекательной. Тайна женщины дышит неизведанностью нескончаемых для мужчины дорог, а душа мужчины не должна уклоняться от любви, так же, как не должна пренебрегать женской тайной, которая – оружие света, а не тьмы.

Жить без любви – это значит, жить кое-как, а вернее всего – вовсе не жить. Любовь женщины к мужчине подобна весне, и когда она обращает своё сердце к мужчине – в нём начинают бить ключом неведомые источники, что позволяют ему ощутить всю полноту женщины, всей жизни. С любовью к себе женщины, мужчина начинает переживать неодолимую тягу к приключениям, ко всему, что заключает в себе тайну, и главная хранительница тайны – женщина.

Мужчину не покидает стремление целиком погрузиться в эту тайну, и сделать её своей, насколько это возможно. Любовь женщины – может быть, самая невыразимая тайна, и мужчина ощущает в ней пульс жизни и благоухание, сокровищница её полна неисчислимых даров, соприкоснувшись с которыми, он, несомненно, становится лучше.

Во-первых, ему хочется стать настоящим, достойным зачаровывающей тайны женщины, что пробуждает в нём желание жить, а не прозябать. Теперь уж точно он намерен справедливо относиться ко всем живым существам, в каждом уважая его божественную суть. Ведь по природе своей он никогда и никому не желал зла, а таинственное присутствие женщины и вовсе наполнило его любовью. В этом – неминуемое проявление к нему женского внимания, вернее, её сокровенной тайны.

В своей тайне женщина распускается для мужчины прекрасным неведомым цветком, отчего в нём тоже пробуждается энергия любви, и в его жизнь приходит весна. До встречи с женщиной в мужчине присутствовала неудовлетворённость, необъяснимое несогласие с жизнью, но стоило появиться женщине – и его энергия потекла от ума к сердцу, она возжелала любви. Оказывается, любовь и его дом, глупо было не признавать этого, и чтобы быть созвучным жизни, нужно просто любить. Не только женщину, но и птиц, и ветер с дождём, и солнечный свет, никого при этом не убивая.

С открытием для себя женщины, мужчине непременно захочется исправить свою жизнь, наполнив её светом, и он уже не может не находиться в согласии с этим удивительным миром. С любящим сердцем он адресует свою признательность любимой женщине, так и не понимая: как ей удаётся, совершенно неприметно, вмещать в себя эту огромную, как небо, тайну, овладевая сердцами всех живых существ? Мужчина с радостью растворяется в ней, для него не существуют теперь никакие условности или привязанности, совсем недавно связывающие его по рукам и ногам, и он переживает удивительную слитность со всем, что его окружает. В душе его – невыразимая благодарность женщине, и мужчина стремится доставить ей огромное удовольствие, возможно даже что-то теряя, но непременно проявляя к женщине безусловную любовь.

Женщина приветливо впускает мужчину в свою таинственную обитель, ни к чему его не обязывая, и у него появляется желание поделиться и своим чувством. Мужчина становится человеком любви, приветствуя её и в других людях, и любит не из сострадания, а просто потому, что уже не может жить иначе. Любовь стала для него самой жизнью, он теперь не думает о ней, как о чём-то недоступном, что, может быть, когда-нибудь свершится в его жизни: нет, любовь совершается с ним прямо сейчас, так же естественно, как вдох и выдох, и всё это происходит с ним благодаря женщине, её завораживающей тайне.

Сама любовь есть истинное дыхание жизни: и ни мужской, ни женской душе не обойтись без неё. В любви – сокровенная суть жизни, и нужно научиться дышать ей, наслаждаясь таинственным обаянием женщины. Если вы ищете в жизни радость, то вы обязательно найдёте её в женщине: она всегда ждёт, чтобы вы заглянули в её прекрасную тайну. Радостно становится самим собой благодаря женщине.

Не пропустите свою любимую женщину, но для этого нужно любить всю жизнь, и тогда, рано или поздно, любовь к вам придёт, и тайна женщины вам приоткроется. Необходимо только верно взглянуть на любую вещь в окружающем тебя мире, и она, несомненно, вызовет к жизни вашу любовь. А женщина – есть высшая тайна жизни, и путь к ней начинается в сердце мужчины.

Только когда познаёт сердце – рождается любовь, но недопустимо свести её к простому знанию. Твоё сердце просто не может не любить, и это – главное, потому как любовь – неувядающий цветок.

Хорошо идти к женщине с цветами и радугой в сердце, с весной и бесконечностью звёздного неба, хотя все эти прелести жизни ничто в сравнении с любовью женщины. Её любовь не испробуешь на вкус, она не несёт в себе чудесные ароматы и цветовые оттенки, ибо источник её – вечен. Он исходит из самого центра Мироздания, а значит – красота её бесконечна и божественна. Любовь – тайна, и ничего, что её невозможно измерить: важно переживать это таинственное чувство, самое восхитительное, что есть на свете, а не только думать и говорить о ней.

Все мужчины хотят любви женщины, но мало кто из них готов её отдавать: как женщина, если она, действительно, любит. Тайна её любви неизмерима, как любое божественное создание, и делиться своей любовью женщина готова бесконечно. Не в пример мужчине, что всегда желает получить что-то взамен: ему бы научиться у женщины умению отдавать, испытывая только радость. Вся жизнь его, как и у женщины, должна состоять из отдачи, при тех возможностях, какими мужчина обладает, и если он освоит такую душевную работу – жизнь предстанет перед ним настоящим праздником.

Ведь любовь – великое благословение, она принадлежит каждому изначально, но мужчины разыскивают её где угодно, не осознавая, что любовь пребывает в глубине его внутренней природы, а женщина спокойно

напоминает ему об этом своим прекрасным существованием, призывая его вернуться к самому себе. В этом божественном великодушии – великая тайна женщины, её всеобъемлющее благословенное чувство, что открывает для всех живущих мир любви, неизбывный нектар жизни.

Любовь и женщина – понятия не разделимые, по сути – они являются одним и тем же, и если жизнь мужчины прошла без любви, то она равносильна прозябанию. Но если любовь в жизнь мужчины пришла, то она должна расцвести в его сердце таким прекрасным цветком, что он любит не только свою женщину, а всех, кого встречает на жизненном пути. Причём, без всякой причины, просто потому, что любовь приносит ему истинную радость, точно так же, как поют каждое утро свою любимую песню птицы, переживая восхищение от солнечного света, аромата цветов и голубизны неба. Воспламеняя любовь в своём сердце, мужчина и сам становится загадочным, но только не для любящего существа: любви по силам любые открытия на пути постижения Бога.

Моя религия – это любовь к жизни и радость. Именно её живительный сок наполняет члены неизбывной силой, и я чувствую в сердце глубокую удовлетворённость. Любовь к жизни, как и к женщине, подарила мне всё, о чём можно только мечтать, и я переживаю в сердце огромное чувство благодарности к Богу, что Он предоставил мне возможность любить, с удовольствием постигая и тайну жизни, и тайну женщины. Такой благодарности к Существованию вполне достаточно, чтобы чувствовать себя сильным, свободным и счастливым, быть созвучным всему Мирозданию в своей любовной признательности ему.

Но откуда взяться этому непередаваемо прекрасному и чистому чувству?! Источником любви должно стать ваше вдумчивое молчание, вернее – созерцание, переживающее знания о себе и окружающем мире. Тот, кто желает любить – должен быть готов сначала проникнуть в собственную внутреннюю природу, существующую неразрывно от Бога, достаточно изучить её, и только потом соединить своё любящее сердце с любовью другого. Так, незаметно, зарождается и копится в наших душах божественная любовь.

В своей жизни я всегда чувствовал какой-то необыкновенный ритм, которому стремился следовать. Мне это удавалось, и когда я понимал, что нужно остановиться, то писал книжки. В книжках я рассказывал о том, что люблю, чего мне больше всего нравится делать, и как я осуществляю свои мечты. Не было такого, чтобы я не осуществил хотя бы одну из них.

Но женщины занимали в моей жизни особое место, значение их можно сравнить лишь с присутствием рядом моря: их аромат волновал меня точно так же, как свежесть морской волны.

Женщина и море: их тайна завораживает. Тайна обаяния и глубины, непревзойдённой прелести и мощи, - ничто не может превзойти их красоту. И я люблю эту красоту, и ни на что не променяю. Море, женщина и дорога –

что может быть лучше, всегда думаю я, и если всё это кому-то не по нраву, то пошли они к чёрту!

Я не помню, чтобы когда-нибудь испытывал равнодушие к жизни, точно так же, как мне никогда, скажем, не были чужды камни: я всегда чувствовал, что они – живые. Мужчина не должен терять интереса к жизни, а главное – к своей внутренней сути, и пока мужчина не обрёл себя, он не в состоянии полюбить. А полюбить он обязан: ведь в любви – весь сок жизни, сам Бог – есть живительный сок, и когда ты любишь – ты переполнен божественной энергией.

Но часто мужчине, при всей его видимой силе, страшно отказаться от неё в любви, когда приходится отбросить гордыню, что, по его мнению, может оголить его. При этом он забывает, что, не принимая любовь, эту её обезоруживающую открытость и видимую незащищённость, которую она будто бы несёт с собой, он теряет собственную индивидуальность, утрачивая связь с реальностью. Женщина, своим таинственным обаянием и негой вынуждает его забыть своё эго, приняв жизнь такой, какая она есть.

Ведь для любви просто необходимо оставаться честным и по отношению к небу, и к женщине, и к себе. Любовь для мужчины – окно в иной мир, куда каждый мечтает попасть, но не всякий на это решается, а женщина помогает мужчине преодолеть страхи его внутреннего мира, обращая внимание к божественной энергии любви.

Чтобы узнать любовь – нужно отдаться ей полностью, ничего в себе не утаивая: вы должны быть совершенно искренни, а для этого необходимо знать себя. Честно обратившись к своему истинному «я» – и означает бесстрашно раскрыть для любви своё сердце. Любовь – просто есть, она существует точно так же, как и вы, когда оказываетесь чисты в восприятии жизни, и ваше погружение в любовь произойдёт тем глубже, чем вы более честны с собой. Быть честным – значит, именно отдаться любви, почувствовав себя полностью охваченным ей, и тогда она расцветёт в вас.

В тот миг, как любовь ворвётся в ваше сердце – вся ваша жизнь преобразится. Только любящее сердце знает – как прекрасно отдаться на волю радостному существованию. Всё тайное в женщине становится само собой разумеющимся состоянием жизни, в которой и женщина, и мужчина живут в покое и мире со всем сущим. Если любовь приносит в ваше сердце только радость, то оно должно излучать её на всех, и всё это благодаря тому, что есть женщина, её чудесная тайна, вмещающая в себя всю полноту благословенного чувства. Женщина – сама любовь, она неразрывно соединена с великой тайной Мироздания, что несёт в себе нескончаемый свет.

Тайна женщины – сродни древней восточной притче о хлопке одной ладони... Что есть этот загадочный хлопок? На этот вопрос, кажется, не существует ответа. И в чём заключена волшебная женская тайна?

Побуждение совершить этот хлопок – твоё желание познать себя, и как только ты пожелал этого, душевное било производит свой невидимый удар-

хлопок в колокол Божественного. С этого момента из души льётся благодный свет, началось твоё осознанное бессмертие.

Хлопок одной ладони – это предощущение восторженного всплеска души перед тем, как она совершает открытие: всё сущее соткано из божественной энергии. Хлопок ладони должен быть совершён, в первую очередь, в самом себе, и тогда звук от него будет длиться всегда и повсюду. Это – начало твоей собственной духовной песни, её звучание нужно просто пробудить, и в этом заключён смысл хлопка одной ладони: у души нет второй. Её ладонь – решительный, и в тоже время – вкрадчивый жест, подразумевающий именно пробуждение, когда спать уже невозможно, это внимательное отношение к собственной душе, к своему нахождению во Вселенной.

Хлопок одной ладони – это мягкое касание твоего сознания, его не колеблющийся ни секунды поступок, преисполненный непреклонности. Это именно и твёрдое, и нежное решение перестать спать, и начать петь свою неподражаемую чудесную песню. Это свидетельство того, что ты догадался о неистощимом богатстве собственной души, и от радости хлопнул себя по ней любовным потоком своего разбуженного сердца.

Хлопок – это энергетический поток сознания к своему внутреннему «я», к душе, обязанной трудиться. Стоит только хлопнуть – и это радостное состояние всегда будет с тобой, оно тебя уже никогда не покинет, как и твоя любимая женщина, и её чудесная тайна, что хочется разгадывать вечно.

«Ты можешь слышать звук двух ладоней, - сказал Учитель своему ученику. – Покажи мне, как звучит одна». Если мужчина любит женщину, думает о ней и боготворит её, то жест его, выражающий непревзойдённое ничем звучание её божественной души, и выглядит божественно: это – лёгкий, еле уловимый взмах ладони, аккуратно сложенной в форме лодочки от солнечного сплетения – к небу, в знак благодарности Господу за подаренную возможность радоваться и любить.

Радость мужчины исходит из стойкости его характера, какую он выражает спокойно и уверенно. И точно так же, спокойно, эта радость распространяется на женщину. Женщина не может не почувствовать её в мужчине, и она приоткрывает ему себя и свою тайну, когда угадывает в нём его глубину.

Достигать любви женщины, ревновать её к этой тайне – путь, достойный мужчины. И хотя тайна женщины – есть предел его мечтаний, но не должно быть для мужчины границы чувствования в поклонении ей. Тайна женщины для него – великий духовный дар, ниспосланный Богом. Недаром говорят: когда в доме трудно – обращаются к женщине: к её невысказанной тайне, притягательному спокойствию и выдержке. Женщина просто излучает собой это таинственное свечение доброй надежды, с присущей ей убедительностью дара всем успокоительное прикосновение своего великого сердца.

Тайна женщины так задушевна, что хочется сопроводить её каким-нибудь праздником. Праздник этот совершается в удивительном саду жизни,

где благоухает её прекрасный цветник, источающий непревзойдённый аромат любви. Мужчине стоит с благоговением вдыхать его, войдя в сад и радуясь ему.

Таинственно в саду и благоухающее добро женщины, её лицо, взор, улыбка и сновидения, язык и мысли, изысканные манеры и чудная походка, роскошное лоно и самый сладкий поцелуй... Тайна женщины – это знак её красоты, открывающий любые запечатанные врата. Красота женской тайны укрощает непонимание и зло, а мужчины внимают и жаждут её возвышенного прикосновения.

Когда человек думает, что того, чего он не может объяснить – не существует, означает неосознанность. Осознание же подразумевает существование непознаваемого, даже если оно не будет никогда открыто. Женщина, в силу возложенной на неё природой обязанности давать жизнь и оберегать её, порой тонко ощущает то, чего не может постичь, и такая чуткость нередко выручает её. Это – непознаваемая тайна женщины, и хотя женщина не в силах её объяснить, она эту тайну тонко в себе угадывает. Чувство для женщины вернее, чем объяснение, и природа не зря наделила её большой сердечностью.

Когда человек живёт в согласии с собой, совершая сознательные поступки, то такое отношение к существованию можно назвать религиозным. Религия, таким образом, это способность быть собой, чего часто не достаёт мужчине. Если мужчина не религиозен, женщине ничего не остаётся, как обрести себя самой, и она проявляет удивительную гибкость, оставаясь при этом таинственной и незаметной.

Таинственная природа женщины волшебна, но ещё более чудесно открывать эту тайну, наслаждаясь ей. В этой потребности понимать и мир, и женщину – единственная надежда для мужчины познать, наконец, себя, свой жизненный свет.

Для женщины, в её ограниченном мужчиной положении, естественно создание собственной реальности, и она создаёт её с помощью воображения. Женщину посещают чудные сновидения и грёзы, и они, совершенно естественно, заполняют её действительность. Не пустую блажь, а спасение в своих сердечных рассуждениях желает отыскать женщина, и воображение олицетворяет для неё возможность преобразить своё существование, мысленно представляя его в своих мечтах более счастливым.

Все эти грёзы, может быть, и не реальны, но когда они приходят к женщине и окружают её, то кажутся абсолютно реальными, более реальными, чем существующий мир, который не приносит ей такие чудесные грёзы. Тайной своей женщина, конечно, не в силах ни с кем делиться, и она несёт её в своём сердце, и лелеет.

В своих чудесных грёзах женщина живёт, как в настоящей жизни, и это не может не отражаться на её отношениях к детям и мужчине: они становятся ещё более трепетными. Воображение женщины не сводит её с ума, оно полнится доверием к божественному существованию. И вот, что удивительно: эта, создаваемая женщиной, воображаемая реальность не угнетает её, это – её поиск возможности выстоять в жизни и сохранить свою внутреннюю природу, это – её таинственная религия.

Находить незаурядное в чём-то заурядном, это не только путь Будды, но и женщины, если она следует своей таинственной сути. На неё производит впечатление любая мелочь, проходящая, обычно, мимо внимания мужчины, она пронзает её сердце, что не в силах её не заметить. Женщине невозможно не примечать окружающую красоту, лучше – проникнуться ей и наблюдать, впитывая сердцем: как это важно!

Без вкрадчивого постижения всего, что происходит вокруг, в природе, не может быть никакого удивления в жизни, а без удивления не может быть трепетного сердца: оно, чаще всего, оказывается женским. Женщина не хочет упускать божественное чудо, тем более, что оно – всюду, и она всегда настроена на таинственное, потому что и сама есть чудесная тайна.

Порой начинает казаться, что таинство женщины – та загадка, которую невозможно разрешить. И это, отчасти, верно, поскольку её следует просто пережить. Так же честно, как женщина переживает своё, вроде бы, незатейливое бытие.

Ведь ум мужчины логичен, а значит – ложен, и всё, что вытекает из этого, естественно, не является истинным. А мужчине нужно просто изменить отношение к женщине, взглянув на мир её глазами, и всякое замешательство растает.

Мужчине бы следовало быть внимательнее с женщиной, относясь к ней более чутко, и необъяснимая им душа женщины распухнет перед ним благоухающей розой. Это не в женщине существуют постоянные противоречия, что мужчине никак не удавалось разрешить, а в нём самом недоставало ясного взгляда на жизнь. Реальность необходимо встретить так, как она того заслуживает, то есть – познавая её, попробовав на вкус, даже – раствориться в ней, и душа женщины непременно встрепенётся на проявленное к ней чуткое отношение.

Мужчине, несомненно, нужно заботиться о женщине, помогая ей достичь слияния с собой, потому как у женщины проявление её душевного чувства происходит не так быстро, как у мужчины. Телу и душе женщины требуется время, чтобы соединиться с восприятием жизни мужчиной, и тогда это самое время пропадает, оно оказывается иллюзией, и остаётся только любовь. Мужчина и женщина просто существуют, находясь в состоянии божественного переживания.

В жизни большинство мужчин стремятся быть успешными, удовлетворяя тем своё эго: оно нужно им для того, чтобы все признали их необыкновенное умение достигать в жизни желаемого. Каждому мужчине

непрерывно хочется прослыть удачливым и очень цельным человеком, вызывая тем зависть близких и коллег, и чем больше, по его мнению, таких завистников, тем лучше. Правда, достижение успеха зависит не только от тебя, но от многих других вещей, тогда как женщине обретение истинного блага подвластно самой.

Об этом, скорее всего, никто не узнает, но, тем не менее, женщина счастлива только благодаря собственным душевным усилиям. Мужчина, не замечая в женщине её внутреннего счастья, убеждён, что она не проживает настоящей жизни, совершенно теряя при этом самого себя. А когда человек теряет душу, разве он может приобрести всю радость мира? Женщина же воспринимает мир только через свою внутреннюю красоту, и этот мир открывает ей себя, даря непередаваемую радость.

Мужчина, как правило, не обращает внимания на то, что растёт у него под ногами, и пропускает обычные, но такие чудесные травы... Его захватывает только то, что может ослепить, как солнце, иначе на него и смотреть не стоит. А женщине приятно замечать всё, что растёт вокруг неё само по себе, она отмечает всякое, казалось бы, невзрачное растение, потому как деликатна душой, мила и скромна в восприятии мира, и тогда обычное, действительно, открывает для неё необычное.

Это сочувствующее сердце женщины помогло ей проникнуть в чью-то маленькую тайну, и она, конечно, чувствует себя счастливой. Как не изумиться этой тонкой наблюдательности женщины, способной увидеть в крохотной травинке всю красоту мира, а она, захватив её с собой, передаёт людям. Происходит волшебная алхимия, свойственная только женщине!

Тайна женщины заключена ещё и в том, что при той практичности, которой она вынуждена придерживаться в течение всей жизни, она, подобно ребёнку, сохраняет в себе невинность. А что такое невинность? Вероятно, когда ты способен осознавать жизнь без мыслей, и это состояние созвучно существованию самой природы.

Женщина не борется с жизнью, подобно мужчине, а остаётся естественной в восприятии её. Она чутко подстраивается под течение жизни, что непременно изменяется, и в этой гибкости имеет большое преимущество перед мужчиной.

Наивное отношение к жизни – не слабость, и уж, конечно, не порок, а истинная природная мудрость, когда ты не стремишься казаться особенным. Именно так живёт женщина, подобно цветку находясь в согласии с солнечным теплом, пчёлами и другими цветами. Её невинность – это исчезновение всякого эго, женщина чиста в своём взаимодействии с миром.

Тайна женщины, в отличие от мужчины, в том, что она всегда живая... Женщина, конечно, родилась с этим желанием жить и любить, но она никогда в себе эту возможность не упускает. Для мужчины жизнь может казаться жизнью, хотя он совсем и не живёт, а вот в женщине живительный родник струится всегда, постепенно превращаясь в настоящий поток. Разве вы, мужчины, этого не чувствуете, и не осознаёте?

Для мужчины настоящей жизни нужно ещё достичь, необходимо постоянно работать над собой, чего у него не всякий раз выходит, тогда как женщина – сама себе хозяйин, и заронённая однажды семенем в благодатную почву, она смолоду начинает готовить себя к взрослой жизни, заботливо взращивает, и в один прекрасный день расцветает. Тех пор, пока мужчина достигнет состояния цветения, можно и не дожидаться. Женщина же к своему времени, так или иначе, поспеет, иначе праздника ей не видать, и цветение её всегда радостно.

Несчастье – не в природе женщины, оно для неё не существует, если его в её жизнь не приносит мужчина. Счастье рождено вместе с ней в её сердце, и она заботливо несёт его в себе, как зажжённую свечу, переживая в нём тихое блаженство. Она невидимо борется за свой внутренний свет: имея уши – слышит, имея глаза – видит, и никогда не изменяет голосу сердца. Так, постепенно, она становится неуязвима, и потребность жить в ней не иссякает. Мужчины этого тоже не видеть не могут...

Женщина знает, что такое жизнь, она её в себе продолжает, и, конечно, понимает, что никто не умирает. Правда, если вы не будете отрицать существование, не продолжите цепляться за эго, а поверите в своё божественное начало. Возьмите пример с женщины, мужчины, поприветствуйте в себе Бога!

Ведь вы часто уповаете на Господа, забывая о собственной ответственности за свою жизнь, и просто боитесь жить, надеясь, что всё когда-нибудь само собой свершится. Но «надежда» - пустое слово, потому как руководствуется «будущим», которого не существует. А жить необходимо сейчас, сию минуту, как это покойно и незаметно исполняет в своей жизни женщина...

Но мужчина предпочитает оставаться неосознанным, продолжает жить, не в силах ответить: зачем он это делает? Происходит это, вероятно, по причине того, что мужчина чувствует в себе присутствие Бога, именно надеясь, что божественное в нём всё управит, и ему не придётся совершать никаких душевных усилий. Сознанием мужчины овладевают мечтания, что всё желаемое рано или поздно сбудется, нужно только подождать...

Да только ничего не случится, пока мужчина не перестанет избегать столкновения с настоящей жизнью, со всеми её трудностями, не обращая внимания на то, как женщина осуществляет это каждодневно. Если вы, мужчины, хотите узнать что-то, вы должны столкнуться с этим лицом к лицу. Женщина обязательно поддержит вас в вашем устремлении...

Всё, что есть в женщине – это божественная природа. Мужчине нельзя конфликтовать с ней, ведь тогда он вынужден будет пойти против Бога. Но поскольку ничего вокруг, кроме Его Присутствия, не существует – разумно ли это?

Совершенно естественно для мужчины было бы любить женщину. Точно так же, как и Бога, иного просто не дано, но мужчина почему-то охвачен безумием одержать победу и над природой, и над женщиной, не

желая изменяться. Вероятно, ему не хватает понимания, что вся эта ненужная борьба происходит внутри него, тогда как женщина пребывает в ожидании любви. Мужчина даже не пытается разгадать эту маленькую женскую тайну, не осознавая, что крохотная частица не в силах взять верх над Целым.

А Божественное, заменяя мужчину, играет с женщиной: оно – единственное её прибежище. И женщина с радостью принимает эту игру, даже не пытаясь сопротивляться. Она полна чудесных природных перевоплощений, с удовольствием становясь и птицей, и цветком, и океаном, и только ждёт от мужчины внимания, чтобы подарить ему всю свою природную красоту.

Ведь всё в нашем мире едино, но мужчина забывает об этом, он сам создаёт себе неразрешимые тайны. И потому Сущее вернее было бы воспринимать в виде женщины, с её божественным лоном, в котором она вынашивает мужчину, в ней есть животворящее пространство. Женщина окружает его в этом пространстве блаженством, заботится о нём, но мужчина потом часто забывает об этом, лишая себя развития и нарушая, тем самым, своё единение со всем Сущим. Единение и с Сущим, и с женщиной – есть блаженство!

Само слово «тайна», кажется, предполагает, что её никогда нельзя будет разгадать. Ты можешь обрести в жизни многие знания, но всегда существует что-то, чего тебе ещё предстоит узнать. Это касается и женщины, и для мужчины познание её представляется порой делом неразрешимым. Но разве это так?!

Смысл существования противоположностей в жизни – возможность научиться принимать этот мир таким, какой он есть, чтобы, благодаря этому принятию, преодолеть двойственность, и стать свободным. Свободным от безразличия к окружающей тебя жизни, и в первую очередь – к женщине, дороже её, для мужчины, нет никого на свете. Женщина несёт в себе отпечаток божественного, а оно вполне подвластно пониманию, если оставаться чутким к существованию. И небеса, и женщина приветствуют тебя, мужчина!

Божественное – суть проистекающей в нас жизни, его необходимо благодарить за предоставленную всем нам возможность любить друг друга, не забывая о созидании. Мужчине же нужно только увидеть это божественное, оно заключено именно в женщине, а с божественным ему надлежит быть наедине. Ведь женщина мудра от природы, и сердце её видит больше, чем глаза десяти мужчин.

Вероятно, тайна женщины не есть нечто, что непременно должно быть решено, а просто прочувствовано вместе с ней и прожито. Ведь любая тайна – это жизнь, её необходимо именно пройти, осознав все её тонкости, а тайна женщины – неувядающий цветок: наслаждайтесь им!

Мужчина должен ухаживать, любить, быть другом женщине, и тогда бытие начнёт открывать ему свои тайны. Женщина терпеливо ждёт, когда

мужчина раскроет своё сердце и полюбит её. Только рядом с женщиной мужчина может расти, обретая свободу.

Любимая женщина, её чудесная тайна – всё сущее для мужчины: это и трава, и деревья, и солнце, и он сам. Ему нужно просто с радостью жить женщиной, познавать её и наслаждаться её присутствием. Она – само бытие, и встречаясь с ним – мужчине следует быть настоящим, не боясь броситься в неизвестное. Женщина ждёт от мужчины душевного подвига: тайны тут никакой нет.

Что может сравниться с женским интуитивным сердцем?! Это – тоже тайна, но тайна объяснимая, если вы поймёте, что любовь пронизательна. Чтобы увидеть истину – обыкновенные человеческие глаза женщине непригодны: она видит любящим сердцем. В нём находится божество...

Во всём, что существует вокруг – есть тайна: она в окружающих нас деревьях, цветах и звёздах, тайна в нас самих, и, конечно, любовь – это тоже тайна. В разгадывании тайны заключён вкус жизни, её радостное переживание, если вы живёте в полную силу. И как чудесно в полную силу желать любви и любить, самому созидая тайну своей жизни, создавая в ней свой замечательный смысл.

Таинственная энергия любви требует постижения, а затем – выхода, и как это прекрасно осуществлять вместе с женщиной. Такая тайна постижения жизни восхитительна.

Существование – это возможность для роста, поэтому и истина приходит только изнутри. Ей должен быть озабочен, в первую очередь, мужчина, тогда как для женщины важно распространять вокруг завораживающую таинственность, радуясь жизни. Радуйтесь вместе с ней, мужчины, наслаждайтесь неповторимостью и женщины, и этого волшебного мира, меняйте свой закостенелый подход к жизни.

Женская душа отличается от вашей души тем, что она прекрасна. Любите её, и вы никогда не будете чувствовать себя неудовлетворёнными. Помните: женщина всегда права, она более правдива, а значит – естественна. В этом – её чудесная тайна.

Женщина изливает нежность, и хотя это делает её уязвимой, она всё же продолжает источать свою внутреннюю красоту. Нежное сердце – самое сильное на свете, и только оно способно познать всё таинственное, и открыть чудесное. Жизнь полна всего удивительного, если смотришь на неё нежными глазами, и только смотря на мир с нежностью, можно познать – что такое Бог. Тот, кто умеет быть нежным, переживает великую радость, и если мужчине следует обрести силу, то пусть она будет нежной, ибо нежность – достояние того, кто мудр.

Тайна – душа женщины, её невозможно этой тайны лишиться, иначе женщина перестанет быть такой привлекательной и манящей. Ведь всё поверхностное – пресно, оно не вызывает никакого интереса, а вот загадочное очень органично, и оттого – прекрасно.

Всё прекрасное в женщине принадлежит её тонкому внутреннему миру, и он, несомненно, требует погружения в себя. Женщина всегда полностью участвует в происходящем, она мудра в отношении к жизни, потому, что очень трепетно настроена на свою внутреннюю природу, улавливая её малейшие изменения. Женщина будто уединяется в своём душевном саду, не желая выставлять глубокие чувства напоказ, но только для того, чтобы выйти наружу с большей энергией и любовью.

Прелестный аромат женщины возникает в её внутреннем источнике, а затем распространяется во внешнее жизненное пространство. Но не затем, чтобы стать полностью раскрытым: аромат лишь опьяняет на какое-то время, и вновь становится таинственным, никому недоступным. Чудесный день в женщине сменяет ночь, а не менее чудесная ночь – солнечный день.

В своей глубине женщина имеет таинственное прибежище, где может отдохнуть от мира и помолиться, восстановив свои силы. Одна половина её жизни открыта для всех, а другая половина сохраняет сокровенность: в свою потаённую сокровищницу женщина никого не допускает. Лишь любимому мужчине позволено войти в этот волшебный внутренний храм, оберегая его прекрасную тайну.

Мужчина для этого должен быть творческим в своём собственном существе, это – его благословение. А женщина должна быть готова к сдаче, отдавая себя любимому мужчине: в этом – её красота. Вот почему женщина всегда в той или иной степени нуждается в помощи, ей нужен мужчина, на кого можно опереться, и она счастлива подчиниться в своём сердце любви. Её любовь – очаровательная тайна, устроенная по божьему промыслу: без него сердце женщины – пустая грамота.

«ЯЗЫК»

Что бы ни писалось о женщине, и ни говорилось о ней, нельзя не упомянуть о её языке. Вернее, о своеобразной способности мыслить, с поразительным обаянием передавая всё это своеобразие в своей речи. Порой – с таким особым женским умением, которого совершенно не понимают мужчины. Им для этого надлежит научиться чувствовать, то есть – жить сердцем, чаще обращаясь в своих тщеславных устремлениях к внутреннему миру женщины.

Мужчины и женщины, вообще, всегда говорили на разных языках. Часто можно слышать, что язык женщины – её враг, он прежде ума норовит быть, но и то верно, что ласковое женское слово подобно вешнему дню. Причём, мужчины никогда не могли научиться языку женщин, тогда как женщины всегда хорошо понимали мужчин. Просто невероятным остаётся такой неразрешимый факт: как женщинам всё это время удавалось сохранять терпение!

При этом мужчины даже не пытаются составить для себя достаточно ясное представление о языке женщин: ведь женское слово – есть переживание внутри себя особого мира, и чтобы понять женщину, мужчине его тоже необходимо пережить. Открыто восхищаясь женщинами, посвящая им бесчисленные любовные сонеты и похищая их у других мужчин, мужчины упорно не желают постигнуть их суть.

Всё непонятное, что исходит от женщин, мужчины предпочитают именовать, якобы, только им присущим вздором, не замечая в женщине самого важного. А оно живёт в душе женщины, и незаметно создаёт её мысли, чувствования и речь. Несмотря ни на что, женщина старается вызвать в мужчине любовь и доверие своим сердечным отношением к жизни.

Мужчина берёт женщину в жёны, но не слушает её. Он хочет во всём разобраться сам, и неукоснительно верит, что так оно и есть. Он даже не предполагает у женщины своего ума, зачастую гораздо более пронизательного и живого, и видит всё её достоинство только в красоте.

Красота, конечно, облагораживает женщину, но для большинства мужчин она оказывается сетью. Выбирая себе красивую жену, мужчина должен радоваться глазами, а слушать её сердцем. Только тогда она станет для него истинным сокровищем.

Нельзя безнаказанно, долгое время, испытывать любовь и преданность прекрасной женщины, если не обладаешь в достаточной степени возможностью жить и её внутренним миром, оставаясь при этом великодушным и щедрым. Ведь в противоположность женскому языку – язык мужчины чрезмерен до обещаний, женщина же по-настоящему щедра только на доброту. Язык её, кажется, не так ярок, даже, скорее, скуп, но зато он глубок и прост.

Впрочем, язык женщины не есть самое важное её достояние, он лишь выражение её мягкого характера, призванного спокойно и ласково обращаться с мужчиной. Когда можно тихо и доверительно выказывать ему свои желания и мысли, оставаясь незаметной, но сильной.

Язык женщины – это её душа, с помощью которой она мыслит и любит. При малейшем случае, как бы ни было тяжело, она стремится к добродетели; если же цель оказывается далеко – терпеливо ведёт к ней мужчину. Мужчина чувствует это трепетное женское участие, но все заслуги принимает на собственный счёт. Ему всегда не хватает зрелого ума, присущего даже девушке-подростку.

Знание и чувство жизни заложено в женщине изначально. Самой природой ей уготовано лечить душевные раны мужчин, забывая при этом о своих. Главные жизненные заботы женщина посвящает детям и мужчине, всё остальное для неё не так существенно.

Спокойствие духа и заботливое сердце женщины всегда отражаются в чистоте её языка. Оттого она никогда и не чувствует за собой никакой вины, ясно представляя себе суть дарованной ей жизни. В ней требуется не так уж много слов, и язык женщины оказывается самый обыкновенный.

Ласковый взгляд, улыбка, скупое прикосновение руки – порой многозначительнее любых словесных выражений, какими бы искренними те ни являлись, но всё это – тоже язык женщины. Язык, предназначенный растапливать льды непонимания, и выращивать цветы. Они – вечны в сердце безвестной для многих мужчин женщины.

Доступность и простота женского языка безоговорочно пленяют всех: даже птиц и зверей, деревья, травы и облака. Сердце женщины рождает её удивительные по простоте мысли, а мысли незаметно перевоплощаются в обыкновенные и красивые слова: «милый», «родной», «солнышко рассветное», «месяц мой ясный»... Всякое живое существо, слыша их, радостно тянется к свету и в душе благоговеет.

Вроде бы, и повседневный её язык, а в любом открывает какие-то изумительные настроения и черты. И начинаешь ты думать о происхождении мира, о других людях и о своей матери, что никогда не выставляет себя наперёд, и всегда остаётся в тени. Простые и обыкновенные слова она произносит простым человеческим языком, и каждый ей верит и понимает.

Нет в женском языке броского блеска яхонтов и алмазов, более присущего мужской речи, но, между тем, он выразителен и гибок. Ещё он живописен своей красотой и меткостью, неповторимой остротой и пластикой. Язык женщины до невероятности поэтичен, но и безукоризненно правдив. Ни за что не передать его увлекающей за собой свободы, а с нежной усладой и вовсе никому не сравниться.

Голосом своим женщина владеет легко, и всё его простое великолепие также доступно ложится на душу человеку. Не по-бабьи крикливый, а по-женски бархатный, льётся он только за надобностью, и просто так, ни для чего, не возникает. Либо песню споёт, либо на доброе дело надоумит, а то и пожурит за непослушание ласковым словом. Внятно, без воя, вразумит женщина мужчину в себе честь и совесть соблюдать, и так неприметно это у неё получится, что тот даже укорить себя за собственные огрехи не подумает.

Только вдруг придёт ему мысль про то, как он замечательно всё обустроил, и жизнь оттого покажется пригожей и ладной.

Так же и девичий голосок: звонкий, чуть дрожащий, разбередит в душе что-то давно в ней дремавшее, и заставит восторгнуться. Захочется побежать за ним – куда угодно, лишь бы не упустить. А голосовой колокольчик серебряный не умолкает, и так к себе сладостно притягивает... Молодостью своей, здоровьем, и ещё – каким-то знанием необъятным и радостным, ради которого мужчина на край света однажды отправляется, да не ведает, что оно рядом. Женщина потом такого мужчину, дальней дороги не побоявшегося, в первую очередь приметит.

Для этого мужчины голос женщины становится родником журчащим, так что она даже задыхаться начинает от охватившего её счастья. Что пришёл, наконец, он, тот самый, и так она ему радёшенька... А ещё больше радуется женщина тому, что может излить теперь весь голос сердца, нащёптывая любимому свои ласковые слова.

Мужчине тут, почувствовав над женщиной власть, никак нельзя допустить, чтобы голос её однажды надломился: стал натужным и неестественным, словно холодом остуженным. А наоборот, больше бы всё наполнился ласковыми звуками и прерывался душевною песней, веяло бы от него нескончаемой свежестью. В его руках и силе, чтобы дивный голос женщины не обесцветился, не осёкся.

Всё в голосе влюблённой женщины очаровательно! И вдохновенность, и прелестные звуки... А как чудесно само влечение что-то говорить для любимого, втайне уже произнося волшебные слова! Они сравнимы, может быть, только с голубиным воркованием, соловьиной нескончаемой трелью или притягивающим мурлыканьем котёнка...

Ангельский голосок, сменяет страстный, а сдержанно благожелательный вдруг становится весёлым. Голос женщины переливается взволнованным чувством, когда она ощущает в мужчине нежную признательность. В этой благодарности даже слышится не существующая вина женщины за её прежнее невнимание к мужчине, и голос становится грудным и гордым от переполняющих её переживаний. Она так признательна мужчине за его заботливое отношение, что голос сразу приобретает необыкновенную задушевность, и, конечно, женщина всё ему прощает.

Кроткий и ласковый, даже елейный, голос женщины пытается рассказать мужчине обо всём на свете: о не сложившемся когда-то счастье, невыносимой изворотливости любезных лжецов и о повергающей в безверие подлости изощрённых нахалов... Но, Бог со всем этим, ведь дорогой мечтатель, которого бы женщина любила только так, как может она одна, ей уже достался! Мужественный, нежный, щедрый, а самое главное – милый. Как бы она без него жила, обиженная и невинная, почти святая?!

И вот, приятно очаровав женщину, мужчина покорил её гордость и силу. Он стал для неё тем страстным богом, что угадал её тайну. Хорошо, если

мужчина тронул женское сердце только теплом, и его убедительный голос слился с голосом благодарным и умилённым!

А какой девственный и волнующий голос у женщины со сна, когда она только открывает поутру глаза и, ещё ничего не разобрав, пытается охватить окружающее пространство взглядом, пальцами и губами. Медленно и зачарованно, словно впервые в жизни, смотрит она в окно, и что-то такое проникновенное и простое, еле слышно, говорит всему, что находится за ним: ласковым лучам солнца, верхушкам деревьев и хрупким отголоскам доносящихся откуда-то птичьих песен.

Вроде бы, женщина и не спала, а лишь прислушивалась к рождению дня. Не повышая голоса, равномерно с пробивающимся повсюду солнечным светом, шепчет она всему живому свои застенчивые слова, про себя с удовольствием улыбаясь. И солнце, и воздух, конечно, постигают всё, что произносит женщина, внимательно слушают и незаметно проникают в её душу. Как проникает в неё и шелест листьев с травой, и лёгкие дуновения ветерка, и редкие вскрикивания птиц. Голос женщины от всего этого становится ей самой желанным и милым.

Если рядом с ней в такое утро оказывается мужчина, он, обычно, ничего не замечает, а женщина разговаривает с кем-то неведомым, только про себя, пытаясь поведать ему что-то сокровенное, родное. Женщина хотела бы вести себя так, будто мужчина, что лежит сейчас рядом, - именно тот, самый желанный, и она ему очень доверяет, так что может с ним обо всём говорить. Но мужчина, как правило, спит, и ничего не слышит.

Женщина прощает ему это, нежно трогает пальцем его губы, а про себя опять говорит только ей известное и близкое, но уже с ласковой улыбкой, снисходительно, как будто извиняясь за невнимание мужчины к ней. В этом ей помогают утро, небо и дыхание пробуждающейся чистой жизни.

Но хорошо, если рядом – любимый мужчина, и когда он открывает глаза, голос женщины и вовсе меняется. В нём – еле сдерживаемое стремление только любить, быть преданной и незаменимой. Женщину охватывает тихий восторг от близости самого родного человека, и умиление от чуть слышно произносимых ею слов нескончаемым потоком обрушивается на мужчину. Понимает ли он по-настоящему все эти взлёты и падения влюблённой женской души, улавливает ли её взволнованные нотки?!

Ведь язык любви – язык немой, а сколько в нём сокрыто трепета и волнения! Он легко, наверное, может говорить без слов, и быть при этом неудержимо горячим. И всё-таки, лучше усваиваются сердцем именно произнесённые слова, более ласковые и проникновенные, чем порывистые и пламенные. Слова женщины не устают оберегать любовь.

Да, язык женщины – её любовь, и слова в нём – удивительные и трогательные образы. В них – вся вселенная её души, и суть лишь в том, что мужчина эти слова должен разгадать. Женщина своими ласковыми речами вынуждает мужчин думать сердцем, великодушно оставляя им возможность добиться её любви.

Слова её – драгоценные капельки, что, между тем, возбуждают бурное волнение. Они, как ничто, согревают сердце мужчины, и, наверное, беспредельны в своей доброте.

Мужчине не говорить с женщиной невозможно, ведь она любит ушами, но если не сказать ей главного – можно потерять её. Женщина же понапрасну не требует от мужчины только приятных слов, ибо они у него, чаще всего, не бывают искренни. Она, скорее, ждёт от него того, что хотя бы на крупицу, действительно, принадлежит ему, самому честному в его душе, а уж потом достаётся ей.

Сочетание слов в языке женщины – её исключительная способность именно так, мило и непосредственно, выражать свои мысли и чувства. Вероятнее всего, это даже язык Бога, Его дар женщине, при помощи которого она воссоздаёт свой удивительный мир. Кому красное словцо молвит, кому – присказку, а с кем лишь помолчит ласково, зато всякого золотом оделит. И как бы ни были коротки её высказывания, они требуют к себе самого глубокого внимания.

Но наиболее проникновенным в языке женщины оказывается даже не слово, а интонация, скрывающая всё то, что не может быть произнесено: наподобие шелеста срываемых ветром листьев, что уносятся им неведомо куда, и там неслышно опадают. Следить за их непредсказуемым полётом – одно наслаждение.

Благозвучен язык женщины всегда, даже когда она ещё не любит. Грудной, покойный, - в нём слышится певучая мелодия, что так сладко усыпляет. Несмотря на жизненные беды, женская речь несёт мужчине дивные звуки, и он под них приятно забывается, и отдыхает.

Звуки эти не только льют чудесную музыку, но и ненавязчиво нащёптывают советы. Про то, каким мужчине нужно быть верным и справедливым, а ещё – ничего не боящимся, отважным. Женщина созидает его образ в себе, и своим языком терпеливо воспитывает, мужчина же ничего, кажется, не замечает. Он только в самом конце жизни постигает, как дорога для него женщина, и вспоминает её первые ласкающие слова и проникновенные колыбельные песни.

Песни эти подобны лёгкому весеннему туману, что поднимается поутру от воды и украдкой разливается повсюду. Они не жалобные, не печальные, а свои, родные: мужчина сразу понимает это, когда в сердце его воцаряются радость и покой. И будто сам начинает петь вместе с бабушкой или матерью, а может быть, и с незнакомой женщиной, чей певучий голос вдруг привлекает его слух, и он всецело отдаётся ему, и уже не хочет ни за что терять.

Песня эта всегда поддерживается в нём женщиной, кем бы она мужчине не приходилась. Только он начинает забывать о ней, а она вновь появляется, и поёт всегда кстати: то весело, зазывно, то печально. Вспоминается тогда мужчине незаметно утерянная им воля, его былая удаль и неосуществлённые мечты. Затягивает он тогда и свою песню...

Песня же женщины служит для того, чтобы смягчать и радовать мужскую душу: своей беспредельной мелодичностью и душевной мягкостью голоса, что, кажется, всё обо всём ведает. Нежность в душе мужчины растекается от того, как женщина может тронуть его беспокойное сердце.

Раздумчиво тянется женская песня через всю жизнь мужчины, одно согласие в ней, стройность и дорогая сердцу размеренность. И такой вдруг заветной вдруг покажется ему её обворожительная величавость, что не мыслит он уже без неё жизни. Как задумается мужчина о женщине, увидит и прочувствует всю её кротость, и глубокую кручину вместе с отрадой, так и очарует его женщина своею дивною печалью, и станет он её вечным невольником.

А задушевная музыка всё льётся из женской груди благоговейным потоком, и не утихает. Она одна, наверное, является в жизни самым важным языком женщины, и не нуждается в переводе. Никакая другая земная музыка не может сравниться с биением любящего женского сердца.

Музыка женской души – это истинно всеобщая человеческая речь: возбуждающая и возвышенная, грациозная и жизнерадостная, изумительно застенчивая и зовущая к созиданию и любви. Она – божественное величие и продолжение всего, что потом её в природе только повторяет.

В музыке женского голоса, кажется, нет ничего обожающего, но, между тем, она возвышает и облагораживает. Музыка эта не поддаётся словесному выражению, и всё же, удивительным образом обогащает. Даже когда она воспринимается кем-либо мятежной, то не производит ничего устрашающего, и лишь рождает сказочные грёзы.

Своей душевной мелодией женщина доводит мужчину до самого края понимания им своего существования, а потом, дав возможность осмотреться, увлекает ещё дальше – в бесконечность. Вместе с ним она постигает и себя тоже, но больше, всё же, переживает за своего избранника. Счастливых она делает ещё счастливее, несчастных – вдохновляет.

Музыкой своей души женщина пророчит всё самое лучшее, что может ожидать человека. Язык её не нуждается в выборе слов, он только следует духу любви и вдохновенной поэзии, и ни о чём другом не помышляет.

Душа женщины полнится неведомыми для мужчины мыслями, что женщина произносит, словно бы, невзначай. Таинственность в них перемежается с ясностью, и обе они, как два крыла, дополняют друг друга. Именно благодаря этим двум противоположностям женщина обретает свободу в распространении своих мыслей.

Мысли женщины подобны цветам, что расцветают в её душе, но становятся заметными только после того, как бережно отбираются мужчиной, по одному цветку. В пышном букете её любви они смешиваются, теряются от своего обилия, и даже могут безвозвратно угаснуть от переизбытка в них радостного света. Мужчина должен уметь вовремя выделить из них самое значительное, что хочет открыть ему женщина.

Женщина никогда не навязывает мужчине язык своих цветастых размышлений, прежде стараясь быть внимательной к его речи. А между тем, слушая мужчину, часто находит в своей душе более простые выражения, что, впрочем, никак не выказывает. Она так доверяет ему, что, скорее, отвергнет собственный верный путь, до конца пройдя с мужчиной его ошибочный.

Что мужчина считает блестящей мыслью или неподражаемо красивым изречением, то женщина воспринимает более основательно и спокойно. В глубине души она никогда не хочет обманываться, и удивительно точно определяет для себя хотя бы и небольшую, но необходимую долю истины в словах мужчины. Мужчина же склонен чаще заблуждаться, до последнего момента не признаваясь в этом даже самому себе. Прекрасная мысль оттого порой теряет в его устах всю свою ценность, а иногда и вовсе не рождается, не оказавшись рядом любимой женщины.

Мысль выстраданная, глубоко затаенная и невероятно образная тоже, в большей степени, присуща женщине, нежели мужчине. Душа её, как видно, гораздо удобнее устроена для заполнения благородным напитком знаний. Сама речь женщины – это кладёшь опыта, приобретённого в своём незаметном существовании рядом с мужчиной. Каким сокровищем мог располагать он, если бы научился терпеливо разгадывать в языке женщины её красивые человеческие мысли!

Мысли женщины, наверное, даже не нуждаются в словах... Как только они достигают своей законченности, то сразу перерождаются во взгляд, движение губ или походку. Мужчина замечает происходящие в женщине перемены, и отвечает ей своими мыслями и чувствами, рвущимися из пальцев рук, груди и сердца. Необходимость облекать мысли в слова становится для обоих обременительной, и лучше этого молчаливого взаимопонимания нет ничего на свете!

Язык такой трогательной любви – это язык чудесных полунамёков, знаков и улыбок, доступных только для двоих, охваченных любовью. В нём участвуют все органы восприятия, исключая лишь слова. Слова не нужны, они уступают место голосу сердца.

Мысли женщины – как добрые гости, которые знают, с какой любовью относится к ним хозяйка. А посещают они её дом тем чаще, чем лучше их там принимали. Желание, не переставая, радовать всех своим гостеприимством – в полной мере свойственно только женщине.

Даже самое святое и справедливое слово, выношенной мужчиной в своём сердце, не обошлось без участия женщины, когда она, пока мужчина его вынашивал, ублажала его, как могла, своими мыслями-словами. Мужчина ей потом ещё долго жаловался на свою, якобы, незавидную судьбу, и женщина терпеливо залечивала его душевные раны. Она помогала мужчине оставаться самим собой, незаметно слагая для мира свою целомудренную душу.

Умение владеть своим языком, пожалуй, одно из самых важных достоинств женщины. Не в пример той беспорядочности, что допускает в

своей речи мужчина. Женщина более, чем мужчина, права, когда всю накопившуюся горечь выплёскивает не в словах, а в работе.

В отличие от мужчины, она не присваивает себе чужие мысли, выдавая их за свои, а вынашивает, как ребёнка, сама... Всей своей кропотливой и вдумчивой жизнью женщина не устаёт нести в себе созидательное начало, оставляя за собой не разрушительную силу, а доброту и нежность.

Все мысли, которые женщина преобразует в поступки, всегда очень просты. И она так же просто наслаждается ими, не портя ничего, подобно мужчинам, с присутствием им желанием всё обсуждать. Лучше всего, когда ей удаётся остановиться на чём-то одном, не спеша и с удовольствием обращая на него внимание мужчины. Мужчина, сам того не ведая, остаётся ей благодарен.

Охваченная затягивающим все силы бытом, женщина не думает о прошлом и будущем, а расчищает в своей душе место для достойного и верного настоящего. И поскольку делает она это честно, то настоящее заслуженно приходит к ней в своё время. Так, в нужный момент жизни женщине открывается верное представление о ней, и оттого она всегда мудра и покойна.

В терпеливом языке женщины и её мыслях, конечно, виден свой ум. Та непреходящая мудрость, что оберегает её от мужского влияния. Она почти никогда не знает, что будет думать по тому или иному поводу, но всегда почему-то уверена, что всё у неё получится. Постоянно настраивая себя, таким образом, и не сдаваясь, у женщины всё по задуманному и выходит, и оттого она мужчине приятна.

Женщине не нужно, чтобы её непременно все слышали и знали, она живёт для того, чтобы вынашивать в себе детей, спасая в них будущих достойных мужчин и женщин. И для этого ей необходимо просто любить.

Женщина не презирает мужчин за то, что они не замечают в ней её своеобразного ума. Она относится к ним великодушно и, может быть, только немножко сожалеет о недостающей в них осознанной добродетели.

Женщина бы никогда не вынесла всего, что она выносит, если с умом не соединяла своего характера. Характера сильного, но невидимого для мужчины, и потому, будто бы, не существующего. Сколько замечательной разницы уместается между доброй по характеру, чуткой женщиной и несправедливым, хотя и неглупым мужчиной! Ведь иногда жизнь для мужчины складывается так, что ему мудрее было бы не быть с женщиной слишком умным.

Ум женщины вместе с её немногословным языком заключается и в том, что она несёт всё это в себе независимо от мужского мнения. Она скучает там, где большая часть мужчин находит удовольствие, и искренне отдаётся веселью, где они подвержены печали. Мужчины воспринимают её совершенно противоположные их настроению душевные всплески, как непонимание жизни, но женщину их бездушие ничуть не трогает.

Подобная внутренняя свобода женщины с каждым днём, незаметно, оказывает на неё очень благотворное влияние. Такое благотворное, что она, даже находясь в зависимости от мужчины, не усугубляет издавна наметившегося между ними разрыва. Женщина – это огромное невидимое тепло, что, подобно солнцу, рассеивает мрачные мысли, всех согревает и поднимает настроение. Может быть, именно поэтому мужчину всегда влекло к женщине.

Женщина во все времена, несмотря на то, что оставалась, как правило, в кабале у мужчины, была свободнее его, умнее, глубже. А чем выше человек по своему духовному развитию, тем большее удовлетворение доставляет его жизнь окружающим людям, всем живым существам.

Мудрость женщины велика в маленьких вещах, что тысячу раз встречает за свою жизнь мужчина, но не удосуживается обратить на них внимание. А между тем, именно они, как ничто, содействуют человеческому счастью. Страшно подумать, что женщина замкнулась бы, подобно мужчине, в себе, ничего не отдавая при этом другим, и как она может быть предана человеку, не перестающему у всех и всему учиться, работая над собой!

Язык женщины, идущий из её всеобъемлющего сердца, никогда не бывает лишён настоящего чувства! Столько в нём может быть признательности, верности и чуткости, что хватило бы на нескольких мужчин. Простая женская забота о развитии в себе материнства уже предполагает в ней несравнимое ни с чем восприятие именно благостного существования.

Только мысль, вышедшая из её любовного чувства, имеет цену. Она – благоухающий цветок, что будет жить вечно. Ему не устать дарить радость никогда!

Самый милый сердцу мужчины язык женщины, когда она произносит еле слышно: «Люблю тебя...» Слова эти так крепко связывают мужчину и женщину, что не хватит никакой силы их разорвать.

Словесный язык, по существу, есть сам человек, и у женщины он необыкновенно проникновенный и милый. С помощью его мужчина воспринимает её удивительный мир, который она ни от кого не скрывает. Он – душистый сиреневый куст, ветки и листья его нашёптывают о том, как он прекрасен.

Язык женщины никогда не стесняется, потому что всегда чист. Он свеж своим дыханием и желанием любить. Уста женщины, произносящие ласковые слова, не способны источать ложь.

Язык женщины – ключ к её сокровищам, и когда она молчит, трудно предугадать, что за драгоценности она в себе хранит. О них можно лишь догадываться, не переставая приятно недоумевать: как сладостно слушать простую женскую речь, что к Богу приводит.

Женщины выражаются удивительно мило, независимо от того, любят они или нет. Их язык – зеркало доброй и умной души, предназначенной ублажать, а главное свойство женской речи – дарить тепло, подобно

ласковым солнечным лучам: они так и льнут к твоему телу, и согревают, и нежат.

Язык женщины – это клад, что не описать словами. С помощью его она может совершать самые невероятные чудеса, и потому обращается с ним всегда очень осторожно. Будто бы это – божественная жидкость, каждая капля которой волшебна.

Язык женщины иногда опережает её мысль, но это ничуть не мешает, а только приносит ей ещё большее очарование. Некоторая торопливость делает женщину милой, придавая лишь ей свойственное обаяние. Обаяние ребёнка, что нечаянно допустил оплошность, и трогательно почувствовал за это не принадлежащую ему вину.

Вообще, по-настоящему переживать за всех живых существ – свойственно только женщине, так же, как и трепетно говорить. Она любит справедливость, и держится этой добродетели в своей речи. Сердце её творит всё лучшее, что только можно себе представить, а слова его выражают.

Мужчине не хватает такого возвышенного чувства женщины в своих словах и поступках. Оно, как правило, остаётся в нём безответным, никем не замечаемым. А в женской душе такое чувство длится долго, почти всю жизнь, и ничто его не сокрушает.

Мужчина же понимает то чувство и слово, которое выгодно ему, и сходно с его собственным словом. Он стремится более к эффекту, к невоздержанно громким словам, что вызывает в женщине холод. Вся мудрость жизни заключена, как раз, в простоте женского языка, идущего от сердца.

Женщина будто сердцем слушает время жизни, а язык её, кажется, нарочно создан для выражения его тончайших оттенков. Одарённый такой милой сжатостью, соединённый с чистотой, он довольствуется только одним словом для передачи сокровенной мысли. Мужчине бы для этого понадобилась целая витиеватая фраза.

Язык женщины неисчерпаемо богат... Он постоянно обогащается за счёт её глубокого видения и чувствования жизни, хотя женщина и не использует всех его запасов. В ней хватает природной мудрости, чтобы не распалать своё душевное знание понапрасну, и она обращается с ним почтительно.

Язык для женщины такая же святыня, как и продолжающаяся в ней жизнь. Никогда не употребит она лишнего слова, что оказывается на деле ненужным. Духовно живёт, божественно и изъясняется. Честь ей и благое место под святыми небесами.

Язык нужен нам для общения так же, как линейное время необходимо, чтобы контролировать свою жизнь, но разве способен язык помочь человеку в его духовных поисках? Для женщины самый важный способ общения с миром – это размышления сердца, именно они придают ему внутренний свет, и мысли-чувства льются из него таинственно, но чудесно, не в пример

словесному смятению мужчины. Женщина же всегда остаётся покойна, даже не пытаясь приукрашивать свои внутренние соображения, и ей в достатке того, чем она обладает: её язык – нескончаемое душевное цветение.

При всей своей сердечности – слово для женщины не так уж важно: ведь душевным можно оставаться и вне слов. Таково отношение женщины ко всему живому, когда она способна обходиться и без языка. При виде красоты душе её, разумеется, тоже хочется воскликнуть такое же прелестное слово, но чаще она засмущается своей восторженности, и распустится сердечным цветком, выказывая всю свою внутреннюю прелесть в милой улыбке.

Что за чудесный цветок её душа! Какая необходимость для женщины расплескивать сердечную красоту в ничего не значащих словах, то и дело повторяя их на разный лад, как это выходит у досужих поэтов? Зачем повторять эти красивые слова даже в уме? Разве не лучше просто примечать случающееся рядом с ней волшебство – робко распускающуюся медуницу или зацветающий подснежник, всем своим существом впитывая их трепетную негу, и затем отдавая эту красоту в своём душевном тепле!

Да, у женщины есть внимательные глаза, чуткий слух и тонкое обоняние, но зачем всё это, когда душа твоя полна божественного присутствия? Душа женщины очень изящно, как это присуще только трогательным цветам, ощущает тёплое дуновение ласкового ветерка, и ей незачем говорить об этом. Она именно вбирает в себя прелесть окружающей её жизни, сама ещё более расцветая, и это позволяет ей увидеть вещи такими, каковы они есть, понимая всё без слов.

Надо помнить, что если ваши чувства могут быть переданы без слов, то это и есть любовь. С помощью слов один человек, как правило, убеждает другого человека в своей искренней признательности ему, повторяя их при этом неоднократно, что со стороны начинает выглядеть неестественно, но ведь истинное выражение чувств не нуждается в словах. И женщина хорошо понимает это сердцем, выражая своё душевное благоговение, ничего не говоря. Она невинна в своём восприятии жизни, её язык – душевная красота, и всё, что женщина может – только с благодарностью поклониться этому божественному миру!

Если уж быть честным, то язык не так уж необходим тем, кто любит: им достаточно вдумчивого молчания. Они общаются, не произнося ни слова, только сердцами. Молча женщине легче, и её тихое молчание – чем не ответ?

Язык женщины и есть наполненное молчание, её божественная тишина, что пронизывает всю Вселенную. Поэтому, как ни странно, она независима от живой речи, хотя, бывает, представительницы этого пола находят изрядное облегчение, когда выпускают из себя ненужный словесный пар. В божественном молчании настоящей женщины таится большая притягательность, и, вслушиваясь в неё, ты чувствуешь себя так, будто прикоснулся к чистому источнику.

Женщина часто остаётся безмолвной ещё и оттого, что невозможно общение с мужчиной, когда он бредёт во тьме. Женщина переполнена к нему

состраданием и любовью, но всё же не говорит правду, чтобы не вызывать у мужчины раздражения. Положение глубоко чувствующей женщины не из лёгких, ей сложно открывать свою душу, и она часто прибегает к незатейливой изобретательности, чтобы донести до мужчины истинное состояние вещей. Порой женщина чувствует себя просто беспомощной, и она вынуждена сохранять молчание: это, действительно, её язык.

Женщина, конечно, более склонна к молчанию, нежели мужчина, и оттого чаще замечает то, чего не видит он. В молчании ты более внимателен к проистекающим вокруг событиям, и потому способен увидеть жизнь во всей её невероятной красоте, что и происходит с женщиной. В молчании она становится ещё глубже, понимая: всё сущее вокруг – это рай, и проникнуться им возможно только чутко вслушиваясь и всматриваясь, не произнося ни звука. Язык женщины – молчаливая музыка сердца, истинное благословение для мужчины, и он, переживая её в душе, тоже начинает ценить мелодию внутренней тишины.

Молчаливое общение женщины с самой собой, во время кропотливой домашней работы, созидает внутри неё неведомое для всех сокровенное пространство, благодаря которому она творит добрые дела. Мужчине, если он пожелает доискаться в себе какого-либо смысла, нужно очень постараться, не каждый на это решится, тогда, как в женщине этот смысл уже существует: он выработан её вдумчивым и спокойным вглядыванием в свою неторопливую душу. В ней – тишина и умиротворение, на поверхности же – огромное количество мужских, никому ненужных слов, и женщина, всем своим невозмутимым видом, будто призывает мужчину стать немного молчаливее, чтобы излучать больше доброго чувства. В покойной тиши женского сердца протекает нескончаемое постижение её жизни, неведомое мужчине.

Причём, происходит это у неё произвольно, совершенно естественно, и потому женщина не притворяется, а любит. Молчание у женщины не означает откладывать жизнь на потом, когда она начнёт говорить, а наоборот, подтверждает её деятельный образ жизни. У мужчин же, в их словесной шелухе, происходит полная неразбериха, отчего жизнь, кажется, проходит мимо. А женщина в своём молчаливом и радостном созидании – есть незаметная, но верная соль земли.

Конечно, молчание для женщины – не слово, зато – вдумчивое переживание. Оно уже давно стало неотъемлемой частью её жизни, но любви в ней от этого не убавилось. Что поделать: женщине не хочется попадать в западню путаных рассуждений мужчины, но если она однажды почувствует в нём красоту его невысказанной любви, то отдаст ему своё сердце. Сущее – божественно, и его можно ощущать без слов.

«СТИЛЬ»

Французское слово «стиль» происходит от греческого, и обозначает палочку для письма у древних греков... Для женщины же стиль – это её приём, когда она с наибольшей выразительностью доносит до мужчины суть своего удивительного мира.

Стиль – характерный признак женщины, совокупность её достоинств, с помощью их она влияет на мужчину. Признак этот выражается в её одежде, в том, как она сидит на ней, дополняя всё ценное в самой женщине. Стиль женщины – очаровывать собой, увлекать, быть для мужчины родной и неотразимой.

Стиль женщины – это и её походка, что даётся от Бога. Как бы трепетно не вздрагивало сердце мужчины, глядящего её вслед, женщина живёт своей очаровательной жизнью, в первую очередь, сама переживая свои притягивающие внимание мужчины телодвижения. Поступь ног, чуть согнутая в локте рука с невероятно изящным изгибом в запястье, покачивающиеся бёдра, откровенно облегаемые платьем, – как всё это нравится ощущать женщине в себе, а мужчину завораживает так, что он обо всём забывает!

Платье охватывает женщину, как снег землю. Оно задаёт собой отношение ко всему: глядя на двигающиеся ягодицы, стан, ноги, ощущаешь себя рабом. И сразу хочется жить, сделать что-то такое, чего сам не понимаешь: заметное не для всех женщин, а хотя бы для одной...

Походка женщины всегда воздушна, гибка, грациозна. Изящество, свойственное кошке, беззвучно бегущая волна, что вот-вот норовит захлестнуть, и в тоже время – объять своей ладной крепостью и безудержным великолепием. Дух захватывает от её легковесной силы, убаюкивающей ловкости и слегка повергающей неги! Как очаровательна эта походка, когда её обладательница будто парит над землёй!

В походке женщины нет никакой порывистости или проворности, свойственной то и дело опережающим события мужчинам. Походка женщины – её размеренное отношение к жизни, ровное и взвешенное чувство, но зато навеки! В ней нет скованности, и она не танцующая, походка не порхает и не элегантна, она просто добра в своём восхитительном естестве, щедро расточающем обаяние женщины.

В завораживающей походке женщины – её душевная бодрость, что никогда не иссякает, и ещё – вкрадчивая неторопливость, с какой женщина готова относиться к мужчине. Она всё видит, всё понимает и убаюкивает его своими неслышными продвижениями по жизни. Мужчина неотрывно следует за женщиной, не в силах постигнуть её секрета. Тайной своего стиля, когда ничего особенного, казалось бы, женщина не применяет, она просто повергает мужчину к своим ногам.

Ещё походка женщины околдовывает восприятие мужчины тем, что необыкновенно мила. Как будто удивительный сон сквозь явь застигнет тебя украдкой, и ты не в силах ничего изменить. Да этого и не требуется, лишь бы

неспешно пить женское присутствие, становясь царственно спокойным и смелым.

Стиль женщины – это её поведение и манеры, облечённые в чудесные одежды. Одежду чаще придумывают для женщины мужчины, и это у них порой великолепно получается. Они знают, как можно любую женщину превратить в богиню.

Мужчине всегда нравилось смотреть, как двигается женщина, что за одежда при этом на ней, и всё ли соответствует в наряде женщины её магическому образу. В этом взгляде – извечное стремление мужчины открывать в женщине Америку, желание приобрести, наконец, то, без чего ему так нелегко жить.

Размеренные телодвижения женщины, когда она идёт – будто плывёт, то и дело повторяются, вроде бы, ничего нового в её образе не проясняя, но, тем не менее, притягивают взгляд. Кажется, вот-вот, после очередного шага, в ней откроется что-то недоступное и милое, чего мужчине до сих пор особенно не хватало. Он, неотрывно, всматривается в женскую походку, во все эти ласково колышущиеся складки, округлости и такие притягательные линии, пытаюсь разгадать восхитительную тайну женщины, но опять чувствует себя полностью поверженным ей.

Это – волшебство, мгновенно ударяющее в голову, и лишаящее памяти, всего, что происходит с мужчиной сейчас и чем он владеет. Чудесное женское таинство, что им так и не раскрыто, а оно радостно существует, как утро жизни, что каждый день не перестаёт волновать своим очаровательным появлением.

Какой восхитительный мир заключает в себе всё, что на женщине надето! Пальто, перчатки, туфли... А потом – чулки и платье, загадочное нижнее бельё... Это – мир необыкновенного творчества, такого чуткого и радостного, что всякая жизненная боль в душе успокаивается, и незаметно ускользает.

Мужчина втайне опасается, что узнавание этого женского мира никогда для него не состоится. Но ему хочется туда, как можно быстрее, попасть, быть там очарованным гостем и, может быть, даже остаться навсегда, если женщина это позволит. А пока лишь разбирать его шорохи, запахи и краски, упиваться им и мечтать.

Если у кого и есть талант одеваться, то, несомненно, у женщин. И это несмотря на то, что мужчины изобретают женские костюмы, причёски, шляпки и туфли. Но однажды женщина была вынуждена сама задуматься о своей одежде, когда Бог изгнал её из рая, а мужчина разделил с ней эту приятную обязанность.

Стиль женщины включает всё, что касается её туалета. Это и причёска с украшениями, и косметика, и маникюр. Огромный мир необъятного великолепия и красоты.

Но более всего важна для женщины, всё-таки, одежда... Именно одежда наиболее точно выражает суть женщины. Умение одеваться – это её природный ум, предназначенный увлекать.

В одежде – музыкальный ритм окружающей женщину природы: её ласковое тепло и дивная прохлада, удивительные шорохи дождя и трепетной листвы. Истинный стиль женщины – в искусстве всю эту красоту преподнести.

Кто-то из женщин предпочитает роскошь, а кому-то по душе изысканная простота, но всегда женская одежда должна быть выразительна. Это мужчина может обойтись в одежде только выраженным благородством и опрятностью, женщину же привлекает изящество. Выбрать всё самое лучшее и соединить вместе – вот что может обусловить безукоризненный женский стиль.

Для молодой девушки – стиль один, более зрелую женщину устраивает совсем иное. Но кто из них способен обоготворить своё появление? Может быть, та, что уже познала мужчину, успела разочароваться в нём и вновь обрела любовь? Или этого в состоянии достичь девушка, что только наслаждается своей невинной красотой и молодостью?

Стиль зрелой женщины может заинтересовать, но поразит ли он мужчину? Напор молодости, не обременённой годами, и игривый ум, не устающий радоваться жизни, должно быть, скорее тронут его! Только у молодости стиль может быть по-настоящему свеж и безупречен. Взгляд на жизнь замужней женщины приобретает умудрённую живость, но теряет наивную чистоту. Это неминуемо отражается на её стиле.

Стиль женщины – это, вообще, невообразимое переплетение её самых невероятных желаний, способных мужчину не только очаровать, но и озадачить. Желания искромётные сменяют просто необъяснимые, а женщина восторженно купается в них. Она наслаждается всеми этими бретельками, разрезами, декольте, и ещё, когда линии бедра так обворожительно подчёркнуты изящной тонкой тканью... Утаивать с помощью одежды свои прелести, в то же время их показывая, для неё, быть может, самая упоительная услада.

Одежда женщины поражает мужчину цветами, на какие он сам никогда не решится, и они, конечно, тоже создают её стиль. Начиная с ослепительно белого, что подразумевает обворожительную чистоту, самые неожиданные цвета, не прекращаясь, смело сменяют друг друга: шафран, маджента, индиго, шартрез, слоновая кость, бейнсборо, бургунди, аквамарин... Краски эти, облагороженные вниманием женщины, никогда не линяют. Женщина не может ни в чём себе отказать, когда природа бросает в её объятия свои диковинные цвета. Она вынуждена подчиниться этой сладостной повинности, и позабыть в ней всё то, что недавно так подавляюще обременяло её своей прискорбной правильностью.

Лаванда, мята, шоколад, слива, персик, жасмин... Сколько в них шелковистых и сладких перешёптываний, чудесных намёков и тайн. И между тем, они все так понятны и теплы.

Цвет ткани, вместе с её чудной шелковистостью, присваивается женщиной себе и обласкивается, подобно любимой кошке. Женщина нежно дотрагивается до него взглядом, купается в нём, мечтает, воплощая в этом ласковом содружестве что-то давно выношенное в себе, родное. Получается это у женщины замечательно.

Цвет, конечно, отзывается на женские прикосновения, иногда играет с ней, как котёнок, чаще находясь в головокружительном упоении. Манит к себе, ничем не раздражая, тихо поёт и вырабатывает нежное тепло. Не заметишь, как разыгравшееся воображение вызовет к жизни восхитительные переживания, нечто очень трогательное и дорогое. Так и захочется тоже сделать его своим...

Цвета женской одежды разнообразны, неповторимы и потому вызывают разные ощущения. Порой цвет бывает просто опьяняющий, так что пить его, не переставая, небезопасно. Он может и осчастливить, а может этим счастьем и напугать, даже – повергнуть. Растревожит своей нежнейшей глубиной и, кажется, без внимания оставит, так что ты потом долго переживаешь секреты его волшебной красоты.

Иные цвета только отражают несущийся к ним солнечный свет, какие-то - пропускают мимо, некоторые же целиком вбирают в себя этот цветущий воздух, со всеми, присущими ему, ароматами. Цвета по-разному реагируют на оказанное им внимание, но благодарность хранят долго. От женской любви они, вообще, обо всём забывают.

Цвета дышат в лицо блаженными поцелуями, ненавязчиво рассказывают о том, какими они могут быть загадочными, даже – царственными, и в тоже время – совершенно открытыми. Вот - пунцовый, такой молодой и душистый, что, кажется, не собирается когда-нибудь увянуть, постепенно превратившись в блёклый: он пышен и пахуч, радостно благоухает своей роскошной свежестью.

Нежно-салатный – словно замерший в листьях звук... Нежится в прозрачных капельках росы, вроде бы, отчего-то тает. Ему ничего не может помешать, если он пожелает обернуться предутренным небесным лоскутком. Свежее его может быть только место на нежном девичьем затылке, где волосы сворачиваются в удивительно трогательные колечки, а еле приметный пушок так маняще золотится...

Ярко-красный цвет тоже, как ни странно, очень мягок, хотя и бросается сразу в глаза. Насытиться им, кажется, невозможно, но он очень быстро успокаивает. Красный цвет приятно растекается в душе, и его не может быть никогда много.

Красной может быть лишь часть женской одежды, и это выгодно её выделяет, отчего она становится какой-то неувядаемой и пленительной. Наполненная такой сияющей теплотой, одежда, в тоже время, не ослепляет.

Под стать красному – цвет лимонный, удивительно проникновенный, даже вызывающий. Но такой и должна быть одежда женщины, что вознамерилась очаровывать. Лимонный цвет может мгновенно броситься в глаза – и поразить, долго не отпуская.

Если женщина присвоила его себе по праву, от него тотчас повеет душистой прохладой, так что приятно занемеют кончики пальцев, и сердце судорожно встрепетает, а потом провалится в фруктовое забытие. Не сразу сообразишь, что пропал ты только на время, и спасти тебя в состоянии такой же потрясающий цвет. Может быть, это будет нежно-голубой, воздушный, невероятно трепетный?!

Голубизна выглядит тем изысканнее, чем тоньше несущая её в себе ткань. Голубой цвет – это волшебные грёзы женщины, её неясные думы о чудесном царстве вечной любви и света. Только по-голубому она может возвышенно грустить, с удовольствием оставаясь одна, и, конечно, много и сладко мечтать, перебирая в душе все милые сердцу цвета, близкие голубому: небесно-васильковый, ларимар, перванш – бледно-голубой, с сиреневым оттенком, веридиан, бирюза...

Какой цвет, вообще, предпочесть для себя, если их так много?! Бархатисто-чёрный, ореховый, кремовый, лиловый? Или - сиреневый, пурпурный и оранжевый, а может быть – такой непередаваемо пронзительный – лазурный, морской?

Отношение к цветам может восторженно и по многу раз в день меняться, но рано или поздно женщина приходит к своему. Это может быть и сочетание цветов, целая гамма красок, что выражает только её, и никого больше. Чем богаче избранное ею разнообразие, тем глубже она сама.

Взять, хотя бы, один из них – благородной чёрной масти, подобный грациозной и загадочной ночи, покровительницы любовных желаний... Как применить его к своей фигуре, чтобы, охваченная темнотой, та удивилась открывшейся в самой себе красоте? Сколько изящества тогда обнаружит вдруг женщина, скрытого шарма, умения владеть своим телом, угадывая в нём отголоски таинственной души!

Бархатистость черноты и её потаённая мягкость окутают женский стан, оставив голыми только руки и плечи, и женщина будто соприкоснется с царицей тьмы. Она сама превратится в неземную богиню, готовую вознестись к звёздам. Чёрная нескончаемость этой звёздной глубины станет для женщины открытием в себе нового света.

Такое же неведомое тихое сияние способен разбудить в женщине и цвет слоновой кости: мягкий, незаметно вмещающий в себя весь колорит чудесной жизни, которая хочет быть ни на кого не похожа и, в тоже время, жить просто. Но изысканно, со вкусом.

Слоновая кость – это и нежнейшие сливки, ничуть не обременённые сладостью, и прохладная банановая мякоть, и лёгкая дымка африканского знойного утра. Женщина плавно живёт во всём этом нетронутом великолепии, никуда не торопится, саму себя порой не замечая. Она как

будто забывается и плывёт в сплошной молочной реке, и кремовые берега её то удаляются, то вновь приятно возникают. Но это не забытьё, приближающее к угасанию, скорее, лишь сладкий сон.

А каким неожиданным может быть ярко-зелёный цвет, почти изумрудный, загадочный! Он не вспыхивает и не озаряет, никуда не уносит и не пьянит, в него можно бесконечно всматриваться. Причём, без каких-либо усилий, спокойно, потихоньку открывая одну зелёную свежесть за другой.

В этой смене зелёных оттенков – всё время обновляющаяся и не испорченная ей глубина, что необыкновенно многолика. То покажется загадочная дурман-трава, что собирают колдуньи ночами, на потаённых лесных болотах, а то очищенное бурей, послештормовое море, с таким притягательным ярко-зелёным цветом, изредка вскипающим белоснежными барашками... Результат смешения морской воды и жёлтого песка с солнцем.

А ещё в зелёной густоте может видаться чарующий мир древнего растительного царства: диковинный, но не страшный, так, что хочется в него войти и любоваться невиданными красотами и тьмой. Можно сделать его своим, если что-то пришлось в нём по душе, и делиться им с другими, кто не устаёт познавать окружающее нас божественное пространство. Так поступает женщина, что однажды обрадовалась доступности зелёного цвета, и подружилась с ним.

Легко привыкая в одежде к такой приятной для себя зелени, женщина сама наполняется ею. Зелёными становятся её глаза и мысли, а ими легко проникается мужчина. Может быть, прежде других глаз он замечает именно зелёные: из-за их восторженности и загадки, такой замечательной пронзительности и лукавства.

Ну, а если женщина уже обладает всем этим волшебством от природы, с ярко-зелёной водной прохладой и ясностью погожего летнего утра? Стоит, наверное, встретить такую женщину, чтобы стать, хотя бы, её другом, ощущая временами эти зелёные прикосновения, улыбку и смех. И, конечно, восхитительные дуновения её молодой жизнерадостной души, о которой она порой и сама не всегда знает. Как она, должно быть, проникновенно и восторженно любит, с присущей только ей отдачей неся в себе эту чарующую зелень!

Всё зелёное в женщине удивительно молодо, и хочется, чтобы оно никогда не прекращалось. Чтобы женщина не приобретала злополучного опыта в общении с мужчинами, не замыкалась в себе и не изменяла своей волнительной искренности. И ещё бы – не теряла такого трогательного восторга, что впору нежно-нежно обнять её, и уже никогда не расставаться, даря ей всю любовь своего сердца. Что может быть лучше такой беззаветной преданности женщине, какими бы глазами она не обладала!

Но самые милые – зелёные, что благоухают лучезарной свежестью нежной зелени. Только тепло излучают они, готовность любить и не разочаровываться в мужчине. Всё, что женщине нужно – это его внимание и забота, чтобы он не убивал в её сердце ласковое чувство.

Благоухать может не только душа женщины и её тело, но и одежда. Вобрав в себя аромат женской плоти, она предстаёт ещё более благородной и изящной, не теряя её запаха. Он такой тонкий, что его не всегда уловишь.

Казалось бы, одежда только запирает дивный сад, сокрытый от мужчины, но впечатление это обманчиво. Там растёт дикий виноград и превосходные плоды граната, душистые персики и таинственный шафран... Сад – источник необычайно благовонного потока, что льёт свои дурманящие волны всякому, кто проходит мимо. Неизбывный женский аромат по-кошачьи просачивается сквозь тонкую ткань женской одежды, и ткань не противится его мягкой поступи, и очаровывает собой мужчину.

Есть ткани, по своему запаху, совершенно невероятные... Такие же, как и сами женщины: лёгкие, таинственные, нежные. Чудится, что ткань – это тело самой женщины, продолжающая его в себе.

Ткани на женщине завораживающе колышутся, скрывая внутри себя загадку, ласково шелестят и увлекают за собой.словно сказочный ветер поднимается с благодатного юга, веет скрытым фруктовым садом и очаровывает мужчину. Если бы, действительно, пришёл к нему дорогой возлюбленный, и вкусил его сладкие плоды!

И вот, возлюбленный появился, выбрав именно тот сад, что пришёлся ему по душе: с чудными шорохами волшебных трав, дурманом переливающихся воздушных волн и дивными хрустальными родниками... Как обойтись ему с этим чудесным садом, чтобы пить и не напиваться, вдыхать и не быть до конца наполненным?!

Ткани, подобно цветам, имеют и благоухающие имена... Тонкий и мягкий шёлк, кажется, только и помышляет о том, чтобы кого-нибудь из женщин заключить в свои объятия. Как он послушен на женщине, принимая её, должно быть, за шамаханскую царицу. Льнёт к ней, ластится, играет... Хорошо ему жить со своей прелестной хозяйкой, и от её любви шёлк забывается в восхитительной истоме.

Не менее изящно просвечивает сквозь свои неведомые тайны шифон... С лёгким полунамёком на любовную игру и загадочной улыбкой. Имя его хочется произносить без конца, каждый раз угадывая в нём что-то новое, неуловимое.

Благородный муар, чуть переливаясь, предпочитает изысканные манеры. Он под стать элегантной леди, тонко чувствующей и умной, одно присутствие которой рядом с мужчиной представляется чудесным даром. Муар тихо радуется за неё, и чуть слышно признаётся ей в любви.

Плюш мягко обвивает силуэт женщины, как будто что-то ей нашёптывая. Его длинные ворсинки возбуждённо дотрагиваются до её шелковистой кожи, с благоговением щекочут... Иногда он, наверное, бывает даже излишне навязчив, и женщина предпочитает ему более сдержанного поклонника. Такого, например, как Глазет...

Глазет, в отличие от других тканей, к женщине не пристаёт. Он более красуется на ней сам собой. Своей цветной шёлковой основой и гладкой

серебряной канителью. Или – золотой, что только более его выражает. Глазет будто и не понимает, что женщина вдыхает в него жизнь.

А вот бархат, кажется, создан для того, чтобы улаживать женское тело, величественно и с любовью охраняя его. Он нежен к женщине, терпим к её капризам, и трепетен. Сколько внимания и ласки дарит ей бархат, сколько отдаёт своего тепла! Забирает он, быть может, лишь аромат восхитительной кожи, но не навсегда: вдоволь насытившись им, бархат тотчас возвращает его милой владелице, ещё более окутывая её своей нежной вуалью.

Нежен к женщине и полупрозрачный батист, слегка поблескивающий и, в тоже время, простой в своей льняной основе, но всё-таки какой-то необыкновенный. Ни на кого похожее признание выказывает он женщине за её внимание к себе, даже если она не всегда к нему благосклонна. Когда же батист женщине мил, она может посчитать его и озорным. Улыбкой озарится его отношение к ней, и проснётся тогда в батисте скрытое обаяние и благородство.

Замша с вельветом тоже необыкновенно обходительны с женщиной. Порой они бывают до невероятности трогательны и милы. Им, видимо, доставляет удовольствие улаживать обыкновенные женские желания. И замша, и вельвет послушно замирают под ласковыми прикосновениями женщины, и, кажется, ничего более не замечают.

Пришедшие из древности виссон с вернеем, их позволяла себе лишь знать, дарят женщине ощущение лёгкости и довольства. Ей приятно находиться в их дорогом окружении, и от такого царственного присутствия она сама начинает вести себя по-царски: величественно и кратко говорит, так же проникновенно думает. Ткани её за это боготворят...

Вот только тафта словно ревнует женщину к другим тканям. Может быть только потому, что сама женского рода, и не терпит какого-либо соперничества. Она то и дело тяготится непреодолимой завистью к женщине, и навеивает на неё неясные настроения. Женщина не держит на неё зла, но тафта ничего не может с собой поделать.

Вытканная золотыми и серебряными нитями парча любит, когда её на женщине много, и много вокруг – в накидках, портьерах, недовольно свернувшихся отрезах... Ещё парче по нраву, когда в ней преобладают ярко-красный, пурпурный и бордовый цвета, может быть, золотисто-жёлтый. Она самозабвенно довлеет надо всеми окружающими её предметами, а женщину и вовсе не замечает. Столько в ней сокрыто внутренней спеси и довольства!

Невероятно далёкими от подобных переживаний представляются загадочные твин, тирас, маррах, синдель, бареж... И, конечно, органза, муслин, гипюр, габардин и креп-жоржет. Ткани, судя по именам, чудесные. От них веет диковинными плодами, волшебством и дальними странами. Названия их звучат, как таинственные женские имена, что, не переставая, хочется произносить, наслаждаться их воображаемым присутствием, и тянуться к ним всей душой.

Мир женской одежды, как никакой другой, вмещает в себя, возможно, самое лучшее, что посвятил женщине мужчина. Чудесные ткани, их невероятные цвета и оттенки, фантастические платья, блузки и юбки. А какая одежда может существовать без украшений, так тонко вылепленных и подобранных для неё?!

Любому драгоценному камню требуется достойная оправка, так же как и красоту женщины подчёркивает какое-либо изящное украшение. Это может быть тончайшее бриллиантовое кольцо, серебряные подвески-паутинки или загадочный агатовый кулон с голубоватыми вкраплениями бирюзы. А ещё – чудом сохранившийся, от прабабушки, старинный золотой браслет, изысканная рубиновая брошь и хрустальный, инкрустированный изумрудами лорнет. Какие бы ценности ни прикасались к телу женщины и её одежде, все они для неё – талисман.

Драгоценные украшения живут на женщине своей жизнью: порой страдают, иной раз радуются. И, может быть, даже умирают, если женщина достаточно не заботится о себе, не думает о чём-то хорошем. Так, жемчуг тускнеет и трескается, когда женщина не следит за своей кожей и падает духом. Жемчуг убажает только здоровый аромат женщины, и её очаровательный восторг перед жизнью.

Быстро угасают на женщине янтарные бусы, когда угадывают её малейшее невнимание к себе. Им важно постоянно находиться на виду, быть пронизанными мягким солнечным светом и радостью. Они и сами по себе очень мягкие, не допускающие каких-либо неосторожных прикосновений и дурных мыслей. Женщина должна ненавязчиво оберегать их существование, хотя бы изредка заботливо прикасаться к ним рукой, тем самым выказывая любовь ко всему, что её окружает.

А вот такой камень, как бирюза, почему-то не терпит излишних любовных излияний, исходящих от женщины. От них он скоро начинает обесцвечиваться, зеленеет и затем вовсе приобретает непонятный тёмно-бурый цвет. Бирюза так чувствительна, что женщина порой ничем не может ей помочь.

Но по большей части драгоценности живут с женщиной душа в душу. Хранят её диковинные думы и сны в своём путешествии по этой чудесной женской стране, тихо восхищаются и благоговеют. Женщина же творит из украшений самые невероятные сочетания, что помогают ей стать ещё более здоровой и привлекательной.

Женщина поглядывает на свой любимый драгоценный камень, дарит ему своё внимание, и камень отвечает ей благодарностью. Изредка она поглаживает его прохладную поверхность, и камень отзывается ей своим еле уловимым теплом. Всё это очень возбуждает женщину, и в тоже время успокаивает её.

Женщине, конечно, легче, чем мужчине, войти в контакт с какими-либо драгоценными камнями: они ей нравятся больше. Ещё она верит в их судьбоносность и в то, что камни оберегают её от неприятных влияний.

Женщина просто чувствует, как камни укрепляют её в своём знании, ни на секунду не оставляя. Не обременённая в такой степени, как мужчина, эгоизмом, она легче гармонирует с драгоценными украшениями, что не терпят мужского зазнайства.

Соблазн владеть драгоценностями для женщины так велик, что она бесконечно обнажает для них плечи и руки, углубляет декольте. И уже не в силах остановиться – заужает талию, округляет бёдра и до немислимых размеров укорачивает юбку. Всё это делает её ещё более пленительной и желанной.

С присутствием, хотя бы, маломальского украшения в гардеробе женщины – совершенно меняется её колорит. Изящно схватывающая запястье змейка браслета, матовые горошины жемчуга в мочках ушей – и больше ничего. Зато, как оживает тёмная синь платья, мягко облегающего её стройный силуэт! А украшения живут на женщине сами по себе, и чему-то тихо радуются: должно быть, им приятно оказывать ей свою драгоценную услугу.

Таким же трогательным дополнением к женскому наряду может служить бриллиантовое колечко. Благодаря способности дважды преломлять свет, одновременно раскладывая его на самые разнообразные цветочные лучи, бриллиант затевает во всём облике женщины неподражаемую игру. Многократно пропуская этот восторг через себя, он заражает им женщину. Женщина порой и сама не в силах объяснить, отчего так весела её любовь, а печаль легка?!

Кажется, с таким привычным для утра настроением женщина закалывает волосы на затылке длинной перламутровой шпилькой, но как выразительно она это делает! Сколько удовольствия в её размеренных движениях от переживания своей томительной неги! Скольких мужчин она способна околдовать, когда, закинув обнажённые руки за голову, управляет с заколкой обезоруживающе стремительно и ловко! Мужчина даже не в состоянии для себя постигнуть, что более всего притягивает его в этой женской увлечённости своей красотой?!

Еле угадываемая на смуглой шее изящная цепочка тоже подразумевает таинственную грацию женского настроения и её удивительную свободу, что подразумевает отсутствие для себя каких-либо ограничений и возможность поступать по собственному милому усмотрению. Драгоценная ниточка ненавязчиво напоминает женщине о том, как она, в любой мелочи, безгранично прекрасна.

Но иногда даже женщина не может предугадать, с каким неотразимым блеском способно повлиять на мужчину её великолепное ожерелье, с еле приметным фермуаром, кажется, предвосхищающее в красоте саму женщину. Отточенная простота безукоризненного стиля и его обворожительная загадка, магия страстной изощрённости, граничащая, казалось бы, с непостижимой по очарованию глубиной... И всё это – в шейном украшении из нитки жемчуга или драгоценных камней!

Вполне возможно, что даже мысли свои женщина облекает согласно выработанному в себе изящному стилю, и всё же природа создала её такую, какую стиль никогда не сделает. Сама бы женщина, в противном случае, находилась в полном отчаянии. Стиль может подчеркнуть в ней лишь нечто самое ценное, подаренное Богом.

В отличие от довольно-таки устойчивого в жизни женщины стиля, что подразумевает присущие именно ей особенности или сочетание каких-либо неожиданных приёмов, мода – это совокупность вкусов и взглядов, которые господствуют в определённой общественной среде, в отдельное, обычно, недолгое время... Не всякая женщина в состоянии и вовремя слиться с соответствующей модой, и совсем немногие создают её, открывая для других. Сколько женщин оказалось рабынями какого-либо модного течения, так и не прочувствовав его до конца?! Они стали мученицами моды, что вынуждала приносить себя в жертву божеству, которое изменялось у них на глазах.

Прекрасно, когда женщина следует моде, но не зависит от неё. Покорность общепринятому стилю обнаруживает её ограниченность. Было бы замечательно для неё открыть свой... Верно угаданный стиль платья или брюк совершенно перевоплощает образ любой женщины, и она, действительно, становится богиней.

А чем, вообще, так сильна мода, когда понуждает самых застенчивых и скромных женщин появиться на свет в платьях, что совсем недавно они принимали, как более, чем откровенные?! Может быть, мода – это всего лишь тщеславие богатства, само себе вскружившее голову?! Существо с неведомым ликом, которого никто не знает? Сегодня она – одна, завтра – другая, а дальше и вовсе себя не понимает! Безудержное стремление к невероятным удовольствиям превращает моду в нечто непостижимое...

Нет, конечно, мода отчасти благоразумна, чтобы иметь способность выбрать самое дорогое, то, что именно в это время стало для всех просто необходимо. Правда, потом всякая мода проходит, но самые её излюбленные штрихи остаются. Может быть, они служат здоровым началом для будущих прекрасных творений, что вознесут женщину к ранее недостижимой красоте?!

Мода чаще заимствует, чем создаёт: в этом её основной стимул. Но в таком заимствовании есть открытие хорошо забытого старого для рождения чего-то более удивительного нового. Мода – это высокое искусство, сохраняющее все свои лучшие приобретения для женщины.

При этом мода отнюдь не объясняет всё новое, она скрывает в себе нечто, до конца не раскрытое, что уже когда-то присутствовало в жизни людей, но не было ими заслуженно оценено. Модой, скорее всего, является то, что оказывается насущным для настоящего времени, но подмечает её далеко не каждый. Истинный ценитель красоты, проницательный и умный, иногда первым угадывает это выбивающееся из глубины жизни необыкновенное течение, и все остальные пускаются вплавь по нему, пока

кто-нибудь опять вовремя не укажет им на то, что более захватывает умы и души, и все, позабыв о предыдущем, бросаются в него с головой.

Люди готовы воспринимать даже самые невероятные и резкие перемены, лишь бы сохранить в окружающем их мире разнообразие, а в своей душе – способность, не уставая, восхищаться. В силу своего неиссякаемого стремления объять необъятное – ими всегда овладевало желание развить какой-либо, наиболее удобный для этого элемент одежды до неузнаваемых пределов. Что поделать: мода пытается простым языком говорить о сложном, а любая женщина всегда стремится выглядеть лучше, и в этом устремлении к совершенству она неповторима. Отсюда, отчасти, неповторимость и многообразие моды.

Всё это великолепие, пришедшее на ум новоиспечённому модельеру, ещё никто не носит, даже не ведаёт о нём, а он его уже увидел. Откуда взялось оно, и чего стоило своему освободителю из неведомых чертогов человеческого воображения?! Наверное, местом его рождения должен быть удивительный край, где живут истинные художники. Счастливое сплетение процветающей земли и искусства, достойное отношение к человеку и жизни.

Само слово «мода» может быть переведено, как стиль... Стиль, заключающий в себе что-то новое, свежее, необычное. Он должен вместить в одежду всю простоту и поэзию мира, и не сказать при этом ни слова.

Лицо у моды – своё, такое же, как у множества прекрасных женщин. Они, кажется, не задумываются ни о чём, но что-то им помогает открыть себя для мужчин. За всем этим – невидимый глазу, но томительный и сладкий поиск женщиной себя.

Порой даже мода не ведаёт, что творит, но это хорошо известно мужчинам, которые её создают. Они с удивительной проницательностью видят в женщине то, какой она может стать, стоит только отнестись к ней с любовью и вниманием. Мода – женского рода, и она, несомненно, создана более для женщин, что, кажется, сошли с неба ангелами.

Мода – не совсем доступное слово, пока не поймёшь, что это та одежда, которая именно сейчас подходит женщине и приятна ей. Независимо от того, что она уже когда-то пользовалась спросом у большинства. Так женщина, с помощью моды, привносит в жизнь только ей доступное открытие, что, собственно, и определяет её стиль.

Но не надо путать моду со стилем, который может принадлежать каждой женщине в отдельности. Стиль удачно подчёркивает, в первую очередь, именно её силуэт. Он чуть намекает на то, что уже создано природой, и ему только следует сообщить наряду женщины присущий ей колорит. Чтобы, скажем, закрытое платье выглядело эротичным, но не за счёт просвечивающей ткани, а лишь благодаря тонкому намёку.

Непременный стиль женщины – это путешествие по стране сказок, и страна эта безбрежна. Жить согласно стилю – это когда удобно чувствуешь себя в одежде, которую носишь. Двигаешься легко и изящно, чувствуя себя неуязвимой и загадочной пантерой, или – трогательной ланью.

Женщина хочет нравиться и понять себя через одежду, которую она надевает. Стиль для неё – высокое искусство, а значит – и культура. Культура мудрого взаимоотношения с окружающим миром, его вкрадчивое постижение.

Должна ли одежда женщины быть неправдоподобной?! Почему бы и нет, если она и так, чаще всего, находится на грани разумного? А порой и вовсе преподносит себя, как нечто небывалое! Неправдоподобность взглядов, цветов и мотивов одежды берёт своё начало в женской душе, что никогда не теряет вкуса. Всё, что женщина пробует на себе с ним, идёт ей.

Если стиль всегда отражает нечто глубинное в женщине, что она и сама порой подолгу не в силах постигнуть в себе, то в моде всё осуществляется под воздействием восторженных эмоций, ради хорошего настроения. Попадает такая новинка женщине на глаза – и она уже не может устоять перед ней. Модная одежда для неё – как сладость для ребёнка, которую он, во что бы то ни стало, желает заполучить и съесть.

Мода – это постоянные падения и взлёты, развенчания и успехи, в общем-то, обыденная жизнь; стиль же каждой женщины, как правило, стабилен. Всё зависит от того, как рано женщина почувствует свой стиль и будет придерживаться его в течение всей жизни. Она только незначительно, в зависимости от возраста, корректирует своё отношение к себе, несмотря ни на что оставаясь приверженной своим взглядам. Стиль женщины – это её «я».

Стиль женщины – это, конечно, всегда её тайна, которую, кажется, старательно плетут для неё сказочные эльфы, а происходит это в самую благословенную для женщины пору – весной. Весна, с её повсюду растекающимся светом и нескончаемым теплом вносит в поведение женщины нечто нереальное, так же, как и в её одежду. И не важно, тончайшая ли это газовая вуаль или тяжёлая парча – обе они открывают в женщине и фею, и королеву.

Стиль женщины – это, несомненно, её вкус, что чаще всего бывает лёгким, изящным, обворожительным. Порой он ею самой совершенно необъясним, она каким-то чудом его лишь предугадывает. Вкус – её мироощущение, неизведанные возможности и неразгаданная мужчиной душа. Всё во вкусе женщины, несмотря на повседневность жизни, необыкновенно ароматно и изобретательно.

Брошенная на столик вуалевая перчатка – тоже её стиль. Это продолжение её мыслей, такое фривольное отношение к жизни в приятном для неё самой поступке. Женщина изящно продляет себя в подобной лёгкой манере, она по-королевски заявляет о своём присутствии, а позабыв перчатку, оставляет в память о себе неуловимый знак. Им не преминёт воспользоваться чуткий мужчина.

Стиль женщины – это и нечаянно обронённый ею платок, за которым кто-нибудь из мужчин непременно наклонится и подхватит. Может быть, даже не для того, чтобы угодить его очаровательной владельнице, а исключительно из любви к ней, не допуская и мысли о том, чтобы вернуть

женщине эту незначительную для неё утрату. Воздушность платка несказанно поразит воображение мужчины, и он будет долго хранить эту обретенную им драгоценность, преклоняясь перед женским обаянием. А женщина, неожиданно обнаружив свою потерю, лишь на мгновение удивится, и тотчас о ней позабудет. Не в её стиле попусту печалиться о том, чего у неё и так в достатке.

А разве елѐ уловимый взмах веера, по-женски крепко сжимаемого маленькой ручкой, не есть её обворожительный стиль?! Словно отогнав охватившие её неприятные думы, женщина в мгновение приблизила к себе весѐлые, и так ей стало от этого хорошо и покойно. Настроения никому не испортила, сделал всё изящно, легко и красиво, а ведь всего лишь взмах! Мужчина ничего и не заметил, но был охвачен обаянием её чарующей манеры. Он не в силах объяснить, почему так произошло, и тотчас поклялся про себя женщине в любви.

Стиль женщины – её чудесная проникновенность, с какой она влияет на мужчину. Он ничего не может противопоставить грации её поведения и необъятной нежности, если не обладает опытом отважной жизни. Благодаря изысканной искренности женщины, мужчина, так же искренне, чувствует себя поглощённым её нежностью.

В стиле женщины – вдруг взять и слегка коснуться согнутой в локте мужской руки, будто опираясь... Не взглядывая при этом в его глаза, как бы – невзначай, но, между тем, так трепетно и с надеждой вопрошая: а тот ли ты на самом деле, кому я готова вверить себя?! Ведь иначе я не умею...

Мужчине бы тут не возгордиться, и тихо обдать её теплом, и тогда женщина руку не отведѐт... В благодарность - она овеет его своей нежностью, и ничего уже их не разлучит. Хорошо, когда мужчина угадывает стиль женщины, и он становится для него родным.

Наконец, истинный стиль женщины – любовь: это её самое важное творчество. Голос, движения тела, улыбка – всё есть отражение её внутренней поэзии, с какой не сравнится ни один мужчина. Само существование женщины – великий праздник, дающий начало жизни, и её творческая энергия неисчерпаема: она взаимодействует с окружающим её миром не умом, а сердцем.

Мужчины – не ограничивайте женщину в её несомненных талантах! У неё есть свой чудесный ум, но она вынуждена скрывать его. А разве сравнится мужчина с женщиной в интуиции? Она у неё развита наиболее чувствительно и тонко, тогда как у мужчины интуиция порой вообще отсутствует.

Вот и в проницательности женщина вполне может дать фору мужчине, не говоря уже о выдержке и терпении. Стиль женщины – её храбрость. Храбрость заключена уже в зачатии ребёнка, в вынашивании его в течение девяти месяцев и в муках рождения.

А затем ребёнка ещё необходимо выходить и воспитать, и умение сохранять при этом спокойствие и рассудительность совершенствовалось у

женщины тысячелетиями. Чего стоило женщине эти самые тысячелетия не демонстрировать мужчине свои душевные качества, не красоваться ими, как это, обычно, присуще ему! И это, конечно, делало её сильнее.

Материнское чувство, по своей силе, не сравнить ни с каким мужским подвигом, потому как женщина, давшая начало новой жизни, будет защищать её именно во имя любви, ради неё она готова пожертвовать чем угодно. Для женщины нет ничего выше любви, отсюда – и её беспримерная храбрость.

Нужно иметь храбрость, чтобы вести дом, поддерживать в нём уют, воспитывать детей и ухаживать за мужем, и не жаловаться при этом, а сохранять доброе настроение. Храбрость женщины намного сильнее мужской, ведь она у неё никогда не должна истрачиваться, мужчина на такое не способен. По крайней мере, далеко не всякий.

А женщина, ухаживая за всеми, только укрепляет семью, вдыхая в семейные отношения радость. Радость – тоже отличительная черта женщины, её неподражаемый душевный приём или обворожительная манера, отражающая её нескончаемо прекрасную глубину.

«COH»

Утро, наверное, единственное время дня, что не оставляет о себе следа в человеческом сознании: оно протекает быстро и незаметно. Тихонько возродившись над землёй, утро, так же неприметно, и покидает её. Людей берёт в оборот неугомонный день и, закрутив нещадно, отпускает лишь под вечер, когда в окружающем пространстве воцаряется, наконец, умиротворение, готовое унять разгорячённые за день мысли. Ночь иногда приносит несбыточные сны с загадочной женщиной, и чарующую музыку без слов, что уносит на своих волнах ещё к одному, кажется, никем не замечаемому пробуждению.

Ночь – это общение с невидимым тобою миром, где живут таинственные звери, цветы и прекрасные женщины. Они приходят к тебе в сновидениях, и ты воспринимаешь их, как на самом деле существующих, и порой зачем-то пытаешься перенести в свою жизнь. Когда сон тебя поражает, ты долго не забываешь его, всё время переживаешь в себе и веришь, что он – не вызывающее никаких сомнений предзнаменование. Иногда сон, действительно, помогает увидеть многое в истинном свете.

Возможно, ты получаешь с помощью сна послание неведомых сил, что желают облегчить твою жизнь на земле. Может быть, тебе даже повезёт увидеть самое дорогое, к чему только стоит стремиться в жизни. Но в любом случае, чтобы желаемое свершилось, тебе надлежит быть терпеливым и честным в избранном тобою пути.

Часто бывает так, что во снах ты увлечён женщиной без лица. Как это происходило однажды в каком-то древнем соборе, огромное пространство его подпирали могучие колонны, а высокий купол, кажется, жил сам по себе, незаметно перетекая в серо-голубое небо, что казалось вполне достижимым. У женщины были белокурые распущенные волосы и тонкие изящные руки.

От её присутствия ещё запомнились гибкие, еле уловимые движения, с какими она взлетала и падала, и парение её под этим небесным куполом вызывало в сердце неясную, но лёгкую тревогу. Потом женщина неожиданно завернулась в чёрный плащ, и в мгновение вознеслась в небо, преобразившись сначала в чёрную хищную птицу, а затем – в большой белый крест, так же стремительно ускользя в сгущающуюся фиолетовую вышину. И уже сам ты начинал кружиться вместе с этим загадочным небом, оторванный от земли, и неизвестно куда уносимый...

А женщина то появлялась, то исчезала, и от неё исходил еле улавливаемый, нарастающий стон, какое-то неясное обращение, словно она желала о чём-то предупредить, и никак не могла до тебя докричаться. Ты чувствовал, как она в чём-то хочет тебе помочь, летает над тобой, то снижаясь, то воспаряя под самый купол, и невыразимо страдает. Любви к ней в тебе не было никакой: скорее, привязанность, напоминающая о каком-то давнем знакомстве, где ты повёл себя не лучшим образом. Но вспомнить эту женщину было невозможно, потому, как лицо у неё отсутствовало.

В другом сне женщина предстала прекрасной натурщицей, где ты был художником, пытаясь изобразить её на холсте. Её грациозная манера

позировать выглядела, как сладостная игра, что длилась неизвестно сколько, и ничуть не надоедала. Движения женщины были покойны и размеренны, как будто мы с ней находимся в отрешённом заточении, в каком-то полузабытье, когда никуда не надо спешить, и нас окружает полное довольство. И всё же, не покидает ощущение, что оно – подневольное...

На это указывают тяжёлые, мрачные стены старинной кладки, витые решётки на окнах и низкие потолки. Какой-то сдавленный воздух, ничего в себе не несущий, мёртвенно стоит снаружи, но в комнату не вливается. Он, вообще, кажется, не замечен за томной благодатью, что воцаряется между тобой – художником, и моделью, разливаясь по всей комнате.

Большая деревянная кровать, на которой возлежит натурщица, представляется старинной и величественной, и тоже невидимо сближает тебя с этой женщиной. В белом кружевном белье, почти нагая, она выглядит более, чем соблазнительно, всем своим видом приглашая его отдаться любви...

...Видение не отпускало меня всю ночь, и я уже стал забывать о необычной обстановке этой комнаты. Как-то незаметно женщина оказалась рядом, нежно ласкала меня, мягко улыбаясь, и еле слышно что-то нашёптывала. Не покидало ощущение, что ты можешь остаться с ней в комнате навсегда, и этого почему-то не хотелось. Не хотелось утопать в этом чужом любовном безумстве, не твоём, оставаясь при этом безвольным. Втайне сердце просило собственного любовного вдохновения.

Трепет от проникновенного понимания моей души женщиной, почти – божества, негаданно открылся в другом цветном сне, что не ускользал от меня, в отличие от других снов, в течение всей жизни. Я нёс этот сон в себе долго, тихо поражаясь однажды увиденному, но никак не мог его для себя объяснить... То был древний буддийский храм, или - маленькая индийская пагода, затерявшаяся в непроходимых джунглях, среди таинственных нагромождений серых камней, неизвестно когда и кем гладко обтёсанных и водружённых здесь.

Сам храм был сложен из такой же серой каменной породы, вызывая своим видом удивительное спокойствие и силу. От его мощных стен исходило мудрое знание, а внутри царил приятный свет. В нём преобладали жёлтый, лиловый и светло-зелёный тона, и были они такими мягкими и ненавязчивыми, что хотелось им поклониться.

Такое же чувство благоговейного почитания вызывала божественная статуя, что возвышалась посреди зала, и за ней – ещё несколько скульптурных сооружений, в точности повторяющих её. В глубину зала, к дальней, испещрённой какими-то непонятными знаками стене, вела каменная лестница, а наверху, на высоком постаменте, стоял золотой, сияющий драгоценными камнями трон, и на нём – уже живое божество, величественная женщина...

Восседая на троне в строгом и восхитительном головном уборе, тоже обильно разукрашенном разноцветными перламутровыми пластинками и

камнями, она притягивала к себе каким-то очаровательным, неземным теплом, и не казалась недоступной. Ей хотелось внимать, молча, разглядывая её божественное убранство и одежды, и впитывать исходящую от неё мудрую простоту. Женщина словно ждала меня в этом храме давно, чтобы подсказать нечто важное, и когда я вошёл, она никак не проявила своего внимания. Но оно чувствовалось во всём, и в первую очередь – в исходящем от неё божественном свете.

Завороженный увиденным, я стоял и не мог оторвать глаз от этого чарующего блеска, исходящего от фигуры богини, спокойствия величественных статуй и проникновенной тишины. А потом, опустив голову, преклонил перед ней колени, и замер в повергающем воображение восхищении. Женщина же, не переставая, вглядывалась в меня, будто что-то мысленно рассказывая, я интуитивно угадывал не произносимые ею слова, и от всего этого магического общения было необъяснимо хорошо, и немножко тревожно.

Казалось, я даже во сне воспринимаю себя вне своего нахождения в нём, перенося увиденное волшебство на свою реальную жизнь, и всё это – благодаря неотразимой древней богине. А может быть, то была служительница храма, хранительница его древних ценностей, или могущественная жрица?! Всё, связанное с её присутствием, было, в любом случае, необыкновенно.

Бывает, сон не содержит в себе, кажется, никакой информации, ничего полезного, что бы могло пригодиться в реальной жизни. Ни с того, ни с сего представляется тебе ночная дорога, зимой, что тянется неприметно сквозь большие снега... В небе сияют звёзды и луна, и свет от них такой ясный и сказочный, что видно, как днём, а на душе – таинственно, покойно.

И вдруг – собаки, да не простые, соломенные! Лежат, вытянувшись вдоль обочины, лапами передними к дороге, как живые, и морды настороженно вытянуты тебе навстречу. Вокруг - ни шороха, ни звука, а вдали лес чернеет, возле леса – избы с крышами заснеженными, и вот эти соломенные собаки...

Пронизанная лунным светом тишина полнится каким-то неясным звоном, тихо сияет. На звёздное небо даже не взглядываешь, весь проникнут только этой зимней ночью с блистающим снегом, соломенными собаками, таинственным лесом, и чудится, будто ждёт тебя в этой спящей деревеньке что-то очень важное, без чего никак не прожить.

Вдруг дверь в одной из избёнок неслышно отворяется, и на крыльце возникает женщина, в каком-то простом народном убранстве... И сразу что-то завораживающее охватывает всё вокруг, сон медленно истаивает, тухнет ночное звёздное пространство, и тебя куда-то уносит неведомая сила, связанная, почему-то, с этой женщиной, что на миг представляется ворожеей. Кто она на самом деле?!

Подспудно в сердце закрадывается неясное сомнение, вернее – робкая догадка, что появление этой загадочной женщины предрекает неизвестное

событие в твоей судьбе. Кажется, ничего не происходит, это всего лишь сон, но зачем-то он нужен? А главное, опять привиделась женщина, что всегда заключает в себе тайну, для тебя, конечно, полную глубокого содержания!

Случается, что сон, действительно, не несёт в себе никакого содержания, нечто, ничего не выражающее, полное необъяснимой сумятицы. Но как только в сновидении возникает женщина, оно почему-то начинает обретать смысл. Появление во сне женщины всегда означает какое-то открытие, что будто бы вот-вот должно совершиться в вашей жизни, или, быть может, оно уже происходит...

Вам отчего-то становится всё доступным и понятным, а если вы ещё чего-то не понимаете, то это, несомненно, лишь временное состояние, и вскоре вам, непременно, приоткроется то, что давно не давало покоя. Вы чего-то в своей жизни не понимали, но с появлением в вашем сне женщины, вы в этом убеждены, с вами произойдёт добрая перемена, и тайное станет явным.

И всё благодаря присутствию женщины, вот как оно важно. Как вы этого не осознавали раньше? Ведь это так естественно!

Правда, всегда легко убедить себя в том, что если привиделся сон с женщиной – это не может быть случайным, и что-либо, да означает. Скорее всего, в таком сне – твоя проекция на нерешённую проблему, сон – это просто необходимая для понимания подсказка. Во сне как будто даётся намёк – какой стоит совершить шаг, чтобы тебя посетило, наконец, озарение. И однажды ты его совершаешь!

Сон, вообще, стоит того, чтобы его осознать. Тем более, если он красивый и загадочный. Как только вам удаётся распознать его суть – сон сразу прекращается: вы разобрались в своём сокровенном существе, в том, почему вам что-то снится, и видение пропадает.

Сон – прекрасная возможность, чтобы привести в порядок свои мысли, и понять устремления души. Радуйтесь тому, что сны есть, и благодарите Сущее: оно всегда даёт только то, чего вам нужно.

Сон, скорее всего, это замена той действительности, какую вы в своей жизни видите, но хотели бы, чтобы она в ней более не присутствовала. Или вам снится то, что у вас уже имеется, а вы не в силах его разгадать, и вам показывают возможность такое положение дел исправить. Если вас ничего не тревожит, вряд ли вы будете витать в своих таинственных сновидениях.

Но вы каждую ночь, вновь и вновь, возвращаетесь к тому, что вас беспокоит, и оно приходит к вам в разных, самых необъяснимых видениях, не давая покоя. Не сбывшееся, но глубоко желаемое вмешивается в ваш спящий рассудок, напоминая, что эта неудовлетворённость должна быть разрешена. Вот и приходящие во снах женщины, каждая – на свой причудливый лад, свидетельствуют, наверное, о том, что вы что-то важное в своей жизни, однажды, упустили, или вообще ещё не встретили, и пока в вас не возникнет определённое понимание, ничего не изменится.

Вы не можете встретить свою женщину, а она – вас, по причине того, что пока не готовы к этому. Пусть вас не обманывают красочные сновидения, и вы продолжайте свой жизненный путь, несмотря на то, что несбывшееся по-прежнему приходит во снах. По-видимому, вам необходимо испытать все эти переживания, не попадая под влияние видений с прекрасными женщинами, и вы обязательно преуспеете в своём сердечном устремлении.

Сны подсказывают вам, что нужно добиться в своей жизни понимания, просто став наблюдателем, не отвергая при этом чудесные сны, и тогда ваша встреча с любимой женщиной непременно состоится, необходимо только стать осознанным. А сны, какими бы они не выглядели загадочными, как бы ни завораживали ваше восприятие, несомненно, обогатят вас, если вы доверитесь своему пытливому сердцу: счастье и сонного найдёт!

Но, как бы то ни было, сон – это всего лишь сон, и от него следует просто пробудиться. А когда это происходит – почувствуйте жизнь, впитывайте её запахи и звуки, наслаждайтесь окружающей красотой, и может быть, постепенно, вам приоткроется тайна вашего сна. Когда же это произойдёт, вы станете немножко внимательнее к своей жизни, пребывая более осознанным и во снах.

Ничто не должно быть отринутым, всё должно быть впитано и пропущено через сердце. Если есть солнечный день, то почему бы не быть тёмной ночи со своими загадочными сновидениями? В сочетании того и другого заключена гармония жизни. Просто позвольте жизни вести вас, пусть это будут и сновидения, и вы, непременно, станете восприимчивыми. Чем более вы чувственны, тем глубже осознаёте божественную жизнь.

Правда, иногда сны возникают из-за того, что вы жили в полсилы, или – вообще не жили. И во снах, на подсознательном уровне, происходит замещение нежелательной реальности на радужные сновидения. Сны как будто завершают то, чего вы не прожили, но очень хотели, чтобы это случилось.

Проживая жизнь достойно, не приносящие удовлетворения сны отпадают: без осознания этой простой истины не обойтись. Если день ваш был наполнен радостными событиями, то и сон, если он вам всё-таки приснится, окажется радостным. Но скорее всего вы погрузитесь в бездонную пропасть, без всяких видений, и она будет вам приятна, как заслуженный отдых после напряжённого созидательного труда.

Всё дело – в вашем отношении к существованию, когда вы осознаёте ответственность и перед собственной жизнью, и за то, что вас окружает. А кто может быть наиболее ближе вам, чем мать и любимая женщина? Если в ваших снах часто присутствует таинственная женщина – откройте эту тайну в самом себе.

Для мужчины не быть готовым к встрече с женщиной означает пребывать во сне... Все женщины, приходящие к нему в жизни, тогда на одно лицо, он не в силах преодолеть свои сновидения. В них тоже часто

присутствуют женщины, что представляются ему необъяснимою загадкой: ведь ум, без сердца, живёт несуществующим, оттого женщина и остаётся для мужчины тайной. Но сон, рано или поздно, должен стать явью.

В чём заключён секрет пробуждения? Наверное, в том, что мужчине необходимо находиться в настоящем, а не витать в облаках. Мужчине следует пристально взглянуться в окружающий мир – какая волшебная красота пребывает во всём, и в этой красоте живёт та самая, единственная и неповторимая женщина, что дополняет твоё сердечное переживание, вы с ней – одно целое. Нужно только отбросить нерешительность и сомнения, став, наконец, храбрым, посмотрев жизни в лицо, и сон падёт, а твоя женщина примет тебя в свои объятия. Сон – одно дело, а прекрасная реальность – совершенно иное.

Все эти необычные сны, с присутствием в них женщины, так будоражат душу, что при пробуждении, кажется, не оставляют никакой надежды на то, чтобы разобраться в них. Смогут ли подарить разгадку потаённые часы раннего утра, по еле угадываемым тропинкам которого пробирается просыпающееся сознание, тебе неведомо. И всё же, ты нет-нет, да возвращаешься мысленно к этим снам: ведь от них веет такой притягательной тайной, и ты веришь, что сон когда-нибудь, действительно, обернется явью. Как тот, что однажды привиделся тебе у самого моря, и была в нём девушка-женщина, лучше которой ты никогда не встречал...

... Тогда стояла глубокая ночь. Липковато-тягучий промозглый туман опустился над морем. В небольшой бухте, чуть ли не приткнувшись к крутому скалистому берегу, одиноко замерло наше судно.

Плавно покачиваясь на волнах, судно размеренно поскрипывало, и успокоено затихало: ничто, казалось бы, не напоминало о недавно пронёсшемся жестоком шторме. Чрезмерно перебирая через край, он бушевал несколько дней кряду, вымотал всех и, неожиданно захлебнувшись на последнем издыхании, утих. Была такая тишина, что в растворённые двери каюты отчётливо доносилось, как прибой умиротворённо накатывает на берег.

Тусклый свет от прожектора тревожно и тихо лился через квадратный иллюминатор в подволоке, и окружающие предметы, неясными очертаниями выплывая отовсюду, казались более доступными, не теряя своей загадочности. Затаив дыхание, я лежал в тёплой темноте каюты и мысленно пытался представить, какие они на самом деле. Мне нравилось лежать вот так, не замечая неслышно ускользающего времени, и спокойно наблюдать за всеми ровными переменами ночи.

Помнится, как вдруг страшно захотелось закурить, но я боялся даже изменить положение тела. Казалось, что на всём судне не сплю я один: такая вокруг стояла тишина и покой. Лёжа без сна, и позабыв на неопределённое время о том, зачем ты здесь, кто тебя окружает и что происходило с судном

совсем недавно, я старался понять, отчего так хорошо у меня сейчас на душе. Охваченный в своей приятной дремоте этим состоянием, я решил подняться на палубу и вдохнуть свежего воздуха.

Весь экипаж спал, и только сигарета вахтенного на баке изредка взлетала мятущимся огоньком. Тишина над морем была наполнена множеством хорошо угадываемых и давно известных звуков, но порой в неё закрадывалось нечто не привычное. Стоя на пустой отсыревшей палубе, я кротко вслушивался в непроглядную тьму, пытаюсь их разгадать.

Так знакомо было протяжное и чуть приятное поскрипывание якорной цепи, что заунывно, но ненадоедливо изредка постанывала у форштевня... И ещё – тяжеловато всхлипывающая под бортом, не различимая в темноте волна, отчего в душу закрадывался приятный озноб. Редкое вскрикивание невидимой птицы и жалобный гудок парохода, затерявшегося в неведомой морской дали, тоже пробуждали в душе не успевающие затянуться впечатления.

Ночь, как будто останавливаясь на миг, и подхватив меня, медленно протекала дальше, спокойно поблескивая каплями сырости, обильно нависшей над бортом. И тогда, безмолвно ускользая вместе со своей чёрной попутчицей, подёрнутой неуловимой туманной пеленой, передо мной неожиданно возникало неясное видение, или то был какой-то дивный сон, отчего сердце, подобно разбуженной птице, неловко переворачивалось, и замирало.

Всё было прежним, и в тоже время – становилось другим, словно какая-то обезоруживающая, но не пугающая тайна всплывала над поверхностью моря, и это её появление на какое-то время приятно обволакивало душу и сердце, безотчётно оголяя их в бесконечной ночной тиши. Невольно вспоминалось что-либо очень дорогое, или же ещё не сбывшееся, но о котором так тягостно и хорошо было думать. Стараясь не испугнуть возникшее видение, ты окружал его нежным вниманием, и бережно, будто это была маленькая слепая девочка, вёл её, взяв за руку, через своё ожившее воображение.

Чаще всего это была женщина... Её неясный, но вполне ощутимый облик слагался из множества встреченных тобой за жизнь женщин, прекрасных и привлекательных, но не несущих в себе эту долгожданную таинственность и чистоту, которую несла воображаемая незнакомка. Она вставала перед твоим мысленным взором, тихо сияя и чуть улыбаясь над зелёной водой, и ненавязчивые воздушные капельки морской влаги поблескивали на её спокойно вздрагивающих ресницах. Уголки губ сдержанно шевелились в лёгкой задумчивой улыбке, ласково взлетая и незаметно проваливаясь в очищенную белизну её чудесной кожи.

Не было никакого неприятного контраста в чертах её лица: нежный овал подбородка и тёплый внимательный взгляд мягко напоминали о молодой весёлой силе, глаза неотрывно приковывали к себе внимание тихим, ласковым светом и простотой, а чистый открытый лоб свободно

оттеняли тонкие льняные волосы. На тебя тотчас повеяло невыразимой свежестью их лёгкого запаха, и, наверное, можно было дотронуться до них, если только протянуть руку, но ты не сделал этого.

В её лице была видна изысканность незавершённой камеи, ещё далёкой от совершенства, и всё же – это было изумительное лицо. Лёгкий, еле уловимый изъян в линии подбородка лишь подтверждал невинность женщины, и при малейшем намёке на нежную улыбку ускользал. Когда же её трепетные губы, кажется, пытались прошептать какое-то душевное признание, чувствовалось, что они сразу обретают обворожительную твёрдость.

Миниатюрно вылепленный нос, изящно закруглённый внизу, неожиданно терял свою привлекательность в выразительной и милой ямочке над верхней губой. Но, в следующий миг, это недоумённое очарование неискушённой девственности, не знающей тёмных сторон жизни и не изведавшей ещё горечи невозполнимых потерь, уже замирало в неуловимом для глаз взметнувшемся разлёте соболиных бровей, подчёркивая созданное природой мимолётное совершенство.

А глаза – раскосые, лукавые, задумчиво замерев в спокойствии своей прекрасной густой синевы, мягко проникали в самую душу. Красота и привлекательность женщины исчезают, когда она перестаёт любить, но эта девушка вся светилась предощущением любви, и в тоже время была необыкновенно покойна и мудра.

Глаза её не переставали быть такими, какими они и должны были быть... По крайней мере, ты представлял их себе так, а не иначе, и носил их свет где-то в глубине души всю предшествовавшую жизнь, ни секунды не сомневаясь в истинности даруемого ей взгляда. Порой в твоё сердце закрадывалась тревога, что глаза когда-нибудь изменят отношение к тебе, но они по-прежнему оставались спокойными и любящими.

На женщине было тёмно-синее платье, прохладное, как утренняя морская вода, с трепетными, чуть приметными у основания складками, и волосы слегка вздрагивали от лёгкого дуновения ветерка. И ты на мгновение поверил, тебе почудилось, что можно вырваться из сковывающего плена неосуществимых видений в этот близкий и такой реальный сейчас для тебя мир необузданного счастливого желания.

Что это был за мир, наполняющий всю твою жизнь неясным, ускользающим смыслом, что неотступно преследовал тебя, и в реальное существование которого ты сам себе не признавался? Неудержимо продвигаясь от одной душевной привязанности к другой, ты часто терял веру в свою любовь, и заходилась в неизбывной тоске, в тоже время, не отвергая обыкновенную влюблённость, что повторялась из года в год. Но, накопив в себе всю эту боль ожидания, однажды всё-таки срывался с головой в губительную волну неумолчного забвения. Подобное состояние никак не было предусмотрено твоей способностью к самозащите: просто, на какой-то

миг, тебя сковывала обезоруживающая неопределённость, и пустота невесомым грузом тихо ложилась на плечи.

Вот тогда, неизменно застигая тебя врасплох, перед глазами возникала та, от которой ты не смел и не мог отстранить своего лица, губ, руки. К этой минуте ты подсознательно стремился все долгие месяцы и годы, проведённые в несуществующей разлуке, всё же надеясь на долгожданную встречу, и она приходила, всегда только ночью, вот в такие минуты отрешённости и покоя, после какого-то длительного напряжения. То была награда, пусть унижительная в своей преходящей кратковременности, но глубоко ожидаемая и желанная.

Сон, кажется, действительно, смешивался с явью, и его хотелось хранить в себе, втайне ото всех, и нести долго, никогда не забывая. Это, скорее, даже был не сон, а какое-то, почти свершившееся, предзнаменование, когда ты уже проснулся, и ещё не успел разочароваться в нереальности того, что пережил и увидел. Впрочем, о разочаровании ты даже и не помышлял, до такой степени всё происходящее представлялось реальным.

Незнакомая женщина во сне казалась давно знакомой, но вспомнить её ты почему-то никак не мог. Силился возобновить в памяти то удивительно дорогое, что было связано с ней, и ничего не получалось. Утраченные воспоминания отражали, по-видимому, твоё теперешнее острое желание, наконец-то, встретить свою любимую женщину, и это помогало ощущать жизнь более полно и глубоко. Порой просто не верилось, что ты на самом деле сможешь когда-нибудь коснуться губами её тёплой руки, и больше уже не терять женщину никогда.

Ты не мог сказать, сколько это наваждение продолжалось, боясь вспугнуть наваянные неведомо кем чары, и, не осмеливаясь до конца поверить во вновь свершившееся чудо, полностью и безотчётно погружался в свои хрупкие грёзы, не позволяя малейшим проявлением нежности со своей стороны разрушить их. Ты был полон охватившего всего тебя ожидания и, страшась нарушить пребывание рядом с собой этой прекрасной незнакомки, каждый раз держал свою душу в сладостном плену молчаливого восторга. Тихо всматриваясь друг в друга, и неуловимо сжимая руки, мы бродили с ней, в этом недолговечном сне, по синим волнам собственных догадок и признаний.

Её лицо, неизменно хранящее и пронизательное, и ласковое выражение, выступало из туманной темноты, над водой, таким живым и оголённым в своём страстном предназначении только любить, что ты тут же ощущал нерасторжимые узы между собой и этим желанным женским образом. Переживая свою душевную связь с ним, к тебе неминуемо приходило понимание: эта женщина – не прекращающаяся цепь твоих былых и грядущих потрясений, твоя непреходящая любовь.

Потом, незаметно, лицо её исчезало... Силясь, ты никак не мог вспомнить её глаз, улыбки, голоса: совсем недавно он нашёптывал тебе что-то очень хорошее, отчего всё начинало казаться близкой и осязаемой

реальностью. Ничего этого не оставалось с зарождением длинного и такого же многообещающего дня, но сердце, затаившись в своём терпеливом ожидании, крепко берегло то ощущение приподнятости и счастья, что переживалось ночной тишиной в этом сладостном состоянии одиночества и гармонии. И ты, пытаясь ненароком не разрушить этого состояния, на короткое, но такое сладостно-щемящее мгновение свершившегося чуда старался уже заранее защитить его в себе перед всем, что могло как-то нарушить и осквернить его, в надежде уберечь о нём воспоминание, чтобы пронести его до следующей неожиданной встречи через долгие и томительные дни.

Счастье в любви порой такое короткое, что лишь память о нём сохраняется на долгие годы, пока безразличие не достигнет тебя своим студёным дыханием, и не ляжет на плечи тяжёлой ношей возраст, переживший всякие мыслимые пределы, когда ты остался уже совсем один, затерявшись где-то в далёких отголосках былых побед, поражений и людских судеб... Так хочется не пропустить свой черёд, заведомо догадываясь о его неминуемом конце, но, не печалясь по этому поводу, а лишь спокойно осознавая его неизбежность, ощущая при этом смиренную гордость за возможность не пропустить и переболеть, хоть раз, этот сладостно ускользающий сон наяву.

Тебе было хорошо и немного грустно. Привыкнув к жизни в море, ты никак не мог отвыкнуть от всего, что нёс с собою берег, не научился вовремя избавляться от беспокойных мыслей о нём... Это не мешало работе, но временами не давало покоя, особенно вот в такие промозглые туманные ночи над морем, когда сон не идёт, и в голову лезут не совсем весёлые думы о том, что не сбылось.

Ты стоял на слабо освещённом участке палубы, усыпанном моросью от стелющегося над водой тумана, и ждал чего-то, что казалось сейчас, здесь, в эту промозглую ночь, таким далёким и неосуществимым, а время равнодушно бежало куда-то мимо, и не было сил остановить его. С несокрушимой непрерываемостью оно утопало в тумане, и только вода, тягуче всхлипывая, тихо колыхалась у борта.

Время уходило бесследно, ничего не оставляя в твоей душе, а когда время не приносит ничего нового и лучшего, чем у тебя есть сейчас, это тяжело, но ещё не значит, что нужно отрекаться от него. Как знать, что ожидает тебя впереди, если бесконечный бег времени не опустошил твою душу, не убил сердце и не иссушил разум. Сейчас время, цепляясь за рваные края тумана, как будто задержалось, позволяя на мгновение взглянуть в настоящее, в сердце тотчас затеплилась светлая надежда, и, ощутив её, ты почувствовал себя неуязвимым в своём стремлении к любви, по-человечески величественном и грустном.

И ты ещё подумал тогда: суждено ли твоей душе успокоиться после такого видения-сна, где прекрасная и таинственная женщина просто находится рядом, необыкновенно убаюкая одним своим присутствием, и

лучше этого трогательного соприкосновения нет ничего на свете! Она ничего у тебя не просит, ни в чём не упрекает, а только ненавязчиво, с проникательной заботой выслушивает все твои душевные излияния. Достоин ли ты такой бескорыстной и трогательной самоотдачи?!

Кажется, после такого чудесного сна уже не сможешь уснуть. Заботливому человеку, как говорится, и сон не в руку. Но нет: ещё слаще, наверное, забудешься ты в своих сновидениях, чтобы только вновь увидеть эту прекрасную незнакомку.

Даже если этого не случится, сон по-прежнему будет богатить тебя, независимо от постели. В нём ты будешь тихо радоваться своему, пока неуловимому счастью, и так же спокойно молить о скором свидании с дорогой для тебя женщиной. Сон тогда, по велению Господа, милостиво уляжется на твою душу.

Ведь правду сон скажет не всякому, а только тому, кто этот сон заслужил, и потому верит в него, как в явь. И хорошо во сне видеть всё так, чтобы наяву не прозевать, и тогда твои чудесные грёзы рано или поздно сольются с жизнью, и, наконец, приблизится к тебе долгожданное томление духа, твоя любовь.

Море же во сне не только приносит из дальних стран хорошие вести, предвещающие приятные перемены, но ещё, быть может, и настоящую встречу с твоей очаровательной незнакомкой. На это хотелось надеяться, оживляя в памяти её волшебные черты, и втайне поклоняясь им. И она этому не противилась, а спокойно принимала всё, что ты мог себе позволить ей подарить. Женщина как будто только и ждала твоего прикосновения, чтобы уже больше никогда тебя не покидать.

«САД»

Сад – это такое место на земле, где всё преисполнено удивительно безмятежного и благостного покоя. Это – не возмущённый жизненными страстями островок, некое счастливое затишье, где можно свободно отдаться вдохновенным размышлениям о назначении божественного Бытия.

Стараниями Господа сад засажен дивными кустами и деревьями, приносящими плоды. Там существуют увитые плющом тенистые аллеи для прогулок, открытые солнцу лужайки и потаённые дикие уголки с бросающимся в голову ароматом невиданных цветов. Сад – это скрытая от глаз мужчины женщина, что убаюкивает его печали, и вдыхает светлые надежды на осуществление сокровенной мечты.

В любом саду есть садовник – тот, кто любит и знает все, произрастающие в саду, растения, а если какие-то ему неизвестны, то он постепенно и с восхищением их для себя открывает. Это, несомненно, мужчина, что приходит в сад только преданным поклонником женской красоты. Мужчин другого ремесла сад пускает к себе не сразу: они должны научиться ценить и понимать его тишину, воздух и прекрасные цветы.

Мужчина идёт в сад, чтобы отдохнуть, и сад принимает его. Без сопротивления, спокойно, насыщая чистым воздухом и ароматом всех времён года. Сад окружает его со всех сторон, обнимая, как любимая женщина, и мужчина незаметно превращается в ребёнка, что живёт сладкой надеждой на то, что всё всегда будет хорошо.

Хорошо ощущать себя в саду счастливым всегда, кем бы ты ни был: мальчишкой, юношей или зрелым мужчиной. Если ты, конечно, чист душою по отношению к женщине. Сад тогда дарит свою ласку всем без исключения.

Но, проходя по аллеям этого чудесного сада, именуемого прекрасной женщиной, мужчины часто забывают о том, как постепенно и ненавязчиво возникал окружающий их чудесный пейзаж, и как он был не случаен. Не просто участок земли, засаженный кем-то себе на потребу плодовыми деревьями, кустарниками и цветами, а нечто большее: сад – это женщина, первозданное творение Господа, что вознамерился утвердить на земле, с помощью неё, божественное чувство – любовь.

Такой сад можно, пожалуй, употребить и под словом «рай»... Тот самый первобытный рай, служащий обителью нашим прародителям – Адаму и Еве, что насадил Господь в Эдеме. Мужчины туда до сих пор просятся, а смерти бояться, женщины же там в себя глядятся, не в силах налюбоваться. Но не всякому в этом раю быть, кого только Бог помилует. И с большою милостью туда не войдёшь!

Райские деревья и травы, цветы и птицы создают в нём удивительное умиротворение. Сад совмещает в себе всё, что существовало в первозданной природе, и что способно дарить непрестанное утешение и сейчас. Сад Эдема – мир непередаваемого торжества женщины, засаженный стараниями Всевышнего. Выше – только небеса.

В этом дивном саду переживаешь вечное блаженство, а дары Божьи в нём неисчерпаемы. Сад Эдема способен впустить в себя любого мужчину,

если тот того достоин, но у каждого это происходит по-разному. Для кого-то прекрасный сад обширен до бесконечности, полон благоухающими цветами и чудно поющими птицами, а перед кем-то встаёт непродолажной чашей.

К тому же, дорогая для мужчины райская обитель вмещает в себя множество разнообразных садов, и у всех – на удивление привлекательный, милый облик. Все сады отличает редкая изысканность, особенно те, что скрывают свою красоту за высокими стенами. Всё, что таится за ними, представляется невероятно прекрасным и недостижимым.

Проникнуть туда, на первый взгляд, означало бы совершить нечто недопустимое. Что-то долго удерживает тебя от решающего шага, может быть, эта видимая отрешённость сада от всего мира? Тебе ещё неизвестно, что сад и сам не ведает того, чего ему больше всего хочется, ждёт терпеливо и надеется на чудо. Им для женщины должен стать мужчина, которому однажды необходимо преодолеть свой страх быть отвергнутым, накопив в своём сердце любовь.

Бывает, что сад располагается в небольшом дворике... Очень уютном, почему-то необыкновенно дорогом сердцу. В нём растёт какое-нибудь старинное дерево, что собирает вокруг себя всех, хотя бы в мыслях, и является гордостью для других деревьев, поменьше, плодовых кустов и цветов. С ним обязательно связана давно известная славная история, и, может быть, даже не одна...

Но, несмотря на это, дерево живёт тихо и незаметно, как и весь сад, что струит в раскрытые окна свою благоухающую тайну. Ещё он изредка вздыхает, будто осторожно переворачивая что-то в себе, и тебе становится до жути сладко жить. Только зрелым мужчиной угадаешь во всех этих невидимых шевелениях сада женскую озабоченность и мягкость.

Восточный сад, разбитый на террасах, соединённых потаёнными лестницами, по-царски могуществен, даже – горд. Террасы поддерживают стройные колонны, а на насыпном грунте посажены самые экзотические растения, привезённые со всех концов света. Высокие финиковые пальмы сочетаются там с прозрачными виноградниками, а тёмные кипарисы – с цветущим миндалём. Всё грандиозно и тонко, насыщено жаркими ароматами и душистой прохладой.

Такой сад вздымается к небу величественной пирамидой, как чудесные сады Семирамиды, и всё в нём указывает на женщину честолюбивую и властную, но одинокую. Тянет сад вверх ветви-руки, убаюывая свою непомерную гордыню, а печаль его не покидает. Не радуется почему-то этот перенесённый в пустыню оазис, хоть и дарит ощущение подлинной свежести. Женщина словно угасает в этом сказочном заточении, и, не в силах что-либо предпринять, изливает на свою многочисленную прислугу никому неведомую горечь. Вот если бы появился вдруг прекрасный принц, и унёс её с собой!

Сад, надёжно окружающий какой-нибудь старинный храм такими же древними деревьями, строг в своей безукоризненной красоте. Всё в нём

выстроено со вкусом, но не броско. Он будто рождён поддерживать в окружающем пространстве свою уединённость, но при этом не хочет грустить. Так, улыбнётся украдкой чему-то приятному, и тотчас одёргивает себя: вроде бы, и зрелая уже женщина, а в душе ещё подросток. Кто доверил ей хранить покой строгого храма, был, несомненно, знающим мужчиной...

А вот сад общественный, вольготно развалившийся на берегу какой-нибудь реки, вальяжен без высокомерия. Он полон ощущаемого им довольства и силы, что готов без остатка отдавать всем. В этом – замечательное достоинство его роскошной жизни.

Сад особо не печётся о своих возможностях: до такой степени их у него много. Он преисполнен чувства безграничного наслаждения собой, когда можно, не задумываясь, отдаться любой своей прихоти. Этот сад напоминает женщину шикарную, что не тяготится последствиями своего поведения: ей безумно нравится очаровывать и увлекать.

Японский сад – вечно молодой, постоянно обновляющийся в себе, загадочный... В нём – нежность цветущей сакуры и суровая молчаливость камня. Словно самурай с трепетным сердцем замер у твоего изголовья, и его присутствие тебя несколько не тревожит. Всё в этом саду – созерцание, и ты уже не знаешь, нужна ли тебе такая женщина.

А женщина эта – самая изысканная и очаровательная гейша, и её пребывание здесь только угадывается, но она готова исполнить любое твоё желание. Ты ещё не успел подумать, а она уже рядом... Слушает сосредоточенно, не перебивает, и ты понимаешь, как она проникнута к тебе вниманием и неподдельной лаской.

Ещё есть сад, богатый своими ягодными кустарниками и плодовыми деревьями. Он постоянно озабочен своей сладостной обременённостью, которую несёт с достоинством: честно служит своей хозяйке, и всегда преисполнен удивительного благородства.

Щедрость женщины в этом саду не сразу разглядишь, пока не опробуешь её даров: таких же щедрых и весёлых, брызжущих радостным спелым соком. Сколько счастья в нём от ощущения собственной молодости и здоровья, сколько восторга! Женщина эта пышет зрелостью переполняющей её свободы.

Сад с монументальными лестницами, обильным скульптурным убранством и многоступенчатыми каскадами низвергающихся водопадов просто эффектен. Он создан производить неизгладимое впечатление. Кажется, единственное, что его прельщает: быть грациозным.

Быть грациозной для женщины – значит, не только утопать в окружающем её изяществе и богатстве, но и не терять собственного шарма. Красота линий, безукоризненность форм и движений – всё живёт в таком саду соразмерно её божественных повелений. Женщина чувствует каждой клеточкой своего прекрасного тела проистекающую повсюду гармонию, и не перестаёт сама обогащать своим присутствием всё садовое пространство,

изливая только любовь. Изящество её манер можно сравнить лишь с прелестью раскрывающегося на день цветка.

Подобен такому саду – сад королевский, что располагается перед дворцом... Бесчисленные водоёмы и каналы с неподвижной гладью воды с восторгом глядят в его величественное лицо. Всё здесь проникнуто строгим внутренним порядком, что со временем не надоедает. Холодна обитающая в таких дворцовых покоях красавица, что почти никому не показывается, но как хороша она в своём никому непонятном затворничестве!

Совершенно свободен и лёгок пейзажный сад, потому как ничто в нём не обременяет. Любуешься им без усталости, и на душе покойно и тепло. Так может жить только по-настоящему добрая и умная женщина, для которой любить – значит, отдавать всю себя без остатка.

Любой сад, каким бы он не предстал перед мужчиной, со всеми своими тайнами, великая благодать, и сказать, что сад непредсказуем, или живёт какой-то никому непонятной жизнью, нельзя. Он, как раз, всякому доступен и открыт, чтобы можно было восхищаться им, но не навязывает свою красоту. Сад становится тебе очень дорог, если ты однажды заметил его и полюбил, и он обязательно ответит тебе заботой, подарив и свою любовь.

Сад может войти в тебя ещё в детстве... Вместе с бабушкой, такой непостижимой и родной для тебя женщиной. Больше всего душа желает именно того самого сада, в котором ты, маленький, собирал с ней осенью яблоки... Это было, скорее всего, в конце лета, в тёплую августовскую пору.

Бабушка выращивала яблоки всю жизнь. Не то, чтобы она заботилась о яблонях больше, чем о других деревьях, но всегда старалась уберечь их от морозов, обкидывая в начале зимы снегом. Её радушное отношение к яблоням проявлялось и в том, когда она складывала красивые плоды в берестяной короб, и выставляла в чулане, на окно, доходить...

Яблоки тихо источали аромат уходящего лета, и вспоминалось самое знойное июльское время, когда сад был полон густой зелёной листвы, что живо трепетала на лёгком ветерке, будто чего-то обещая. Этим душистым ветерком, знойной листвой и ещё будущими плодами пахло от бабушкиных рук. Она несла в себе все запахи сада, и распространяла их вокруг бережно, неторопливо, так, что они сливались в один головокружительный аромат, и никогда с ней этой связи не теряли.

Жизнь сада поддерживает и дождь... Сад всегда вечен при нём. Дождь мудр, выпадая именно вовремя, и добр, преисполненный радостными надеждами для всех обитателей сада.

В первую очередь – для милой женщины, что, кажется, таится среди деревьев, трав и цветов, создавая своим присутствием праздничный сад. Сад дышит дождём, полнится им, торжествует, и не важно – обильный он, или чуть приметный, слепой, ласково пробивающийся сквозь солнечные лучи,

когда вкрадчиво вступает в укромную садовую жизнь. Главное – взаимодействие мужчины-дождя и женщины-сада, их обоюдное доверие и любовь, что должны объяснить всем какую-то очень важную истину из давно позабытых времён.

Дождь ластится в летнем саду, играет с шелковистой листвой, и можно даже подумать, что иногда он ликует. Так хорошо ощущать ему женское прикосновение везде, куда бы он ни попал. И женщина радуется вместе с ним оттого, что дождь освежил её дыхание и уста. Он вдохнул в неё растревоженную за лето надежду на любовь.

Благодаря дождю сад растёт и обеспечивает собой живительную прохладу, доброе сочетание прозрачной и лёгкой тени с пряным ароматом цветов и душистых трав. Кругом – томный жар и зной, а в глубине сада приятно, легко... Порой начинает казаться, что под его покровами можно провести целую жизнь, склонную к вдумчивому созерцанию. Сад позволяет это мужчине.

Сад ублажает его свежестью своих волшебных водоёмов: их можно самым серьёзным образом воспринимать, как произведения искусства. Так же, как и бесчисленные скульптуры, каскады и скрытые в травах первозданные родники...

Сад может быть окружён и изящными зданиями, галереями и таинственными аркадами со строгими колоннами. Превосходный климат отличает его изысканно протекающую жизнь. В сад, кажется, просто напрашивается великолепная роскошь, но этого не происходит: он строг ко всему излишнему, чужому.

В саду тебя окружает проникновенная тишина, и в тишине этой особенно отчётливо возникает шуршание опавшей листвы, шум весеннего ветерка, пение птиц... Звуки непроизвольно настигают тебя, охватывают и создают какое-то особенное ощущение живого пространства: того удивительного состояния, когда душа бесстрашно раскрыта для восприятия впечатлений этой божественной жизни.

Представляется вдруг, что в таком саду могли бы обитать священные животные, исполненные удивительно спокойного нрава. Благородные, с волшебным узором на шкурах... Но самое замечательное, что все кусты, цветы и деревья в саду цветут круглый год, и никогда не умирают.

Для сада очень важен живописный пейзаж, и он, конечно, всегда оказывается безукоризненно красивым, чрезвычайно разнообразным, достойным лишь прекрасных женщин. Рощи плодовых деревьев, виноградники, вперемежку с лугами и озёрами, благоухающие в цветах нескончаемые долины, окрестные холмы, поражающие своей нежной линией... Какой вид открывается с их вершин! Всё вместе создаёт настроение величавого спокойствия и неги.

Причудливые лабиринты, устроенные из живых деревьев, что поначалу представляются вычурной затеей, только прибавляют очарования сказке, в которую попадаешь, очутившись в таком саду. По прудам и озёрам можно

кататься на лодке, не срывая кувшинок, а только касаясь спускающихся до самых вод косматых ив. Всё предназначено здесь для отдыха и любовных игр.

А фонтаны?! Прохлада, веющая от них, представляется блаженной... Неустанные всплески женской любви, кажется, не прекратятся никогда, и всё дарят и дарят свою благословенную свежесть.

И ещё – лёгкие трельяжные изгороди, таинственные беседки... Утопающие в кустах сирени, они не сразу и заметны. Влекут к себе, нащёптывают что-то о чудодейственных тайнах любви.

Идёшь по такому саду, и нет ему конца и края. Он несёт на своих благоухающих волнах, слегка укачивает, и всё что-то обещает и обещает. Безгранично его жизнеутверждающее пространство, которое нет желания преодолевать: лишь не спеша в нём продвигаться, ощущая себя в каком-то ином, сказочном времени.

А потом вдруг понимаешь, что дело тут даже в другом... Просто ты идёшь, всё идёшь, и никак не можешь никуда дойти... Мимо проплывают цветочные поляны, пахучие заросли и пряные травы, но тебе не хочется достичь чего-то определённого: ты – в благодном плену, и плен этот невероятно сладостен!

В этом сладостном помутнении один сад сливается с другим, и так, незаметно, возникают нескончаемые прекрасные сады... Бредёшь среди них, улыбаешься, и понимаешь, как бесконечно далеко удаляется от тебя их суть. Но идти по ним, позабыв обо всём, может быть, нет ничего прекраснее на свете. Дороже всего оказывается это женское живое присутствие, что приятно охватывает тебя, и не даёт покоя.

Кроны деревьев в саду так ощутимы, словно растут не из земли, а из чьей-то души. Нежные, необыкновенно воздушные в своей кудрявой вышине, они – самое лучшее, что есть в саду. И ещё – их покойные ветви с листочками: чем выше, тем ветви тоньше и трогательнее, а листья бархатистые, невероятно мягкие, похожие на женские пальцы.

Через какое-то время уже не веришь, что это просто деревья. Они, действительно, походят на женщин, что и обнимают, и кружат голову. Как упоительно отдаться им, и ни о чём не думать!

Дивный сон становится явью, и как замечательно, что он случился! Страшно даже задуматься обо всём этом великолепии, верить в то, что он существует, а потом, открыв глаза, вдруг потерять.

Но, несмотря ни на что, открываешь их, и - паришь... То медленно взмывая вверх, то неслышно опускаясь вниз, испытываешь непередаваемую нежность к саду и слитность с ним. Такой чудесной может быть лишь женщина, думаешь ты, и никто иной.

Только пробыв неведомый срок в благословенном покое эдемской земли, познав желание отдавать себя любимой женщине без остатка, мужчина готов выйти на дорогу жизни. Хорошо, если земля эта, укрытая садами, не исторгла его, а отпустила ничего не боящимся, переполненным

созидательными мыслями и мечтами, с непреходящей привязанностью сердца всегда любить. Любить так, чтобы сначала вместить в него все радости мира, а затем отдать их единственной женщине.

Заключительная часть

- Ну, вот и всё, - задумчиво проговорила она, остановившись у облупленной скамейки при входе в старый городской сад. - Не знаю, как-то не верится до сих пор...

- Может, присядем? - нерешительно предложил он.

Не ответив, она опустилась на самый краешек и, опершись плечом о спинку, нервно засунула руки в карманы плаща. Выждав какое-то мгновение, он сел рядом.

- Ты что-то хотел мне сказать? - безучастно спросила она.

Облокотившись на колени, и крепко сцепив пальцы рук, он искоса взглянул на неё и, стараясь скрыть волнение, нарочито спокойно проговорил:

- Что ты теперь намерена делать?

- Уж я найду, куда применить себя. Пусть это тебя не волнует.

- Я хочу, чтоб ты видела, что сейчас с нами происходит, вот и всё.

- Терять в жизни более необходимо, чем приобретать. Да что теперь об этом говорить! Неужели ты не понимаешь?!

- Хорошо. Можешь считать, что во всем виноват я. Можешь считать что угодно.

- Зря ты завел этот разговор. - Она устало откинула упавшую на лоб прядь волос.

- Нам, наверное, просто не везло, - не обращая внимания на её слова, сказал он. - Но ведь были у нас и хорошие дни.

- Тогда скажи мне честно, можешь ты вспомнить хоть один по-настоящему счастливый день за последний год нашей совместной жизни?

Он опустил голову.

- Нет, любовь - самая невыносимая пытка на свете! - с жаром вдруг выпалила она.

- Где это ты успела так разочароваться?

- С тобой, милый, где же ещё.

- Ты воображаешь, что в полной мере изучила этот предмет?

- В полной ли, нет, а кое-что уразумела. Не круглая невежда.

- И что же есть любовь?

- Людям и невдомек, что всё это — пустой обман.

- Что всё?

- Будто не знаешь?

Он пожал плечами.

- Вот и выходит, что ты сам - жертва чьей-то глупой насмешки.

- Чьей же это?

- Не знаю. Но только тот, кто это придумал, горько смеётся, потому что ничего более ему не остаётся.

- Доводы твои весьма трагичны.

- Не вижу причины веселиться.

- А сама ты выглядишь сейчас очень смешной.

- Перестань, пожалуйста.

Она нервно достала из сумочки пачку сигарет и закурила.

- Ту ношу, что выпала на мою долю, я терпеливо несла и все ждала своего часа. В один прекрасный день мне всё это надоело.

- Великомученица ты моя!

- Уже не твоя, - глухо и как-то надтреснуто проговорила она. - Неужели хоть сегодня ты не можешь обойтись без своих выходов?

- Ах, да. Извини. Там, в зале суда, ты была просто неотразима! Но ты забываешь, что и я не отказывался от своей доли.

- В этом вся беда, - глубоко затянувшись, выдохнула она вместе с дымом.

- В чём именно?

- Да в том, что ношу эту, как бы она ни была тяжела, нам следовало нести вместе.

- А как же любовь?

- Ты не хуже меня знаешь, как я относилась к тебе.

- Да. Ты была веселой, беззаботной и счастливой. Не копила любовь по крохам.

- Ты сам во всём виноват. Тебе важно было собственное благополучие и спокойствие, ты его получал. Тебе необходима была свобода, и ты её имел. Ты не желал сковывать себя никакими обязательствами, и при этом я ничуть не перечила тебе. Я готова была беспрекословно исполнить любую твою просьбу только потому, что ты был мне дорог и я не представляла своего существования без тебя. Я шила, стирала, готовила бесконечные обеды, шла на аборт, если тебе этого хотелось, довольствовалась малым, но, получая сполна, ты ничего не отдавал взамен, и это только ухудшало дело. Скажи, могла ли я оставаться после этого весёлой и беззаботной?!

- Ты всё слишком преувеличиваешь, дорогая. По твоим словам, наша совместная жизнь была попросту суцим адом, а я в нем играл партию главного злодея.

- Ты всегда проявлял исключительное остроумие по любому поводу, неизменно обнаруживая при этом завидное постоянство: никто, кроме тебя, не смеялся.

- Ну, это ты зря.

- Прости, я стала, действительно, злая, но в последнее время было очень холодно. Зима, однажды начавшись, не пощадила ни меня, ни тебя. Так безучастно и холодно мне не было никогда. Было до того плохо, что я возненавидела просыпаться по утрам. Хотелось только одного: спать. Я просто не была расположена что-либо воспринимать, но тебе до этого не было никакого дела.

- Мне и самому приходилось трястись от холода.

- Не смеши меня, пожалуйста.

- Ты даже не хочешь выслушать меня?

- Всё, что ты скажешь, я знаю наперед. Ничего нового.

- Опять ошибаешься, но хоть сейчас не будь эгоисткой.

- Держите меня, я умираю... Это я-то эгоистка?! Послушать тебя, так ты, значит, боролся за любовь со всеми враждебными силами мира, но не сумел одолеть их и теперь страдаешь в гордом одиночестве. Бедняжка...

- Я не хотел выглядеть никаким героем. Просто почувствовал, что приходит мой конец, а умирать мне вовсе не хотелось.

- О чём это ты?

- Ну вот, всё возвращается на круги своя. Пойми, я не был расположен к тому, чтобы делать то, что мне не нравится, но так или иначе не в силах был этого избежать. Ужасно презирал себя, а поделать ничего не мог.

- По твоему поведению нельзя было сказать, что всё так глубоко задевает тебя. Да и что, собственно, тебя не устраивало?

- Следуя линии наименьшего сопротивления, я постепенно начал плыть по течению, тогда как в глубине души желал совсем иного.

- Кто же в этом виноват?

- Наверное, я сам.

Между ними воцарилась неловкая пауза.

- Да-а, сказал ты это так, как будто во всём, что случилось, виновата одна я, - устало проговорила она. - Слава Богу, что мы ещё разговаривать можем.

- А я вот не мог сказать раньше того, что на самом деле чувствовал. Мне было холодно и больно, но ты всё равно не поверила бы. Тебя занимала только своя собственная жизнь, а мои интересы ничуть не трогали. Вернее, они перестали тебя интересовать, как только ты удовлетворила свое мимолетное любопытство.

- Гм-м...

- Да-да. Только не перебивай меня, ради Бога. Как мне хотелось быстрее уйти из дому! Слишком уж было неуютно. Так неуютно, что нечего вспомнить: вставал, наскоро завтракал и, вскочив в набитый до отказа автобус, медленно добирался на работу в надежде там найти успокоение. В конце концов, и мои рабочие часы начали казаться мне изматывающей вечностью, и я не раз уже решал оставить службу, но возвращался домой, и всё продолжалось по-прежнему.

Неизменные ужины, газета и телевизор заполняли собой всё свободное время. Стоило мне сесть за книгу, как я тотчас засыпал, чувствуя твоё недоброжелательство где-то тут, рядом. Строго устоявшийся распорядок брал своё, и, ложась спать ровно в одиннадцать, я неминуемо поднимался в семь. Очередной день начинался только для того, чтобы не принести ничего нового.

Постепенно я ко всему привык. Я совсем забыл о том, что когда-то было для меня дорого и не позволяло дешеветь. Дошло до того, что я совсем запустил надежду выбраться из этого болота и стал глух и слеп ко всему на свете...

Вся нервно напрягшись и судорожно сжимая в руках сумочку, она оторопело глядела на него, как будто не в силах была разгадать его теперешнего состояния.

- Чего же тебе хотелось?

- Во-первых, найти дело по душе, потому как нет для мужчины хуже вещи на свете, чем заниматься работой без перспективы. Этого мне недоставало всю жизнь. Не везло, и все тут. Затем мне всегда хотелось, подзаработав немного денег, оставить на время работу, купить ружье, бинокль, другие, какие ни на есть, необходимые принадлежности и отправиться в путешествие. Прежде чем постареть, человек должен увидеть мир, и тогда старость, наверное, будет логичным завершением, а не каким-нибудь долголетним болезненным деревом, что плодоносит гнилыми плодами.

Молодость вовремя должна взять своё, - вот в чём всё дело, в противном случае старость обратится в детство. Человеку нечего будет сказать в подтверждение жизни, потому как однажды, смирившись с самим собой, он превращается в старичка с жалким мальчишеским личиком...

Он замолчал устало, не замечая ни шороха падающих листьев, ни трепетного солнечного света — короткого, осеннего, уже сходящего на нет. С тоской глядя перед собой, он сидел, словно опалённый крылом этой уходящей светоносной поры, неловко задетый сейчас за живое, не зная, что делать дальше.

- Выходит, я не замечала в тебе самого главного, - еле слышно произнесла она. - Почему же ты не открыл мне все это раньше?

- Когда узнают о какой-либо тайне человека, она теряет всю прелесть для него. Я, наверное, слишком долго переживал ее в себе, а если такое происходит - что-то главное исчезает бесследно, и его уже никакими силами не вернуть. Тайна, пусть маленькая, поддерживает в человеке жизнь, которая, благодаря ей, нередко приобретает своеобразие и смысл. Отсутствие тайны делает жизнь безынтересной и серой.

- Но она могла стать нашей: твоей и моей. Ведь мы были мужем и женой!

- Острый недостаток тайны может однажды убить человека, так же как невнимание или непонимание...

- Ты хочешь сказать, что именно я когда-то перестала понимать тебя?

- Раскрывая свои тайны, человек, должно быть, обедняет себя, если они остаются неразделёнными. Не знаю, как это произошло, но я перестал доверять тебе, однажды заметив твое безразличие.

- И не сказал мне об этом...

- Должно быть, требовалось время, чтобы всё это пережить. Или просто не хватило веры в себя, хотя в глубине души по-прежнему не

хотелось умирать так рано, а хотелось жить, получая радость и доставляя её и другим. Почему-то всегда казалось, что сможешь летать... Верилось, что стоит только разбежаться - и обязательно полетишь. У тебя никогда не было такого?

Она поглядела на него, и он поглядел ей в лицо, и на миг их соединило что-то неуловимое, а потом он увидел в ее глазах усталость и холодную неприязнь.

- Скажи, почему у нас всё так получилось? - спросил он.

- Не знаю.

- Должна же быть какая-то причина?

- Ну-у, что-нибудь дурное, наверное.

- Чудно. Во всём этом определенно существует какой-то подвох. Прямо жуть берет.

- Ничего тут нет, кроме твоего больного воображения.

- И всё-таки странно, что именно так всё обернулось.

- Да как ?!

- В наказание, что ли. - Он грустно улыбнулся. - Прости, но мне одиноко и тоскливо. Кажется, сейчас я понимаю, что мы только зря с тобой теряли время.

- Это в каком смысле?

- В самом прямом. До чего унижительно сознавать, что могло быть всё иначе и многое при этом зависело от нас! Как тут быть, когда хочешь, чтобы вышло всё правильно, без печали, а получается наперекос?

- Как нескладно всё на свете устроено...

- Непонятно, как всё это получилось, но, думаю, надо разобраться. Надо понять правду, разобраться, в конце концов, что к чему. Почему мы так долго притворялись, а стыд и страх всё время соседствовали рядом?

- Помнишь, - неожиданно сказала она, - как мы покупали мне то светлое пальто?

Он удивленно взглянул на неё и увидел, что неведомая печаль вдруг куда-то отлетела, и она улыбается - неловко, но искренне.

- Мы тогда хотели пойти в кино, но мне на плечо просыпался грязный дождь с водосточной трубы, и я расплакалась. Ты пытался утешить меня, как мог, и был очень смешной при этом. Всё медленно зажимал меня в угол, а потом стал целовать, и я позабыла обо всём... Неужели не помнишь?!

Какое-то время он молча глядел, как в глазах у неё играют живые искорки воспоминаний, как приятно озарилось ее лицо мягкой, счастливой улыбкой и уголки ожившего рта весело потянулись вверх, потом, устало наклонив голову, закрыл глаза и медленно произнес:

- Мы тогда ещё почти не знали друг друга, пальто было испорчено, а вместе нам предстояло прожить...

- Ты милый... Ничего не забыл. Но иногда я думаю, что всё это было ни к чему.
- Ты сама не веришь в то, что говоришь.
- Да, я ужасная трусиха, но что это может изменить? Я устала от этого.
- Смешно об этом говорить, но именно то, что привлекает меня в тебе и может вылечить, мешает нам с тобой.
- Так не должно, наверное, быть?
- Если мы оба в этом нуждаемся.
- Порой мне кажется, что нет на свете ничего, что бы когда-нибудь не кончалось.
- Без этого жизнь была бы скучной и однообразной. Слишком она длинна для непрекращающейся радости и покоя.
- Может быть, ты и прав, но так хочется помечтать о том, что сделало бы нашу жизнь светлее и надежнее. Всякое сильное чувство на деле со временем угасает.
- Разве в своей недолговечности оно не прекрасно ?
- Это жестоко по отношению к людям. Они заслуживают большего.
- Как и мы с тобой.
- Не надо, - сказала она, опустив глаза. - Ты милый, я это чувствовала всегда, но ничего не надо. Пока, теперь...
- Знаешь, краткий миг любви может оказаться для человека спасением ничуть не меньшим, чем длительная всепоглощающая страсть или ровное, глубокое чувство.
- И согревающее дыхание женщины, - тихо проговорила она.
- Цену ему можно познать, только испытав мучительное отсутствие и ожидание его.
- Если бы всё было так.
- Ты этого ни разу не чувствовала?
- Она промолчала. Потом слегка коснулась его руки и закрыла глаза.
- Наверное, любая пустота заполняется сама собой, - немного погодя, задумчиво сказала она.
- Так быть не должно.
- Но ведь так бывает, и довольно часто.
- По большей части, это мусор, который только мешает жить. К пустоте нужно относиться осторожно, с уважением. Заполнять ее должен только человек.
- Но чем именно?
- Тем, что не так легко потерять.
- Значит, само собой плохое никогда не уйдет?
- Время от времени наполняя тебя никчемной пустотой, оно потихоньку будет убивать твою возможность быть счастливым, и только более лучшее, чем то, чего ты лишился, сможет вернуть тебя к жизни.
- Как это?

- А вот, как если бы тебе было плохо, и ты помогла тому, кому еще хуже.

- Но может же быть так, что это лучшее придет само, как солнечное утро, и согреет тебя.

- Словно тот волшебный гном из сказки, которую я когда-то сочинил для тебя?

- Да, - улыгнувшись, проговорила она, и уже более серьезно добавила: - Разве нет?

- Бывает и так, но гном приходит далеко не к каждому, и тогда от тебя самого зависит, будешь ты летать когда-нибудь или нет.

- А что нельзя потерять? - неожиданно спросила она и сразу застыла в напряженном ожидании, свернувшись в углу скамейки и крепко поджав под себя ноги.

- Правды, наверное, - глухо проговорил он.

- Это какой?

- Которая делает человека человеком.

- Из чего же она состоит?

- Из веры в добро, чистоту, мечту и ещё...любовь.

Она задумалась, а потом спокойно произнесла:

- Всё это кажется надежным, когда ты об этом так говоришь, и в то же время таким неуловимым, несбыточным.

- Я давно уже сам потерял вкус ко всему, но ещё долгое время продолжал надеяться, что ты сможешь понять меня и поверить.

- Я верю, - просто сказала она и уткнулась лицом в его драповое плечо. - Только нам, наверное, ещё предстоит всё решить? Не торопя друг друга, ждать ровно столько, сколько понадобится для того, чтобы быть... вместе?

- Нам придётся нелегко.

- Знаю, - сказала она.

Чуть коснувшись ладошкой волос, она осторожно обняла его голову и, притянув ее к своей груди, не говоря ни слова, нежно уткнулась в нее. Потом, высвободив из кармана другую руку, нерешительно обвила его шею и, прижавшись губами к горячему виску, прошептала:

- Скажи, ведь это всё-таки ужасно, что всё рано или поздно кончается. Даже самое лучшее, что может пожелать и пережить человек. Да? А единственным утешением ему служит только то, что это лучшее у него хоть раз было, и чтобы оно, воспоминание о нем, не пропадало зря.

- Когда что-то кончается в жизни и нужно жить дальше — это ужасно, но ещё ужаснее смотреть, как в силу такой неукротимости судьбы пропадает самое дорогое, и изменить что-либо невозможно.

- Не хочу, чтобы у нас всё так завершилось...

Приподняв воротник, он неловко отстранился от нее и повел плечами. Неслышно кружась, жухлый лист с загнутыми краями упал между ними на скамейку. Она осторожно взяла его и положила на ладошку.

- Смотри, какой смешной... Видишь, в нём ещё теплится жизнь. - Она повертела в руках безжизненный лист. - Брошу его, и он пропадет.

- Ты просто хочешь в это верить, - глухо произнес он. - На самом деле он уже умер.

- Да, хочу, - с еле скрываемой дрожью в голосе сказала она. - Ты думаешь, что всё уже потеряно?

Он ничего не ответил.

- Пусть ушедшего не вернуть, но мы просто переживём наши с тобой поражения и постараемся не умереть. Разве не этого ты хотел когда-то?

- А как же любовь?

- Что ты имеешь в виду?

- Как без неё?

- Может быть, она не оставила нас совсем, а только затаилась и ждет своего часа...

Он взглянул ей прямо в глаза и тихо произнес:

- Это, скорее, похоже на сказку.

- Тогда самую прекрасную из всех, которые я когда-либо слышала... Ты не хочешь в нее поверить?

Он отвернулся и увидел, как какая-то старая женщина не спеша сгребает опавшую листву в небольшие бесформенные кучи. Время от времени поджигая их, она неловко передвигалась от одной дымящейся груды к другой, и делала она это так произвольно, будто не было для нее иной жизни, чем собирать и жечь сухие, мертвые листья в этом затихшем, опаленном осенью саду.

Он, не отрываясь, глядел, как она безразлично, словно желая вконец избавиться от надоедливой старческой памяти, сметает их с узких пустынных дорожек, и ему вдруг стало казаться, что это не листья вовсе, а ее давно увядшие и теперь уже никому не нужные года. Он опустил голову и только тогда заметил, что проглядывающая из-под опавшей листвы трава еще по-весеннему зеленая и свежая.

Оглавление

Вступительная часть	1
«ПОРТРЕТ»	7
«ЗНАК»	41
«ДОБРО».....	47
«ВЗОР»	60
«АРОМАТ»	67
«ЛОНО»	80
«ЛЮБОВЬ».....	91
«ПОЦЕЛУЙ»	128
«ТАЙНА».....	142
«ЯЗЫК»	167
«СТИЛЬ».....	180
«СОН»	196
«САД».....	208
Заключительная часть.....	216